

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + Refrain from automated querying Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + Keep it legal Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at http://books.google.com/

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях. Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
 - Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.
- Не удаляйте атрибуты Google.
 - В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
 - Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Muccus Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице http://books.google.com/

PG 3321 .8435 1856

Benediktor, V.G.

C THE OF PARIS

Бв. випидпичова.

Is Formats.

с. петербургъ.

t41.

PG3321 B435 1856

TRITATE DOSCOURETCA

съ тъмъ, чтобы по отпечатании было представлено въ Ци еј рим Иомитетъ узаконенное число экземпларовъ. С. Пете сътъ. 13 Марта 1856 года.

Ценсоръ В. Вексоръ.

Авторъ считаетъ пеизлишнимъ сказать пъсколько словь о распредъленіи произведеній его т издаваемых им ньинь трехь томахь. — Стихотворенія, которыя были изданы первона**ч**ально въ двужъ книжкажъ въ 1835, 1836, 1838 • 1842 годажь, собраны и помљицены имъ нынъ **в первом**ъ томъ, съ нъкоторыми измъненіями, сь псключеніемь тъхъ піэсь, которыя призмахь онъ слишкомъ слабыми, и со включеніемъ фугижь, остававшихся съ давияго времени въ чь портфели. Второй томъ составленъ изъ стихотвореній, написанныхъ съ тою времени во 1850 годъ и отчасти изъ переводовъ, относящихся къ этому-же періоду; въ третій-же спессии оригинальных піэсы и переводы, принадлежащие ближайшему времени — съ 1850 года. Оба послыдніе тома частію состоять изь стахотвореній, помпыценных в разных періодических изданіях и потому публикт уже извистных, частію-же из таких, которыя в печати еще не являлась.

Tonb I.

(1885 — 1842.)

Она поэту подарила Младыхъ восторговъ первый сонъ, П мысль объ ней одушевила Его цъвницы первый стонъ.

А. Пушкинь.

горныя выси.

Одъты ризою тумановъ И льдомъ заоблачной зимы, Въ рядахъ, какъ войско великановъ, Стоятъ державные холмы. Привътъ мой вамъ, столпы созданья, Нерукотворная краса, Земли могучія возстанья, Побъги праха въ небеса! Здъсь — съ грустной цепи тлготенья Земная масса сорвалась, И, какъ въ порывѣ вдохновенья, Съ кинящей думой отторженья Въ отчизну молній унеслась; — Рванулась выше... но открыла Измую въчность впереди: Чело отъ ужаса застыло, А пламя спряталось въ груди; -

.

ЖАЛОБА ДНЯ.

На востокѣ засвѣтлѣло; Отошла ночная тѣнь; День взошелъ, какъ ангелъ бѣлой.... Отъ чего-жь ты грустенъ, день?

«Отъ того порой грущу я,
Что возлюбленная ночь,
Только къ милой подхожу я —
Отъ меня уходитъ прочь.
Вотъ и нынче — подъ востокомъ
Лишь со мной она сошлась,
Яркимъ пурпурнымъ потокомъ
Облилась и унеслась.
Въ слѣдъ за ней туманы плыми,
Облаковъ катился станъ,

िपद्धाः स्थानसभाकं दशे दश्यासामा. HOSPIGE TOWN THAT IN MARITA. H opkin myrom orimeton: Links which is runts derror. Покрывало было чисто. He where mission. 4) anni traductba apmenincii Увлеченъ, т. какъ стръщ. Гледен, пишен за смутаникой. Gradi Way L. "FEB. VILLE. I'm it inche here here diene, Little daw act. eigh. BEIDNIEUED HE HADRIE GEINMAN, GAIR HU. lican hoa -- on ormans dena Try transported that the categor? 14- BP DECKOMMONE MANGERS INCOME () புருக்கர், சித்தமர் நடிக் — Сълый поры нигу царицы, here he will place much Нав зналительной печины Brancia folicia schilla

Не крупшев, о тень предестиви! Ти найдень ее, найдень Съ чернотой ея чудесной Блескъ свой огненный сольешь, Какъ пройдетъ временъ тревога И окончивъ дольній пиръ, Отдохнуть на перси Бога Утомленный ляжетъ міръ.

къ полярной звъздъ.

Небо полночное звъздъ миріадами
Взорамъ безсоннымъ блеститъ;
Дивный вънецъ его свътитъ Плевдами,
Альдебораномъ горитъ.
Пышныхъ тъхъ звъздъ красоту дучезарную
Бъгдо мой взоръ миноватъ,
Всъ облетътъ, — но, упавъ на полирную,
Вдрутъ, какъ прикованный, сталъ.

Тихо горишь ты, дочь неба прелестная, Послѣ докучнаго дня: Кротко, таинственно, дѣва небесная, Смотришь съ высотъ на меня. Жителя съвера ночь необъятная

Вержетъ надолго во тьму:

Ты — беззвосходная, ты — беззакатная —

Солнце ночное ему.

Въ длинную ночь селянинъ озабоченный,
Взоры стремя къ высотамъ,
Ждетъ — не пропуститъ поры об-уроченной:
Онъ наглядитъ ее тамъ,
Гдѣ Колесница небесъ без-отъѣздная
Искрой твоей зажжена;
Тамъ въ книгѣ звѣздной ему семи-звѣздная
Времени буква видна.

Плаватель по морю бурному носится — Гдть-бы маякъ проблеснулъ?
У моря жаднаго дна не допросится, — Берегъ — давно потонулъ.
Тамъ его берегъ, гдт ты зажигаешься, Горній маякъ, для очесъ!
Тамъ его дно, гдт ты въ небо впиваешься, Огненный якорь небесъ!

Вижу: свѣтилъ хороводъ обращается — Ты-жь въ свою высь вкрѣплена; Видъ неба звѣзднаго чудно мѣняется — Ты неизмѣнна одна.

Не отъ того-ли такъ сердцу мечтателя Миль твой серебряный лучъ?

Молви: не ты-ли въ десницѣ Создателя, Звѣздочка, вѣчности ключъ?

РАЗВАЛИНЫ.

Обломки... прахъ.... Все сумрачно и дико. Въ кускахъ столбы — изгнанники высотъ; Въ разсълины пробилась павилика И, грустная, по мрамору ползётъ. Тамъ — чуть висять полунагіе своды; Здъсь — дряхлая стоить еще стъна; — И все въ рубцахъ, и все изсъкли годы И вывели узоромъ письмена: Прочли-ль вы ихъ? - Здѣсь лѣтопись природы На зодчествъ людей продолжена. Здесь время быть художникомъ желало -И медленно огнемъ и влагой бурь Согнавъ долой и пурнуръ и дазурь, Тапиственныя краски набросало, И настушивъ широкою пятой На мрачиыя, безмольныя рупны,

Любуется могильной красотой Безъ кисти имъ написанной картины. Тамъ башня спитъ, уныло преклонясь: Стоявшая надмѣннымъ великаномъ Теперь своимъ полуизтлѣвшимъ станомъ На груды стѣнъ упавшихъ оперлась, И старчески лежитъ, облокотясь. Дочь времени! Тебя изъѣло тлѣнье: Исчезло все — и крѣпость и краса; Устала ты летъть на небеса И, бренная, легла въ изнеможеньѣ.

Вотъ ночь. — Луна глядитъ на ликъ земли:
Изъ подъ ея серебрянаго взгляда,
Сквозь паръ ночной, на вышинѣ, вдали,
Является развалинъ тѣхъ громада
Безъ образа, какъ призракъ безъ лица,
И грудами колонъ разбитыхъ звѣнья
Виднѣются — подъ желтой пылью тлѣнья
Разбросаны, какъ кости мертвеца,
Лишенныя святаго погребенья.
Нѣмая тишь... Одинъ неровный шумъ
Своихъ шаговъ полночный путникъ слышитъ —
И возмущенъ въ немъ рой неясныхъ думъ,
И все окрестъ глубокой тайной дышитъ.

УТЕСЪ.

Отвеюду объятый равниною моря
Утесъ гордо высится; — мраченъ, суровъ,
Незыблемъ стоитъ онъ, въ могуществъ, споря
Съ прибоями волнъ и съ напоромъ въковъ.
Валы только лижутъ могучаго пяты;
Отъ времени только бразды вдоль чела;
Мохъ сърый ползетъ на широкіе скаты;
Съдая вершина — престолъ для орла.

Какъ въ плащъ, исполинъ весь во мглу завернулся, Поникъ, будто въ думахъ, косматой главой, Безстрапино надъ моремъ всѣмъ станомъ нагнулся П грозно нависнулъ надъ бездной морской.

ы ждете: падеть онь — не ждите паденья! аклонно онъ сталь, чтобы сверху взирать а слабыя волны съ усмъшкой презрънья смертнаго взоры отвагой пугать.

нъ хладенъ; — но жаръ въ немъ закованъ природны о дни чудодъйства зиждительныхъ силъ орывомъ огия — съйгъ огня первородный — зъ сердца земли здъсь онъ выдвинутъ былъ; злетълъ — и застылъ опъ твердыней гранита; му не живителенъ солнечный лучъ; ля нъгъ его грудь въковая закрыта, дикъ, и угрюмъ онъ: за то онъ могучъ!

а то онъ неистовой радостью блещеть, акъ вътры помчатся въ разгульный свой путь, огда въ него море бурунами хлещетъ в прыгаетъ жадно гиганту на грудь. — отъ молни пламя надъ нимъ засверкало, верунъ свой ударъ сму въ темя нанесъ — вто-жъ? — Огненный змъй изломилъ свое жало весъ невредимый, хохочетъ угесъ.

пожаръ.

Ночь. Сомкнувшілся тучи Лунный ликъ заволокли; Легъ по вътру дымъ летучій; Мигъ — и вспыхнуло вдали. Встало пурпурное знамя, Искоръ высыпала рать, И пошелъ младенецъ-пламя Вольнымъ юношей гулять.

Идеть и растеть онъ — красавець опасный! Надъ зданья громадой онъ бурно возсталъ, Къ ней жадною грудью прильнулъ сладострастио, Червонныя кудри свои разчеталъ, И пышутъ объятья, дымятся лобзанья.... Могучій прельститель во мракв ночномъ

На мльющихъ грудахъ роскошнаго зданья Сверкаетъ побъднымъ любви торжествомъ. Какіе изгибы! Взгляните: вздымаясь въ эеирный чертогъ Нахмуренныхъ тучъ разрумянилъ онъ глыбы; Взгляните: онъ заревомъ небо зажётъ!

Царствуй, алчная стихія!
Раздирай покровы ночи!
Обнимай холодный міръ!
Вейтесь, кудри огневыя!
Упивайтесь ими, очи!
Длись, огня разгульный пиръ!
Вѣтеръ воетъ; пламя рвется;
Съ трескомъ рухнула громада;
Заклубился дымъ густой; —
Дикимъ грудь восторгомъ бъется:
Предо мной вся прелесть ада.
Демонъ! адъ прекрасенъ твой!

Вотъ — буря стихаетъ, и пламя слабѣетъ. Не заревомъ небо — зарето алѣетъ; То пламя померкло, а солнечный шаръ Съ востока выводитъ свой вѣчный пожаръ. Что-жь? — На мѣстѣ, гдѣ картина Такъ торжественна была — Трупъ лишь зданья-исполина, Хладный пепелъ и зола. Рдѣла пурпуромъ сраженья Ночь на праздникѣ огня; Слѣдъ печальный разрушенья Озаренъ лучами дня. Въ ночь плѣнялся я красою, Пламень, буйства твоего: Днемъ я выкуплю слезою Злость восторга моего.

Слеза сожальныя сбыжала съ рысницы,

И взоръ мой стремится къ пожару денницы,

Къ пожару свытила — алмаза міровъ; —

Издавна слыдимый очами выковъ,
Все полонъ обычной онъ пламенной силы;
Земля на могилахъ воздвигла могилы,

А онъ, то открытый, то въ облачной мгль,
Все пышетъ, пылаетъ и свытитъ земль.

Невольно порою мечтателю мнится:
Онъ на небы блещетъ послыдней красой,

И вдругъ, истощенный, замретъ, задымится —

И сирую землю осыплетъ золой.

черныя очи.

Какъ могущественна сила Черныхъ глазъ твоихъ, Адель! Въ нихъ — безстрастія могила И блаженства колыбель. Очи, очи — обольщенье! Какъ чудесно вы могли Дать небесное значенье Цвъту скорбному земли!

Прочь съ лазурными глазами — Дѣва-ангелъ! — Ярче дня Ты блестинь; но у меня Ангелъ — съ черными очами. Вы, кому любовь дано Пить очей въ лазурной чашѣ, —

Пусть дазурно небо ваше: **У** меня — оно черно. Вамъ — кудрей руно златое, Аруги милые! Для васъ Блещетъ пламя голубое Въ паръ нъжныхъ, томныхъ глазъ: Я пирую — въ черномъ цвътъ, II во снъ и на яву Я витаю въ черномъ свътъ, Чернымъ пламенемъ живу. Пусть васъ тешить жизни сладость Въ яркихъ радужныхъ лучахъ: Миъ мила, понятна радость Только въ траурныхъ очахъ. День-ли катитъ волны свъта — 336994 Для другихъ всь мраки прочь. Аля меня-жь все тьмой одъта Глазъ Адели черна ночь.

Вотъ смотрю, смотрю ей въ очи, Проникаю въ глубину, — Глубже, дальше... тамъ одну Вижу искру въ бездић ночи: О, какъ искра та чудна! То трепещетъ, то затихнетъ, То замретъ, то пуще вспыхнетъ,

- 18 -

Такъ и рѣзвится она. Искра неба въ женскомъ теле! Я узналъ тебя, узналъ, Тайный блескъ твой разгадаль: Ты — душа моей Адели! Вотъ блестящая взвилась, Задрожала, поднялась, Подступила, подлетъла Къ рамамъ, къ проръзи очей, И умильно посмотрѣла Въ окна храмины своей, Тихо влагой въ нихъ плеснула, Тихо въ глубь опять порхнула, -А на черные глаза Навернулась и блеснула, Какъ жемчужинка, слеза.

Вотъ и ночь. Средь этой ночи Черноты ея чернъй Блещутъ черныя тъ очи Чернымъ пламенемъ страстей. Вътеръ юга тепло-крылый Двинулъ тучи; изъ-за тучъ Лунный выръзался лучъ, И упавъ на очи милой

На окать ихъ живомъ
Раздробился серебромъ.
Дъвы грудь волнообразна...
Ночь глуха, полна соблазна....

Прочь, лукавая мечта!
Нѣть, Адель, живи — чиста!
Не довольно-ль любоваться
На тебя, звѣзда любви,
И очами погружаться
Въ очи черныя твои,
Проникать въ ихъ мглу густую
И высматривать въ тиши
Неба слёзку золотую,
Эту искорку святую —
Блестку ангельской души?

Вы ждете: падетъ онъ — не ждите паденья! Наклонно онъ сталъ, чтобы сверху взирать На слабыя волны съ усмъшкой презрънья И смертнаго взоры отвагой пугать.

Онъ хладенъ; — но жаръ въ немъ закованъ природный: Во дни чудодъйства зиждительныхъ силъ Порывомъ огия — сыйъ огня первородный — Изъ сердца земли здъсь онъ выдвинутъ былъ; Взлетъть — и застылъ онъ твердыней гранита; Ему не живителенъ солпечный лучъ; Для нъгъ его грудь въковая закрыта, И дикъ, и угрюмъ онъ: за то онъ могучъ!

За то онъ неистовой радостью блещеть, Какъ вътры помчатся въ разгульный свой путь, Когда въ него море бурунами хлещетъ И прыгаетъ жадно гиганту на грудь. — Вотъ молніи пламя надъ нимъ засверкало, Перунъ свой ударъ ему въ темя панесъ — Что-жь? — Огненный змъй изломилъ свое жало И, весь невредимый, хохочетъ утесъ.

На окатъ ихъ живомъ
Раздробился серебромъ.
Дъвы грудь волнообразна...
Ночь глуха, полна соблазна....

Прочь, лукавая мечта!

Нѣтъ, Адель, живи — чиста!

Не довольно—ль любоваться

На тебя, звѣзда любви,

И очами погружаться

Въ очи черныя твои,
Проникать въ ихъ мглу густую

И высматривать въ тиши

Неба слёзку золотую,

Эту искорку святую —

Блестку ангельской души?

- 22 -

Кудри, кудри золотыя,
Кудри пышныя, густыя,
Дѣвы царственный вѣнецъ!
Вами юноши прельщались,
Къ вамъ мольбы ихъ выражались
Стукомъ пламенныхъ сердецъ;
Но снѣдаемые взглядомъ
И доступны лишь ему,
Вы земнымъ, безцѣннымъ кладомъ
Не вручились никому:
Появились, порѣзвились, —
И, какъ въ море водъ хрусталь,
Ваши волны укатились
Въ неизвѣданную даль.

НЕЗАБВЕННАЯ.

Въ дни, когда въ груди моей чувство развивалося Такъ свѣжо и мо̀лодо,

И мечтой согрѣтое сердце не сжималося Отъ земнаго холода, —

Въ сумракъ безвъстности за Невой широкою Небомъ сокровенная

Мит явилась милая, — дтва свътлоокая, Дтва незабвенная.

Какъ она несла свою тихо и торжественно Грудь полу-развитую!

Какъ глубоко принялъ я взоръ ея божественный Въ душу ей открытую!

На иладомъ челѣ ея зрѣлось отпечатано Надъ очей алмазами,

Какъ ея мысль тихая, словно птенчикъ, спрятана, Развивалась въ разумѣ, А потомъ изъ устъ ея, мысль та, оперенная Ръчью сладколепетной,

Выдетала чудная, въ краски облеченная, Райской птичкой трепетной;

Если-жь діва милая ласковымъ вниманіемъ Юношу леліяла, —

Теплотой полуденной, южнымъ обаяніемъ Отъ предестной вѣяло.

Помните-ль, друзья мон? — Тамъ ее видали Въчно-безмятежную,

Съ радостями темными, съ ясными печалями И съ улыбкой изжиою.

Съ ней неслись мечтатели въ области надавъз Помыслами скрытными;

Чудная влекла къ себѣ и сердца желѣзныя Персями магнитными.

Гдѣ-жыты, дѣва міная? Гдѣ ты, празднікъ сладос Что зовется младостью?

Гдъ все то, что смертные на землъ безрадос Называютъ радостью?

Въ въчность укатились тъ дни волнообразные Подъ судьбою строгою

Многое я пережиль; были встрѣчи разныя, Измѣнилось многое. Передъ дѣвой новою сердца безпокойнаго Тлѣло чувство новое,

Но ужь было чувство то — послѣ лѣта знойнаго Солнце Сентябрёвое.

Предаю забвенію новую прелестницу, Въ грудь, на въки плънную,

Заключивъ лишь первую счастья провозвѣстницу — Дѣву незабвенную.

Всюду въ жизни суетной, въ буряхъ испытанія, Бъдность обнаружена;

Но, друзья, не бъденъ я: въ терніяхъ страданія Свътится жемчужина,

И по гранямъ памяти ходитъ перекатная, Блещетъ многоцѣнная —

Это пераъ души моей — дъва невозвратная — Дъва незабвенная!

Ты опять передо мною,
Провозвъстница всъхъ благъ,
Вновь подъ кровлею родною
Здъсь — на Невскихъ берегахъ,
Здъсь — на тающихъ снъгахъ,
На нетающихъ гранитахъ, —
И тебя объемлетъ кругъ
То друзей полу-забытыхъ,
То затерянныхъ подругъ, —
И пъвецъ, во дни златые
Пъвшій въ пламени любви
Очи, тайной повитыя,
Очи дивныя твои,
Пившій чашею безбрежной

Горе страсти безнадежной, Безраздѣльныхъ сердца грёзъ, Видя снова образъ милой, Снова съ пѣснію унылой Въ даръ слезу тебѣ принесъ.... Помнишь — прежде то-ли было? Рѣки пѣсенъ, море слезъ!

О, когда-бы всё мученья,
Всё минувшія волненья,
Могь отдать мнё твой возврать, —
Я-бы всё мои стремленья,
Какъ съ утеса водопадъ,
Въ чашу прошлаго низринулъ,
Я-бъ, не дрогнувъ, за неё
Разомъ въ вёчность опрокинулъ
Все грядущее моё!

Ты все та-жь, какъ въ прежни годы, Въ дни недавней старины, Въ дни младенческой свободы Золотой твоей весны; Но рука — съ кольцомъ объта — И мечты мои во прахъ!

- 28 -

Пылъ сердечнаго привъта Замираетъ на устахъ....

Отъ чего-жь? Гдт чувства святы --Нътъ преграды для меня. Для несчастныхъ нътъ утраты. Мит все та-же, чтмъ была ты Ло вънчательного дня. Пусть блестить кольцо объта, Какъ судьбы твоей печать! И супругу стихъ поэта Властенъ дъвой величать. Облекись-же симъ названьемъ! Что шумъ свъта? Что молва? Твой пітвецт купилт страданьемт Міру чуждыя права. Онъ въ страданьи торжествуетъ; Онъ воспитанъ для него; Онъ лелветъ, онъ цълуетъ Язвы сердца своего, И не хочетъ, и не проситъ Воздаянья на земль; Онъ въ груди всѣ бури носитъ И покорность на челъ.

Такъ, — покорный воль рока Я смиренно признаю, Чту я свято и высоко Участь брачную твою, — И когда передъ тобою Появлюсь еще на мигъ — Я глубоко чувство скрою, Буду холоденъ и дикъ; — Свъта грустное условье Выполняя, какъ законъ, Принесу, полу-смущёнъ, Лишь вопросъ мой о здоровьъ, Да почтительный поклонъ.

Но въ часы уединенья,
Но въ полуночной тиши —
Невозбраннаго томленья
Буря встанетъ изъ души,
И мучительно ликуя,
Полнымъ стономъ разрѣшу я
Въ сердцѣ сдавленный огонь,
Вольно голову, какъ ношу
Сердцу тягостную, брошу'
Я на жаркую ладонь,
И, какъ волны, звуки прянутъ,
Звуки — жемчугъ, серебро, —

_ 30 -

Слезы брызнуть, звуки кануть Со слезами подъ перо, И въ живой ръкъ наизва Грянетъ звонкая струя: «Ты моя, мой ангелъ-дъва, Незабвенная моя!»

петербургская сторона.

Нева! Красавица — Нева!
Ты та-же все, и предо мною
Блеститъ все той-же шириною
Сей водной ленты синева; —
Но тотъ-же-ль я, какъ въ прежни годы,
Когда въ обновахъ бытія,
На эти зеркальныя воды
Любилъ засматриваться я?

Тогда, предчувствій робкихъ полный, Слѣдилъ я взорами твой бѣгъ, И подо мной, дробясь о брегъ, Уныло всхлипывали волны, И я подъ ихъ волшебный шумъ, Ихъ вздохи и неясный ропотъ

- 33 -

Настревлъ менетъ нервыхъ дунъ

И первыхъ чувствъ любовный шонотъ. —

Потомъ, тоскуя и любя,

Потомъ, и мысля, и страдая,

О сколько разъ. рѣка родная,

Смотрѣлъ и въ далъ черезъ тебя —

Туда — на темный край столицы,

Туда, гдѣ чудная она

Иодъ взиахомъ творческой десиншы

Державной мыслью рождена.

Зачьть туда летып взгляды? За чьть туда чрезь Невскій токъ Убогій несь меня челнокъ Въ часъ тихой вечера прохлады, Или тогда, какъ пънный валь Съ возможной сплой бушеваль, Иль въ тъ часы заповъдные, Какъ межъ гранитныхъ береговъ Спирались иглы ледяныя И зимній саванъ былъ готовъ?

Зачѣмъ? — Друзья мон, не скрою: Тотъ край — любви моей страна.

Тамъ — за оградой крѣпостною Пустынно стелется она. Тамъ не встрѣчаютъ ваши взоры Красой увѣнчанныхъ громадъ; Нагнувшись, хилые заборы Въ нѣмыхъ тамъ улицахъ стоятъ; Въ глуши разметаны безъ связи Жилища смертныхъ какъ нибудъ, И суждено имъ въ морѣ грязи Весной и осенью тонуть.

Но.... избалованные други!

Уже-ль не приходилось вамъ,
Дѣля обильные досуги
По всѣмъ Петрополя концамъ,
Въ тотъ мирный край, хотя случайно,
Стопой блуждающей забресть?
Туда, друзья! — Скажу вамъ тайну:
Тамъ можно сердце перевесть.

О сколько разъ, страна глухая, По темнымъ улицамъ твоимъ Бродилъ я, трепетно вздыхая. Сердечной жаждою томимъ!

_ 34 _

Потупа взоръ, пречита кладбина, Влача тяжелый сердца плінь, Шагаль я вдоль заветныхъ степь Моей возлюбленной жилипа. И вильть въ окнахъ бленый светь. И все галаль: зайти вль нътъ? Что-жь? Чтить решаль недоуменье? Зайду. Къ чему въ святомъ стремленьъ Себя напрасно уклонять? Не гръхъ-ли сладкое игновенье У сердца-нищаго отнять? И в быль тамь. Какъ цвътъ Эдема, Моимъ отрадная мечтамъ, Она — души моей поэма — Меня привътствовала тамъ, Меня въ свой рай переносила, Меня блаженствовать учила: Страдать — я выучнися самъ.

Теперь она не тамъ: далеко!
Но и теперь отрадно миѣ
Бродить безъ цѣли одиноко
По той пустынной сторонѣ.
Миѣ тамъ привѣтнѣй блещетъ въ очи
И полдия пламенный уборъ

И чудный свътъ созвъздій ночи — Небесъ недремлющій дозоръ. Земнаго счастья отчужденца Все тамъ живитъ меня досъль, И тъщитъ сердце, какъ младенца, И зыблетъ грудь, какъ колыбель.

0 3 E P O.

Я помню приволье широкихъ дубравъ; Я помню край дикій. Тамъ, въ годы забавъ, Ребяческой рѣзвости полный, Я видѣлъ: синѣла, шумѣла вода,— Далеко, далеко, не знаю куда, Катились все волны, да волны.

Я отрокомъ часто у брега стоялъ, Безъ мысли, но съ чувствомъ на влагу взиралъ, И всплески мнѣ ноги лобзали. Въ дали безконечной виднѣлись лѣса; Туда мнѣ хотѣлось: у нихъ небеса На самыхъ вершинахъ лежали. Съ детскихъ летъ я полюбилъ Пънистую влагу; Я, играя въ ней, ростилъ Волю и отвагу. Въ полдень, съ берега спустясь Въ глубь волны холодной, Обнимался я не разъ Съ нимфою подводной. Какъ любилъ я съ ней играть, И съ волною чистой Встрътясь, грудью разшибать Гребень серебристый! Какъ мнѣ нравилось потомъ Мчаться надъ водою, Гордо дъйствуя весломъ Дътскою рукою, И закинувъ съ челнока Уду роковую Приманить на червяка Рыбку молодую!

акъ я и боялся, и вмъстъ любилъ, огда вдругъ налеты невъдомыхъ силъ Могучую влагу сердили, И вздутые въ бъщенствъ вроить валы Ровесинцы міра — косматой скалы Чело загорълое мыли.

Пловенъ устрашенный руменъ не водиль:
Подъ нинъ развервался рядь зыбкихъ могиль,
Волно погребальная выла....
При проблескахъ молній, подъ гумонъ громовъ,
Справлялася свадьба озерныхъ духовъ:
Такъ темная чернь говорила.

Помию: подъ роскопной мглой Все покой вкущало;
Сладкой свъжестью ночной Озеро дышало;
Стройно двигалась ладыя;
Средь роднаго круга Въ ней неслась Адель моя —
Шалостей подруга —
Милый ангелъ дътскихъ лътъ;
Я смотрълъ ей въ очи; —
Съ веселъ брызгалъ чудный свътъ
Череаъ дымку ночи;

Въ ясныхъ зеркальныхъ зыбяхъ Небо отражалось; На разнъженныхъ струяхъ Звіздочка качалась. Леть двенадцать было мне: Время-ль тутъ и мъсто? Вдругъ шепнулось въ тишинъ: Вотъ твоя невъста! И къ Адели на плечо Жадно вдругъ припалъ я; Такъ мнѣ стало горячо ---Отъ чего? — не зналъ я: Жаръ лице мое зажёгъ, И — не смъйтесь люди! — У ребенка чудный вздохъ Вырвался изъ груди.

Забуду-ль вашъ вольный, стремительный бѣгъ, О полныя силы и полныя нѣгъ
Разгульныя, шумныя воды?
Забуду-ль тотъ берегъ, гдѣ, дикъ и суровъ, Закинувши тоню, пѣвецъ-рыболовъ
Затягивалъ пѣсню свободы?

Вять — предолжен водов на полить ты инб.
Ва такой бликованной синтей гиппина,
Ва таком булоскими упресновы
День поучения каком и мобить.
И нема металь-бы дмига спой слить
Са таком управлениями примен.

искр А.

Дикій камень при дорогѣ Дремлетъ глыбою нѣмой. Въ бурный день земля въ тревогѣ: Онъ недвиженъ подъ грозой. Дни-ль златые улыбнутся — Всюду жизнь заговоритъ, Всюду звуки отольются: Глыба мертвая молчитъ; Все одѣто ризой свѣта, Все согрѣто, а она — Сѣрымъ мхомъ полу-одѣта, И мрачна и холодна. Но у этой мертвой глыбы Жизни чудное зерно

Въ сопровенные изгибы До поры схоровено. Bors - y paps! One apocnymes, Zorra morvait incian. **И** со заувоять встрешенувась Брызга свъта и тепла: Некра вркая вепрытнула Изъ темницы въюсой. CREMINE BORIVEOUR JOSENIES, Красной звіздочкой блеснула, Разгорълсь красотой. Мигъ еще — и дочь удара Въ тонкомъ воздухѣ замретъ, Иль живымъ зерномъ пожара Вдругъ на вътку упадетъ II дремучій лість зажжеть; — Обратится искра въ пламень -II лежавшій вы таккомы сих Самъ ее родившій камень Разрушается въ огић.

Долго духъ въ оцъпенъны Безотзывенъ и угрюмъ; Долго въ хладномъ онъмъны Дремлетъ сераце, дремлетъ умъ; Долго искра золотал
Въ безднѣ сумрачной души,
Въ Божій міръ не выступая,
Спитъ бездѣйственно въ тиши; —
Но ударъ нежданый грянетъ —
Искра прянетъ изъ оковъ
И блистательно проглянетъ
Изъ душевныхъ облаковъ,
И по міру пролагая
Всепалящей силой путь,
И пожары развивая,
Разрушаетъ огневая
Огне—творческую грудъ.

три вида.

1.

Прекрасна дѣва молодая, Когда, вся въ газъ облечена, Несется будто неземная Средь танца рѣзваго она. Нарядъ воздушный, изгибаясь, То развиваясь, то свиваясь, На разгорѣвшуюся грудь Очамъ прокладываетъ путь. Она летитъ, она сверкаетъ, И въ нѣгѣ млѣетъ все кругомъ, И въ сладострастіи нѣмомъ Паркетъ подъ ножкой изнываетъ. То взоръ опущенъ, то мелькнетъ Изъ подъ кокетливой рѣсницы

Ръзцомъ любви округлено.

2.

Прекрасна дѣва молодая, Когда, влюбленная, она, О миломъ юношѣ мечтая, Сидитъ, печальна и блѣдна; Сложивъ докучную снуровку, Летаетъ мыслью вдалекъ, И подпершись на локоткъ Поконтъ томную головку. Въ очахъ рисчется тоска, Какъ на лазури тънь ночная, И перси зыблются слегка, Въ томленьи страстномъ замирая. Кругомъ все полно тишины. Недавній блескъ и говоръ бальной Сміненъ таинственною спальней, Гдъ въ ожиданьи выотся сны Надъ чистымъ ложемъ невидимкой Съ волшебно-радужною дымкой,

буда папа тъ горний запинава Мосъ находить, за го упрациий, Лучь «больстительный и «пациий Исбесной путанцы,— дуны

Ł

Прекрасна даз чолодая, Horas noncontra ma. Росконно чены паленеля Средь упонтельного жа. Рука, угинута лебрежио. Лежитъ подъ заний головой. И варенное л ной Чело ит имечь лелонилось аткино. Ростануть вы центу изы жими Ивмятый юконъ инзиадаетъ И брошенъ на-кось зъ пол-ища, Черты волшебно оттыветь: --Грудныя волны и плечо. Нинвиъ незримыя, открыты, м ратногь жарии ланиты, И устъ даханье горячо. ишины атул атэвеноди — атов П **Лилейный**: занаваеть окна: **Ви восившенть** обанный сна Арожатъ рескопиные расчицы;

Готова спящая вздохнуть,
По лику блёдность пролетёла —
И вдругъ — взволнованная грудь
Въ какомъ-то трепетё замлёла....
И вотъ — лазурная эмаль
Очей прелестныхъ развернулась,
И дёва рада, что проснулась,
И сна лукаваго ей жаль.

золотой въкъ.

Ты быль—ли когда—то плѣнительный вѣкъ, Какъ пышныя рощи подъ вѣчной весною Сіяли всегдашнихъ цвѣтовъ красотою, И въ рощахъ довольный виталъ человѣкъ, И сердца людскаго не грызла забота, И та—же природа, какъ нѣжная мать, Съ людей не сбирала кроваваго пота, Чтобъ зернами щедро поля обнизать?

Вы были-ль когда-то блаженные дии, Какъ злая неправда и злое коварство Не въдали входа въ Сатурново царство, Глъ радость сверкала, куда ни взгляни, — На землю взирая съ лазурнаго свода, Свътила небесъ замъняли судей, Законы писала одна лишь природа И милая дикость равняла людей?

Вы были-ль когда-то златые года, Какъ мирно лежало въ недвижномъ поков Во мракв подземномъ жельзо тупое И острымъ мечемъ не играла вражда, — И хищная сила по лику земному Границъ не чертила кровавой чертой, Но тихо катилось отъ рода къ другому Святое наслъдье любви родовой?

Ты было-ли время святой простоты, Когда, озаряясь величьемъ спокойнымъ, Прекрасная дъва предъ юнойней стройнымъ Не крыла волшебной своей наготы, — Когда и тъла ихъ и души смыкая, Любовь не таилась въ ущельяхъ сердецъ, Но всюду раскрыта, всъмъ въ очи сверкая, На міръ надъвала всеобщій вънецъ?

Ты быль—и, выть дивный? — Твоя красота Не есть—и сліянье прекрасных видіній, Пламительный вымысль — игра поколіній, Мль дряхлаго міра о прошломъ мечта? Тебя не бывало! — Позорищемъ муки Быль юноша—міръ, какъ и міръ нашъ сідой, Но віють тобою Овидія звуки — М сердцу понятенъ ты, вікъ золотой.

БИВАКЪ.

ю. Ни звъздочки на черномъ неба сводъ. проливнымъ дождемъ на длинномъ переходъ юкнувъ до костей, до сердца, до души, ии на мѣсто мы — и мигомъ шалаши али, выросли. Ну, слава Богу: дома! роскошь! — вносится въ отрадный мой шалашъ г, свѣжая, упругая солома. йникъ что? »—Кипитъ. —О чай—спаситель нашъ! утъ. Идетъ деньщикъ-служитель ратныхъ становъ нце музыки привътный звонъ стакановъ : ужь слышится; — и чайная струя итъ стакановъ рядъ наполнить по края. пься и берешь — и съ сладострастной дрожью ь нектаръ, радость пьешь, глотаешь милость Божью... . — житель городской: какъ хочешь, величай гокъ жалкій свой, а только онъ — не чай!

Нътъ люди мирные. — когда вы не живали Бивачной жизнію — вы чаю не швали. Гладишь, все движется, воличется, кишить; Огин разведены — и что за чудный видъ! Такаго и во сит вы втрно не видали: На грунтъ сумрачномъ необозримой дали Фигуры вонновъ, какъ тени, то черны, То алымь пламенемъ красно освъщены, Картинно видятся въ различныхъ положеньяхъ, Кругами, группами, въ раскидистыхъ движеньяхъ, Облиты заревомъ, подъ искрами огней. Со всею предестью головъ ихъ посъдълыхъ, Мохнатыхъ ихъ усовъ, нависшихъ ихъ бровей II глазъ сверкающихъ и лицъ перегорълыхъ. Забавникъ-шутъ острить — и красное словцо II добрый, звонкій сміхъ готовы на лицо. Кругомъ и крикъ, и шумъ, и общій слитный говоръ. Предългами вновь деньщикъ: теперь ужь онъ, какъ пов Явился; ужинъ нашъ готовъ уже совстмъ. Спасною, мой Ватель! Спасною, мой Каремъ! Прекрасно! — І дъшмъ живой артелью братской Какъ вкусенъ безъ приправъ простой кусокъ солдате Повли — на лобъ крестъ — и на солому бухъ! II ужь герой храпитъ во весь геройскій духъ. О богатырскій сонъ! — Едва-ль онъ перервется, Хоть громъ изъ тучи грань, обрушься неба гвердь.

Великольный сонь! — Онъ глубже, мнь сдается, Чыть тоть, которому дано названье: смерть. Тамъ синшь, а душу все подталкиваетъ совъсть И надъ ухомъ ея нашептываетъ повъсть Минувшихъ дней твоихъ; — а тутъ.... но барабанъ Вдругъ грянулъ — и возсталъ, воспрянулъ ратный стан

_ 35 -

BOTA RANGE M. MEALL'S.

5 Mag 1831.

- ть невинности, какть ангеловть моли Спокойна ночи тёнь. грознам воспламенится битва. Настанетъ бурный лень.
- о освіщень бивачными огнями.
 Здісь ружей нашихь лість венно гладить грехгранными штык:
 На звіздный сводь небесь —

очамь въ звъдамъ гъмъ безиреді Указываеть путь:

Усталыхъ ратниковъ разсѣянныя тучи
На краткій сонъ легли,
Не вѣдая, кого съ зарей свинецъ летучій
Сорветъ съ лица земли.

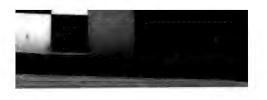
При мысли о концѣ душа моя не стонетъ,
Но рвусь отъ думы злой,
Что въ сумрачныхъ волнахъ забвенія потонетъ
. Туманный жребій мой.

Кипящая душа въ нѣмую вѣчность ляжетъ Безъ отблеска небесъ; Лишь дѣва милая своей подругѣ скажетъ: «Онъ былъ, любилъ, исчезъ.»

Она чиста, она свътла И убрана сребромъ и златомъ, Герою-воину мила И съ нимъ дружна, какъ съ милымъ братомъ. Свои стальныя красоты Одеждой тѣсной чинно кроя, Во время мира и покоя Она стыдится наготы: --Но вспыхнетъ брань, настанетъ дъло — И вмигъ блеспетъ, обнажена, И міру выкажетъ она Красиво-выгнутое тьло; Объята воина рукой, Тогда, открыта, безъ наряда, Она сверкаетъ остротой Огне-убійственнаго взгляда,

И въ глубь сердецъ находитъ путь, — И хоть лобзаетъ безъ сознанья, Но далеко проходятъ въ грудь Ея жестокія лобзанья, И часто въ жаркія мъста Всъкаясь съ дикою любовью, Ея жельзныя уста Дымятся жертвенною кровью. — Когда нага — она грозитъ, Она свиститъ, она разитъ; — Но громъ военный утихаетъ, И утомленная рука Ее покровомъ облекаетъ, И вновь она, тиха, кротка, Близь друга, съ боку, отдыхаетъ.

- 60 -

сослуживцу

(послъ кампаніи 1831 г.)

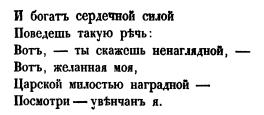
Буря брани прекратилась; Конченъ лютый пиръ войны, И спокойно опустилась Сабля върная въ ножны. Слава храбрымъ! Падшимъ тризна! Воинъ! Шлемъ съ чела сорви! Посмотри: тебъ отчизна Заплела вънокъ любви.

Дъвы съ ясными очами Ждутъ героя: приходи! Изукрасится цвътами Царскій орденъ на груди; Къ сердцу счастіе привьется У родимыхъ Невскихъ струй, И вся жизнь твоя сольется Въ безконечный поцѣлуй.

Нѣтъ числа красамъ вселенной: Сердцу милая — одна. У тебя въ странѣ безцѣнной Есть завѣтная — ома — Слаще стройнаго напѣва, Ярче солнечныхъ лучей, Ясный ангелъ, радость—дѣва, Ненаглядный свѣтъ очей.

Воинъ, помнишь—ли, бывало, Въ легкой ръзвости своей Иногда она играла Саблей дъвственной твоей; А теперь у этой грани, Гдъ рука ея бралась, Блещутъ крестъ и надпись брани — Сабля лавромъ обвиласъ.

Ты повергнешь къ ножкъ милой Этотъ мужественный мечъ,

Къ твоему лишь правосудью Обращаюсь я теперь: За отчизну бился грудью Я не даромъ — нѣтъ потерь; — Но за то, что стойко, честно Бой я выдержалъ въ груди, Жду еще награды лестной: Ангелъ жизни! Награди!

прощаніе съ саблею.

Прости, о стальная красавица брани!
Прости, благородная сабля моя!
Влекомый стремленіемъ новыхъ желаній,
Пойду я по мирной стезѣ бытія.
Давно-ль твой клинокъ отточилъ я на камнѣ
И вѣрную службу несла ты въ бояхъ?
Но — кончены битвы — и ты не нужна мнѣ,
Стѣсненная въ темныхъ и душныхъ ножнахъ.

Прости-же, холодная, острая дѣва, Съ кѣмъ дружно дѣлилъ я свой бытъ кочевой, Кому посвятилъ я начатки напѣва Струнъ лирныхъ средь жизни моей боевой! Есть дѣва другая въ краю мнѣ любезномъ, Прекрасна и жаромъ любви калена. Нѣтъ жаркой души въ твоемъ тѫѣлѣ желѣзномъ: Иду отогрѣться, гдѣ дышитъ она.

«Напрасно, о воинъ, меня покидаешь!» Мнѣ кажется, шепчетъ мнѣ сабля моя, — «Быть можетъ, что тамъ, гдѣ ты розъ ожидаешь, Найдешь лишь терновый вѣнецъ бытія. Адъ женскаго сердца тобой не измѣренъ; Ты цѣнишь высоко обманчивый даръ; Мой хладный составъ до конца тебѣ вѣренъ, А свѣтскихъ красавицъ сомнителенъ жаръ.»

О нѣтъ, я тебя не оставлю въ забвеньѣ, Желѣзный мой ангелъ! — Ты будешь со мной, — И ржавчинѣ лютой не давъ на съѣденье, Тебя обращу я въ кинжалъ дорогой, И ловкой кинжалъ тотъ снабжу рукоятью, Блестящей оправой украшу ножны, — И пусть онъ виситъ надъ моею кроватью И пусть стережетъ мнѣ завѣтные сны!

горячій источникъ.

Струею жгучей выбъгаетъ Изъ подземелья водный ключъ; Его не солице нагръвастъ, Не виъшнимъ жаромъ онъ кипучъ: О нътъ, — сокрытое горнило Его глубоко вскипятило. Ядра земнаго глубинамъ Огонь завъщанъ самобытной: Оттуда гость горячій къ намъ Изъ двери вырвался гранитной.

Такъ въ мрачной сердца глубинѣ Порою пѣснь любви родится, Найдетъ исходъ, и вся въ огнѣ По міру хладному струится;

Но не прелестной дъвы взоръ
Ее согръль, ее лельеть:
Нътъ, — часто этотъ метеоръ
Мелькаетъ, блещетъ, а не гръетъ: —
Жаръ сердца самъ собой могучъ:
Оттуда пролитый въ напъвы
И подъ холоднымъ взоромъ дъвы
Бъжитъ любви горячій ключъ.

ПВВЕЦЪ.

Бездомный скиталецъ — пустынный пѣвецъ, Одинъ, съ непогодою въ спорѣ, Онъ рѣетъ надъ бездной, пѣвучій пловецъ, Безъякорный въ жизненномъ морѣ; Все въ даль его манитъ невѣдомый свѣтъ, Онъ къ берегу рвется, а берега нѣтъ.

Онъ страненъ; — исполненъ несбыточныхъ думъ, Бываетъ онъ веселъ — ошибкой; Онъ къ людямъ на праздникъ приходитъ—угрюмъ, Къ гробамъ ихъ подходитъ—съ улыбкой; Всеобщій кумиръ ихъ — ему не кумиръ: Недаромъ безумцемъ зоветъ его міръ.

_ 70 _

и учина.

Ваглинг вотъ кенщины прекрасной Обворожительная пруды! Ес на можешь въ нясь ограстной атунчобо йстье бо жиональЯ Но и орда не могуть взоры Сквозь эти жарки жтворы Пройти и въ сердце заплянуть. О тамъ — пучина въ въчномъ споръ Сь волной тамъ борется волна. И необъятно это море. Непамърима глубина. Тамъ блещутъ искры золотав И мракъ гантея въ слубиив Тамъ есть и перлы тороге И спять чудовища на див. Тв искры — ангельскій чувства —

Даръ — слъно въровать, любить; Тоть мракъ — даръ женскаго искуства Прельщать и мучить и губить. Тт перлы — верхъ земныхъ сокровищъ, — Способность — все, что въ мір'в есть, Святому долгу въ жертву несть; А пасти, зубы тъхъ чудовищъ --Коварство, зависть, злость и месть. Тт перлы въ сумракт витаютъ Никтить незримы, — лишь порой, То въ тихій часъ, то подъ грозой, Они въ міръ світлый выступають, Блестять въ очахъ и упадаютъ Страданья чистою слезой. Но самъ не пробуй, дерзновенный, Ты море темное разсъчь, Чтобъ сплой жемчугъ многоцънный Изъ чудной бездны той извлечь. О, не испытывай судьбины! Страшись налетомъ буйныхъ силъ Тревожить таинство пучины, Гдъ тихо дремлетъ крокодилъ.

Когда-жь, согрѣвъ мечту златую И мысля сладко отдохнуть,

- 72 -

Ты склонишь голову младую
На эту женственную грудь,
И внемля волить ся движенье,
Закроешь очи жаркимъ сномъ,
То знай, что это — усыпленье
На зыбкомъ берегъ морскомъ.
Уснешь: приливъ, быть можетъ, клынетъ,
И вдругъ тебя, мой сонный чёлнъ,
Умчитъ порывъ нежданыхъ волнъ,
И заклеснетъ, и опрокинетъ.

ДВА ВИДБНІЯ.

Я дважды любилъ: двѣ волшебницы—дѣвы Сіяли мнѣ въ жизни средь Божьихъ чудесъ; Онѣ миѣ впушали живые напѣвы, Знакомили душу съ блаженствомъ небесъ. Одпу полюбилъ, какъ слезою печали Ланита прекрасной была нажжена, — Другую, когда ея очи блистали И сладко, роскошно смѣллась она.

Исчезло, чъмъ прежде я былъ разволнованъ, Но слъдъ волнованъя остался во мнъ; Донынъ ихъ образъ чудесный закованъ На сердцъ желъзномъ въ грудной глубинъ; —

-74:-

Ногда—ка в че невельномъ тому размышлене () гайномъ кначены градущато дна.— Висланно мена постащесть выдалью Одной изъ двухъ дъжь, чарованинкъ мена

И первой пеобы моей діви приходить.
Канъ лигель скорбицій, блідни и грустна.
И влажным очи на небо возводить.
И як персимъ, госкою разбитымъ, она
Сврестивь прикамаеть підейным ручи
Клаштановый золюсь стручим разлить.
Яз сене діявь ченоличный въ градушемъ судіт
Изта день благодатный въ градушемъ судіт

Когло-же мий ивлиется гівна другая — Черим ей буйнышть веледьемть горитть. Гамм ей ролгуть вайть плима сверкай. Уста напрягайсь найть струвы прожить и гіма та дико, белумно холочеть. Кольшаюь са надравает и грудь — И это мизілье мать горе преромить — Излоче терной на жизненный путь

Я къ ласкамъ судьбы и стрѣламъ ел гнѣва Всегда приготовленъ явленіемъ дѣвъ; Но рѣдко мнѣ видится первая дѣва, Послѣдняя часто — хохочетъ, влетѣвъ, — И рѣдко я въ жизни встрѣчаю удачу И часто въ страданьяхъ и въ горѣ томлюсь, Но въ радостяхъ рѣдкихъ отъ радости плачу, При частыхъ страданьяхъ я съ горя смѣюсь.

моей звъздочкъ.

Путеводною звіздою Падъ пучной бытія, Ты сіяень предо мною, Діва світлая моя. О світи мніг, другь небесный! Сердца звіздочка, світи! П ко мніг, въ мой міръ безвієтный, Тихимъ ангеломъ слети!

Передъ черпію земною Для чего твой блескъ открыть? Я поставлю предъ тобою Вдохновенья върный щить, Да язвительные люди Не дохнутъ чумой страстей На кристаллъ прозрачной груди На эмаль твоихъ очей.

Нѣтъ! — Сіяещь ты безпечно И не клонишься ко мнѣ. О, сіяй, сіяй-же вѣчно Въ недоступной вышипѣ! Будь звѣздою неземною, Непорочностью свѣтись, И, катясь передо мною, Въ чуждый міръ не закатись!

Нѣтъ! — Живой источникъ свѣта, Искра горией высоты, Дѣва — звѣздочка поэта! Лучис-жь, дѣвственная, ты, Бывъ всѣхъ звѣздъ ему любезнѣй, Чаровавъ такъ долго взоръ, Вдругъ разсыпься и исчезни, Какъ прекрасный метеоръ!

- 78 -

OPEJJAHA.

Виглинте, вакъ дъется, какъ въется ово — Красивая, зляя, вругоя волна!

Это ччится Оредлава —

Широка в глубока. —

Шибче, шибче — в близка

Къ червой бездив овеана

Бурлитъ и реветъ овезиъ-веливанъ.

Гроза на хребтъ на плечахъ урасинъ;

Влулся, сторбился приливоять.

Горы волиъ, шумя, крутитъ.

Будетъ схватка: онъ сердитъ

й риз полиз порывоять.

Летитъ въ океанъ Ореллана стрълой — И вотъ налетъла, рветъ волны волной.

Чуденъ водной битвы пламень, Пъна бьетъ до облаковъ, На хребтахъ густыхъ валовъ Сшиблись камни—съ камнемъ камень.

Съ рѣкой океанъ, какъ съ тигрицею левъ. Двѣ арміи волнъ! — Далеко̀ слышенъ ревъ. Гдѣ-жь побѣда? Гдѣ уклонка? Ты нейдешь назадъ, рѣка; Ты упряма, ты дика: Бейся, бейся, Амазонка!

Свое взяла сила: рѣка не сдалась И въ грудь океану, какъ жало, впилась. Уязвленъ боецъ огромный Захрипѣлъ и застоналъ, — Тише, тише — и помчалъ Волны съ жалобою томной.

мой выборъ.

Я — въчный врагъ блистательной заразы Тщеславія, которымъ полонъ міръ — Люблю не васъ, огнистые алмазы: Люблю тебя, голубенькій санфиръ!

Не розою, не лилею томной Любуюсь я въ быту своемъ простомъ: Милъ ландышъ мнъ таинственный и скромный Подъ сумрачнымъ ракитовымъ кустомъ.

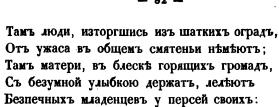
Прелестницы и жрицы буйной моды! Вы, легкія! — Неси васъ прочь, зефиръ! Люблю тебя, дочь кроткая природы, Тебя, мой другъ, мой ландышъ, мой сапфиръ!

81 -

смерть въ мессинъ.

Какое явленье? — Не рушится—ль міръ? Разсѣлась земля и растрескался камень! Изъ щелей и трещинъ на гибельный пиръ Взвивается люто неистовый пламень, И стелется клубомъ удушливый паръ, Колеблются зданья и рыщетъ пожаръ.

Не рушится міръ, но Мессина дрожить: Подъ ней свиръпъютъ подземныя силы. Владънія жизни природа громитъ, Кругомъ разширяя владънья могилы. Взгляните, какъ лавы струи потекли Изъ челюстей ярыхъ дрожащей земли!

Взгляните: изъ этихъ несчастныхъ одна Едва оживаетъ въ объятьяхъ супруга... Вотъ дико очами блуждаетъ она... Увидѣла... ринулась съ воплемъ испуга: Малютка, ребенокъ — души ея часть — Стоитъ на балконъ, готовомъ упасть; —

Потеряны мысли, но сердце при нихъ.

Стоитъ — и на бурныя волны людей, На лаву и пламя съ улыбкой взираетъ, И къ жаламъ сверкающихъ огненныхъ змѣй Призывно рученки свои простираетъ. Какъ счастливъ блаженнымъ невѣдѣньемъ онъ! Какъ счастливъ! — Мгновенье — и рухнетъ балконъ.

Нѣтъ, — онъ не погибнетъ: жива его мать! Напрасно супругъ всею силой объятій Стремится порывъ ея сердца унять; Безплодно усилье мольбы и заклятій. Взгляните — толпа, какъ стрѣлой, произена: То матерней грудью рванулась жена.

Она ужь на лъстницъ... дымная мгла
Объемлетъ ее... осыпается камень...
Ужь вотъ на балконъ... вотъ сына взяла....
Ее пощадили и камень и пламень, —
Спасеніе близко... но — рушится домъ...
Дымъ черный встаетъ погребальнымъ столбомъ.

HPOCTH.

Прости" — Кака имего ва этома звука Глуджиха гайна заключено!
Святое свято! Ва имга разлуки
Граничита съ вачностью оно.
Разлука.... Гда ся начало!
Дождемел-ла им ся конца!
Едва «да будета» прозвучало
Иза уста божественныха Творца —
Мгновенно бездна закпитала,
Мгновенно творческій глагола
Черту великаго раздала
Ва хаоса дремлющема провела;
Твореца расторгнула сочетанья,
Стихіи розняла разланата.

И въ самый первый мигъ созданья Съ землею небо разлучилъ, И мраку бездны довременной Вельдъ отъ свъта отойти, -И всюду въ первый день вселенной Промчалось грустное «прости». Съ техъ поръ до ныне эти звуки Идуть, летять изъ века въ векъ, И брошенный въ юдоль разлуки Повитъ страданьемъ человѣкъ. Съ тъхъ поръ, тоскуя, небо ночи Наводить тамъ — въ нѣмой дали Свои мерцающія очи На лоно сумрачной земли, И къ ней объятья простирая Въ свой свътлый край ее манитъ --Напрасно: узница родная Въ оковахъ тяжести скорбитъ. Заря съ востока мечетъ розы, Росою влажатся поля: О, это слезы, скорби слёзы, Въ слезахъ купается земля. Въ въка уходятъ дни и годы И въ въчность катятся въка — Все также льется слезъ природы Неистощимая ръка.

- 86 -

Прости! Прости! — Сей звукъ унылый Дано намъ вторить каждый часъ, И наконецъ — въ дверяхъ могилы Его издать въ последній разъ, — И здісь, впервые полонъ світа, Исходить онъ, какъ ясный лучъ, Какъ надъ челомъ разбитыхъ тучъ Живая радуга завъта, И смерть спешить его умчать, И этотъ звукъ съ одра кончины, Здесь излетевь до половины, Уходить въ небо дозвучать, И повторенъ эдемскимъ клиромъ, И принять въ небъ съ торжествомъ, Святой глаголъ разлуки съ міромъ — Глаголъ свиданья съ Божествомъ!

помнишь-ли?

Нина! Помнишь-ли мгновенья, Какъ поклонникъ върный твой, Полный страстнаго волненья, Всюду мчался за тобой? Въ свътозарной, шумной залъ, Помнишь, милая, на балъ — Въ этомъ общемъ кипяткъ — Какъ вносилъ я въ вихрь круженья Станъ твой, полный обольщенья, На пылающей рукѣ, — Какъ рука моя лѣниво Отдълялась отъ огней Безконечно-прихотливой **Д**ивной таліи твоей, — И въ роскошномъ утомлены Ты садилась въ отдаленый,

Словно Нину ураганъ Бросилъ въ даль своимъ порывомъ И возвысиль ей приливомъ Юныхъ персей океанъ, И на этомъ океанъ Въ пънъ млечной бълизны, Черезъ дымку, какъ въ туманъ, Колыхались двѣ волны, — И следя ихъ колыханье. И ловя твое дыханье, Головой къ тебъ склонясь. То угрюмъ, то бурно-веселъ, Я стояль у этихъ кресель, Гль легко облокотись Ты поконлась такъ нѣжно, Отмахнувъ кудрей извивъ И мизинца сгибъ небрежно Къ алымъ губкамъ приложивъ, И съ дрожащей, страстной рѣчью, Къ твоему клонясь заплечью, -Между словъ: прошу! молю! — Весь проникнутъ обаяньемъ, Перерывистымъ дыханьемъ Я вышентываль: люблю: Ты внимала мит привътно, А шалунъ главы гвоей -

Рызвый локонъ — незамытно По щекъ скользилъ моей. Помнишь, где-то, разъ, мечтами Невоздержными влекомъ. Я осмелился тайкомъ Между жадными перстами Сжать твой пальчикъ съ перстенькомъ, И почувствоваль мгновенно, Какъ руки твоей огонь Вскользь, незримо, сокровенно, Весь упаль мит на ладонь, Словно сказано: страдалецъ! Робко ловишь ты слегка Мой одинъ лишь бъдный палецъ: На! вотъ вся моя рука! Боже! Жизнь готовъ отдать я, Только-бъ былъ возобновлёнъ Этотъ мигь рукопожатья: Сотии жизней стоитъ онъ. Помнишь, Нина, въ мигь разлуки, Наши, отъ людей вдали, Словно сросшіяся руки Разорваться не могли? Помнишь, разъ, въ уединеньъ — Незабвенное мгновенье! — Я къ ногамъ твоимъ упалъ, И потомъ въ своемъ пылу я

-99-

Что-то въ роде поикаум Съ жирнихъ устъ твонкъ сорванъ?

Повиниць, Нина?.. Изтъ? Вабыла? Для чего-из и товорить, Коль нельзя того, что было Иниз на дёлё повторить?

навздница.

Іюблю в Матильду, когда Амазонкой
Она воцарится надъ дамскимъ съдломъ
И дергаетъ поводъ упрямой ручёнкой
И дъйствуетъ буйно визгливымъ хлыстомъ.
Довольна усъстомъ красивымъ и плотнымъ,
Алеей съ конца пролетая въ конецъ,
Она — властелинка надъ статнымъ животнымъ,
И тяжко подъ нею храпитъ жеребецъ,
Скрежещетъ объ сталь сокрушительнымъ зубомъ,
И млечная пъна свивается клубомъ,
И шея крутится упорнымъ кольцомъ; —
Подъ дъвою дъвственникъ топчется, плящетъ,
И мордой мотаетъ, и гривою мащетъ,
И ноги, какъ не-хотя, мечетъ потомъ,

_ 92 _

И скупо влеть прихотливно рысью. —

И нь резных получинах на знойность седле, любум се сама своей трасско высью,

Интеленца нь выльный расуется игле:

Из губых вунивных ульбы переча впилась.

Изтильда нь галогь быуна поднимаеть

И зыблется, хитро на немъ избочась,

И носится вихремъ, пока нь утовленыя

На каріе глажи не ляжеть туманъ....

Матильда спрытнула нь роскопномъ волненыя

И кинулась бурно на магкій диванъ.

двъ Ръки.

Между свътлыми лугами, Въ тихой дружбѣ съ берегами, По разсыпчатому дну, Въ глубину не нарастая, Влага різвая, блистая, Раскатилась въ ширину: Въ искры солнца лучъ дробится О поверхность этихъ водъ, И на струйкахъ золотится Искры въ искру переходъ. Здъсь, дитя, тебъ раздолье! Здесь ты, въ детскомъ своеволье, Можешь кинуться въ рѣку, И рученку лишь протянешь — Ты со дна себъ достанешь Горсть блестящаго песку.

Зембалить обхистенное хаданть.
Скорбй желізналь измен!
Оно жестокнять измен!
Чреть горить стростей ироведено:
Оно проковано стродаменть;
Оно въ бідяхь закалено;
Н ин привіть твой благосканный,
Ни взорь, при всень его огить,
Ни нолдень, солицень раскалённый —
Не разнягчать его во мих.

По слушай: временно сей холодь
Здъсь — въ сердцъ царствуетъ мосять
И спитъ оно желъзныть сночъ.
Постой! — Кузнецъ — судьба свой молотъ
Еще испробуетъ на нёмъ,
Еще въ жару оно потонетъ,
И подъ ударами застонетъ
И брызнетъ кровью и огнёмъ.
Не отпатнисъ тогда въ пспугъ!
Ко мит поближе подойди!
Втлядисъ — и послъ на досутъ
Скажи мит, что въ моей груди!

смерть розы.

Весна прилетъла; раскинулся зеленью кустъ, —

И ангелъ цвътовъ у куста пробужденнаго снова
Коснулся шипка молодаго
Дыханьемъ божественныхъ устъ —

И роза возникла, дохнула, раскрылась, прозръла,
Сладчайшій кругомъ ароматъ разлила и зарей заалъла;
И ангелъ цвътовъ отъ прекрасной нейдетъ,
И пестрое царство свое забывая,
И только надъ милоно розой поржая,
Въ святомъ умиленьи поетъ:

«Рдъй, царица дней прелестныхъ! Вешней радостью дыша,

Льется слаще струй небесныхъ Изъ листковъ полу-тълесныхъ Ароматная душа.

Въкъ твой красенъ, коть не дологъ; Вся ты — прелесть, вся — любовь; Сладкій сокъ твой — счастье пчёлокъ, Алый листъ твой — брачный пологъ Золотистыхъ мотыльковъ.

Утро алую полоску
Только выведеть — заря
На тебя роняеть слёзку,
Какъ со свъчки каплю воску
Отъ святаго алтаря.

Люди добрые голубять, Любять розу, рвутся къ ней. Ажь! Они-жь ее и сгубять: Люди губять все, что любять — Такъ ведется у людей.»

Сбылось предвъщаніе: юноша розу сорвалъ И дъвъ украсилъ чело этой пламенной жатвой, И дъвы привътъ съ обольстительной клятвой Такъ сладко ему прозвучалъ.

И что-жь? Не поблекъ еще цвътъ, отъ роднаго кус отдъленной, Какъ дъвы вънчанное розой чело омрачилось измъной И горестный юноша долго потомъ Страдалъ въ воздаянье за пагубу розы; — Но вотъ ужь и онъ осушилъ свои слёзы, А плачущій ангелъ стоялъ, безутъшный, надъ сиры кустомъ.

M O P E.

Въ кочернемъ утипън поколтся, воды,
Модернуты легкой паровъ пеленой;
Модернуты легкой паровъ пеленой;
Модернуты легкой паровъ пеленой;
Модернуты легкой паровъ пеленой;
Модере! Ты дремлешь, ты сладко уснуло
В тым навъваешь на душу мою;
Статичновая дума въ тебъ потонула,
Метачи и цълую поверхность твою.
Модета и смотрю на твою безконечность —
Модета и смотрю на твою безконечность.
Модета и смотрю на твою безконечность.
Модета и смотрю на тром безконечность.
Модета и смотрю на тром безконечность.
Модета и смотре синаза въ дали безотвътной:
«Модета также есть край, но — завътный,
модета также есть край, но — завътный,
модета для сына земли.

а днъ твоемъ много сокровищь развито, въ въчности также, быть можетъ, сокрыто дъ страшною глубью богатое дно; не дано силы земли этой сыну дна просквозить роковую пучину: ть мысль и стремится туда свысока, грузъ ея легокъ и нить коротка.

Солнце къ морю низнадаетъ, Западъ пурпуромъ обвитъ, Море солнца ожидаетъ, Море золотомъ горитъ, И отъ облачнаго края Солнце, будто покидая Иелену и колыбель, Въ волны синія спустилось И младенцемъ погрузилось Въ необъятную купель, — И съ волшебной полу—тьмою Разрумянены слегка Въ море пышной бахрамою Окунулись облака.

Настала ночь. Кругомъ она Небрежно звъзды разметала,

Иныя въ тучкахъ затеряла И нъги тишь ел полна. И небеса и море дремлютъ, И ночь, одъянную мглой, Какъ дъву смуглую, объемлютъ И обнялись между собой. Прекрасны братскія объятья: Эеиръ и море! Вы-ль не братья? Не явны-ль очерки родства Въ васъ, двъ таинственныя бездны? Здесь эти искры — проблескъ звездный; Тамъ эти тучи — острова, — И, кажется, въ ночномъ уборъ Волшебно опрокинуть міръ: Тамъ — гориее простерто море, Здъсь, долу — дольній нашъ эвиръ.

Чу! — Ужь вздохъ свой переводитъ Утра свѣжій вѣтерокъ. Глядь! Изъ моря солнце всходитъ На раскрашенный востокъ, Будто вышло изъ купальни И любовію горя Открываетъ двери спальни, Гдѣ раскинулась заря, —

И, срывая дымку ночи, Черезъ радужный туманъ міру въ дремлющія очи Бьетъ лучей его фонтанъ. Солнце въ бездит побывало, Солнце въ морѣ ночевало, Встало, по небу летитъ, Съ неба на море глядить, И, средь приаго разбыта, За пріютъ, за сѣнь ночлега, Отъ избытка своего Другу-морю щедро платить, Огневой монетой катитъ, Брызжетъ золотомъ въ него. Море платы не сбираетъ, Отшибаетъ блескъ луча, Море гордо презираетъ Даръ тщеславный богача, И хоть сверху влагой зыбкой Улыбается, блеститъ, Но подъ ясною улыбкой Думу темную таитъ:

Гапрасно ты, солнце, блестящею пылью высоть осышаещь мой вольный просторъ!

- 104 -

Златая олежда отрадка безенью. Гиганту не нуженъ роскошный уборъ. Напрасно, царь свъта, накидкой жемчужной И блестками нерси мон ты нокрыль: Начто тому блестки в жемчугъ наружный, Кто дивные перлы въ груди заташль? Ты радуень, гръень предъм земные. — Но что мит, что стрълы твои калены? По мит проскользая, лучи огневые Не гръютъ державной моей глубины.»

Продумало море глубокую думу:
Смирна его влага: ни всплеска, ни шуму!
Но тишь его чѣмъ-то грозящимъ полна;
Влуфтио — гиганта томитъ тишина;
Сми тяжкій его оковалъ — и тревожитъ,
Смутитъ, улавилъ — и сдавилъ его грудъ;
Опъ мучитъ, улавилъ — и проснуться не можетъ,
Готовъ заревѣтъ — и не въ силахъ дохнутъ.
Влатаните, грепещетъ дневное свѣтило.
Предвидя его пробужденія мигъ.
И пътъ и гдѣ облака — смотритъ уньлю,
Гъбъ спрятать подернутый блѣдностью дикъ....

Чу! Гремитъ.... Гигантъ проснулся; Всталъ изъ бездны страшный валъ, Развернулся, расплеснулся, Поскакалъ, заклокоталъ; Какъ боецъ, онъ озираетъ Поля битвеннаго ширь, Рыщетъ, пънится, сверкаетъ — Среброглавый богатырь!

Кто-жь идетъ на валь гремучій Черезъ молнію небесъ? Это опъ - корабль могучій, Бълопарусный, пловучій Волноборецъ — водорѣзъ! Онъ летитъ, собралъ всѣ силы, Роетъ моря крутизны; Верви мощныя, какъ жилы, У него напряжены, И средь волнъ, отваги полный, Гнетъ и ломитъ онъ свой путь Давитъ волны, рѣжетъ волны, Гордо въ верхъ запоситъ грудь, Споритъ съ влажными горами, И средь свалки ихъ слѣной Онъ, какъ гепій надъ толпой,

Торжествуетъ надъ волнами.
Тщетно быотъ со всъхъ сторонъ
Водныхъ массъ въ него громады:
Нѣтъ могучему преграды!
Не волнамъ уступить онъ —
Нѣтъ! Пусть прежде вихръ небесный,
Молній пламень перекрестный
Мачту, парусъ и канатъ
Изорвутъ, испепелятъ!
Лишь тогда, ставъ блѣдной тѣнью,
Остовъ, призракъ корабля
Волнъ безу чному стремленью
Покоритея, безъ руля....

Свершилось.... Конченъ бътъ свободный, — И вотъ — при бъщенствъ пучинъ Летитъ на гранъ скалы подводной Пустыни влажной бедуннъ. Ударъ — и схваченъ лютой бездной, Разбитъ, измятъ полужелъзный, И волны съ плескомъ на хребтахъ Разносятъ бренные обломки, И съ новымъ плескомъ этотъ прахъ Отъ волнъ пріемлютъ ихъ потомки. О чемъ шумитъ мятежный рой Сихъ чадъ строитивыхъ океана?

Они-ль пловучаго Титана
Разбили въ схваткъ роковой?
Нѣтъ! Силы неба онъ извъдалъ
И подъ грозой небесной палъ,
Волнамъ одинъ скелетъ свой предалъ,
А грузъ пучинамъ завъщалъ,
И море въ безднъ сокровениой
Тотъ грузъ на въки погребло,
И даръ богатый, многоцънвый
Въ свои кораллы заплело.

Вотъ буря стихаетъ, а шумпыя волны Все мчатся, движенья и ропота полны; Однъ исчезаютъ, другимъ уступивъ Широкое мъсто на въчномъ просторъ. Не тотъ-же-ль безчисленныхъ волнъ переливъ Въ тебъ, человъчества шумное море? Не также-ль надъ зыбкой твоей шириной Во слъдъ за явленьемъ восходитъ явленье, И время торопитъ волну за волной, И волны мгновенны, а въчно волненье? Взгляните: вы видите эту волну?... Исчезла! — Иътъ, влага ея раскатилась И шире легла, иль ушла въ глубину, Иль въ капляхъ на тысячи волнъ раздълилась.

повы выстроинта надъ моремъ возникъ,
 провежне въ водатъ зневеркало;
 по воде жизин ты тоже зерцало;
 выстроинтални ты тоже зерцало;
 выстроинтални ты тоже зерцало;

О мере широкое, вольное море! На шумно какъ радость. — глубоко, какъ горе. Гресов гвоя буря, свътда твоя тишь. На глано волиеньемъ съ душой говорищь.

14 сапъ твою, полную нѣги, люблю в;
 14 с пое мирное лоно твое
 15 с пое мирное лоно твое
 16 с пое отразиће сердие мое; —
 17 с техоткањ-бы стекла голубаго
 18 по белнокойной лазвею мутить
 18 человѣка — скитальца земнаго —
 18 сощей влагѣ напрасно чертить

...... тобою накатятся тучи мунть по влагь крыломь,

Н валь твой разгульный, твой витязь могучій, Серебрянымъ гребнемъ заломитъ шеломъ, И ты, въ красотъ своей грозной бупкуя, Встаешь, и стихій роковая вражда Кипитъ предо мною, — о море, тогда Застенчиво прочь отъ тебя отхожу я; Мнъ совъстно взбъги валовъ твоихъ зръть Съ недвижной границы земнаго покол, И стыдно на бурю твою мнъ смотръть, Лѣниво на твердомъ подножіи стоя. Быть можетъ, съ улыбкой завистливой я Тогда посмотрълъ-бы, какъ ты разметалось, И взбитому страстью тебі-бъ показалась Обидной насмъшкой улыбка моя, — И занято съ небомъ торжественнымъ споромъ, Подъ яркимъ вѣнцомъ громоваго огня, Ты-бъ мив простонало понятнымъ укоромъ, Презрительно влагой плесилло въ меня!

Откуда миѣ слышится шумъ непрерывный? Откуда?... Не волны-ль играютъ въ дали? О море! Я слышу твой голосъ призывный — И рвусь, и грызу я оковы земли. О какъ-бы я жадно окинулъ очами Лазурную зыбь и лазурную твердь!

_ 110 _

Какъ я и сроднился-бъ съ твоими волнами И пламенно бился-бъ съ родными на смерть! Я понялъ бы музыку бури живую, Съ тобою сдружилъ бы мой лирный напѣвъ, Забылъ бы о дѣвэхъ, и пѣснь громовую Настроилъ подъ твой гармоническій ревъ!

не върю.

Нѣтъ, красавица, напрасно Твой языкъ лепечетъ мнѣ, Что родилась ты въ ненастной Нашей хладной сторонѣ; Нътъ, — не върю: издалёка Вътеръ къ намъ тебя завлёкъ; Ты — жемчужина Востока, Поля жаркаго цвътокъ! Черный глазъ и черный волосъ -Все не нашихъ русыхъ дѣвъ, И въ рѣчи кипитъ твой голосъ, А не тянется въ распъвъ; Вольной зыбью океана Грудь волнуется твоя, И извивъ живаго стана — Азіатская змѣя. Ты глядишь, очей не жмуря, И въ очахъ горитъ смола,

- 112 -

П гропическая буря Тышить пламенемь съ чела. Фосморъ — въ бізпеномъ свернаньіз — Вагляды быстрые твои, **и** слочащиее пяканге Въсть мускусомъ любии; — И накой-то сплы скрытной Ты, волшебница, полна, Континчак-она. этспетици Сверой вся обведена: Сынъ жельза — съверянинъ. Этой силой отупаненъ. На тебя наводить взоръ-И преть этимъ общивемъ, Ограждансь разстояньемъ. Еле держится въ упоръ. Лять варушься только жера. Пол-шага ступи вперель: Обаятельная счера Такъ и теветь, такъ и жиеть! Here, ne espro: tel ne comuno Рождена; — твои черты Говорять: сулганша ты, Тм — Зюлейка, одалиска, Верхъ восточной красоты!

холодное объяснение.

Когда-то я любиль тебя. Тѣхъ дней Могу-ль забыть я жаркую тревогу? Тяжелъ, — тяжелъ былъ бредъ души моей, И этотъ бредъ оконченъ, слава Богу. Прошедшихъ мукъ не проклинаю я И нынѣ встрѣчь съ тобой не избѣгаю, И кажется, что нынѣ близь тебя Измученнымъ я сердцемъ отдыхаю. Съ покорностью смотрю въ глаза судьбѣ, Еще не старъ, но не безумно-молодъ, И предъ тобой я чувствую въ себѣ Одинъ святой, благоговѣйный холодъ. На сердцѣ—снѣгъ; но то не снѣгъ долинъ Изтоптанный средъ мрака и тумана:

- 114 -

Есть — это сийть заоблечных вершинь. Іванной мінець погасшию зульзна. И весь тебі, какъ самніу онь открыть. Весь мірь въ тіми, а онь тебя встрічнеть И отблесковъ лучей твоихъ горить. Но отв ести лучей твоихъ не глеть.

РОЗА И ДБВА.

Послѣ бури мірозданья Жизнью свѣжею блестя, Міръ, въ вѣнкѣ очарованья, Былъ прекрасенъ, какъ дитя. Роза бѣлая являла Чистоты верховный видъ; Дѣва юная сіяла Алой краскою ланитъ. Давъ румянецъ дѣвѣ милой, Небо розу убѣлило, — И скрѣпило ихъ союзъ Чародѣйствомъ тайныхъ узъ; — И заря лишь выводила Въ небо свѣтлыхъ дней царя —

- IIIE -

Ко беспо дока приколнию Дана дока панка пари

THE THE CHARMENT THE THE THE THE REPORT OF THE PROPERTY AND A SECOND O ACHTHICHENDA OF THE THE PARTY OF THE PARTY O Ofgues, given motortunitus. Молив., верналь принц Ей спикало ты байлие" — 📕 пристинга син тогобона Прогов извание лишения. BOTA CESTRAS ARE OCCULAS Темной вочи понтавиль -Розд адфиль спринтуcount er kaup billed en esek BOTH BOARDANTS. . BATTS THEATHER Pura Ofice enviolet American manuscript regeres. Прель приненимен біленей Страй вырш оны вышлезій hiereta esta descent And sames course. Рими пределение Taum pamiseurs, 1881, 11808 II» прилить сегь — опериятили. Tomas 1035 ormer bees.

Такъ впервые отлетѣло
Пламя съ юныхъ дѣвы щекъ,
А листочки розы бѣлой
Яркой жизни цвѣтъ облекъ.
Такъ на первомъ жизни пирѣ
Грѣхъ возникъ—всѣхъ золъ посѣвъ —
И досталось жить намъ въ мірѣ
Алыхъ розъ и блѣдныхъ дѣвъ!

новое признанів.

Поэта сердце въ даръ примите! Вотъ вамъ оно! Въ немъ пышитъ жаръ. Молчите вы.... Уже-ль хотите Отринуть цінный этотъ даръ? О, какъ лукаво вы взглянули! Понятенъ миъ языкъ очей: О прежней вы любви моей Мит превосходно намекнули. Вы говорите: «Богъ съ тобой! Ты передъ дъвою другой Все сердце сжегь, поэть безпечный, И хочешь искру предо мной Теперь раздуть въ золъ сердечной. » — Нътъ, — вы ошиблись, говорю, Не прежнимъ сердцемъ я горю: Оно давно испепелилось, Изъ пепла новое родилось — И я вамъ феникса дарю!

позволь.

Планетой чудной ты, Анета, Очамъ являещься моимъ. Позволь мив, милая планета, Позволь — быть спутникомъ твоимъ — Твоей луной! — Я не забуду Моихъ обязанностей: я, Какъ ни кружись, усердно буду, Идти, кружась вокругъ тебя. Днемъ не помъха я: тутъ очи Ты можешь къ солнцу обратить; Я буду радъ хоть въ мракъ ночи Тебъ немножко посвътить; Съ зарей уйду; потомъ обратно Приду въ лучахъ другой зари, — Лишь на мои ущербы, пятна Ты снисходительно смотри!

Ce roboro de vales infortable Я буду вивств, чремь теби Восправилиять свои датьивами И провежиться буду а., Сверикая вкругъ тебя обходы я буду — стражъ твоей вогоды — Блюсти, чтобы оща была Hecammours strpens, catan. Попореный твоему канризу. To notemental to easter by many Пойлу и съ боку проча И, свято чти твои прикажа Com where a form ourse Полобво изсяту всегла По прихоти твоей единой Съ почтеньемъ стои претъ тобой To minimizers, to dansamed. А то хоть четвертые одной. Довольно ближія сравненыя я проводить безть запусляены Горано павше быль бы рыль By sain indian in moone bommes Но вдругь меня береть раздумые BEEN MECHINE RESCRIPTIONS INVESTED

СТЕПЬ.

Мчись, мой конь! Мчись мой конь, молодой, вороной! Жизни вялой мы сбросили цѣпи. Ты отъ дѣвъ городскихъ друга къ дѣвѣ степной

Ты отъ дъвъ городскихъ друга къ дъвъ степной Выноси чрезъ родимыя степи!

Конь кипучій бѣжитъ; бѣгъ и ровенъ и скоръ; Быстрота сѣдоку непримѣтна. Тщетно хочетъ его опереться тамъ взоръ: Степь нагая кругомъ безпредметна.

Тамъ надъ шапкой его только солнце горитъ, Небо душной лежитъ пеленою, А вокругъ — полный кругъ горизонта открытъ И цълуется небо съ землею. Къ сходкъ неба съ землей онъ изъ круга спъщитъ,
Онъ торопитъ летучаго друга....

Другъ летитъ, онъ летитъ;—а межъ тъмъ поглядитъ: Все въ срединъ онъ этого круга.

Краткій мигь—ему часъ, длинный часъ—ему мигь:

Нечьмъ всаднику время замытить;

Изъ груди у него дикій вырвался кликъ,

Но и эхо не хочетъ отвытить.

«Ты несешься—ль, мой конь, иль на мѣстѣ стоишь?
Конь молчить—и летитъ въ безконечность.
Безграничная даль, безотвѣтная тишь
Отражаютъ, какъ въ зеркалѣ, вѣчность.

«Тамъ она ждетъ меня; тамъ очей моихъ свътъ» — Слово чувства въ груди прозвучало. Онъ у сердца спросилъ: «я несусь или нътъ?» —

Ты несешься — оно отвъчало.

Но и въ сердцъ обманъ. «Я на срокъ прискачу, Обниму тебя скоро, невъста!» Юный всадникъ мечталъ: «я скачу, я лечу!» А скакунъ изнемогъ — и ни съ мъста.

предостережение.

Торжествующая Нина
Видитъ: голубя смирнъй
Сынъ громовъ, орелъ-мужчина
Бъется въ прахъ передъ ней.
Нина! Ты его плънила,
Обуздала силу ты —
И невольно уступила
Эта царственная сила
Обаянью красоты.

Не гордись, побъдой, дъва! Далеки плоды посъва. Дней грядущихъ берегись! Нина! Нина! Не гордись

- 124 -

Этихъ взоровъ юной прытью! Не гордись, что ты могла Нѣги шелковою нитью Спутать мощнаго орла! Близки новыя минуты, Гдъ сама должна ты сиять Эти розовыя путы И грозу распеленать. Дерзкій хищникъ жажду взора, Жажду чувства утолить, И грудей твоихъ онъ скоро Жаркій пухъ растеребить; Ты подащь ему, какъ Геба, Дольній нектаръ, а потомъ Вдругъ неистовымъ крыломъ Твой орель запросить неба: Чемъ сдержать его? Где цень? Горе, если предъ собою Онъ узритъ тогда лишь степь Съ пересохшею травою! Онъ отъ сердца твоего Прянетъ къ тучамъ, къ доль скрыти Если неба пищей сытной Не прикормишь ты его.

УСЛЫШАННАЯ МОЛИТВА.

При буйствъ всъхъ стихійныхъ силъ, Средь грозной бури завыванья, Съ любимой дъвой сочетанья, Молясь, у неба я просилъ — И буря стихла, даль блеснула, Мракъ ръже, ръже сталъ — и вотъ Межь тучъ отрадно проглянула Эмаль заоблачныхъ высотъ, И сталъ эфиръ открытымъ сводомъ, И тучь не видно: быстрымъ ходомъ Прошли служительницы бурь, И полная дневнаго пыла Весь ликъ природы обхватила Одна чистъйшая лазурь.

Мой другь! Услышаны моленья: Вотъ онъ — нашъ край соединенья! И надо мной и надъ тобой — Взгляни — одинъ безъ раздъленья Навъсъ раскинутъ голубой! Взгляни, прекрасная: надъ нами, Какъ опрокинутый фіаль, Онъ, въ землю упершись краями, Намъ общій домъ образоваль. Онъ проченъ, свътелъ, чистъ и миренъ.... Но жаль, мой другъ, моя краса, Что этотъ домъ нашъ такъ обширенъ, Что такъ просторны небеса! Влачась по дольнимъ переходамъ, Быть можеть, здесь — подъ общимъ сводомъ — Я не найду къ тебъ слъда, И въ грустной жизненной тревогъ Въ одномъ лазуревомъ чертогв Мы не сойдемся никогда, И съ тьмой преградъ въ докучной битвъ Мелькнула мнѣ среди борьбы И здёсь — въ услышанной молитве — Насмъшка новая судьбы.

РАДУГА.

За тучами солнце — не видно его, Но тамъ оно капли нашло дождевыя, Въ нихъ блескъ преломило луча своего — И по небу ленты пошли огневыя.

И ленты тѣ стали цвѣтистой дугой, И эта дуга въ своемъ яркомъ уборѣ, Къ зениту подъемля изгибъ свой крутой, Концы погрузила въ безбрежное море.

И радугой ясной мой взоръ уяснёнъ, И видъ ея сердцу отраденъ и сладокъ: Онъ мнъ обновляетъ минувшаго сонъ — Тотъ сонъ, опоясанный лентами радугъ.

- 128 -

Мит памятны сумракъ и тучи тёхъ дней, Но въ тучахъ тёхъ крылось блаженства свътил Бывало, грустилъ я, но въ грусти моей Все такъ многоцийтно, такъ радужно было.

Какъ въ кандяхъ дождя—въ сихъ слезахъ облаков Рисуется пламя лучистаго феба, Въ слезахъ моей грусти сілла любовь Цвътными огнями сердечнаго неба.

СКОРБЬ ПОЭТА.

Нътъ, — разгадавъ удълъ пъвца, Не назовешь его блаженнымъ. Порой и самый блескъ вънца Тяжелъ бываетъ вдохновеннымъ. Видали-ль вы, какъ въ скорбный часъ, Подъ лютымъ бременемъ несчастья, Тоской затворной истомясь, Людскаго ищетъ онъ участья? Движенья сердца своего Онъ хочетъ раздълить съ сердцами — И скорбь высокая его Псходитъ звучными волнами, И люди слушаютъ птвца, Гремятъ ихъ клики одобренья,

- 130 -

Но пісни горествой напезнал На приниминть ихъ сердца. Онъ ниъ поетъ свои утраты. В импениять сердинимить муть Онъ, нясь могуществонъ объятый. Одощевляеть жижнай звуть — В саять ихъ слеть порачихъ вросить. Во этихъ слеть онъ не истореть А вотъ — голи сму полволить Свой замороженный востореть

лестный отказъ.

- 132 -

Я не хочу, чтобъ въ чаяны тревожномъ Подъ тяжестію мной наложенныхъ оковъ

Въ толпъ ненужныхъ мнъ рабовъ Стоялъ ты плънникомъ ничтожнымъ.

Другіе — пусть! — Довольно, коль порой, Когда мит не на чемъ остановить вниманье,

Я имъ, какъ нищимъ подаянье, Улыбку, взглядъ кидаю мой — Изъ милости, изъ состраданья.

Тебѣ-ль равняться съ ихъ судьбой? Рожденному для думъ и жизни небезплодной Тебѣ-ли принимать богатою душой Убогіе дары отъ женщины холодной?

Я не хочу обманомъ искушать

Поэта жаръ и стихъ покорной И полу-иъжностью притворной Тебя коварно вдохновлять, Внушать страдальцу пъснопънья

И звукамъ, вырваннымъ изъ сердца глубины, Разсъянно внимать съ улыбкой одобренья И спрашивать: кому они посвящены? Завътныхъ для меня ты струнъ не потревожишь —

Нътъ! Для меня — къ чему таить? — Необходимъ ты быть не можешь,

А липпій — ты не долженъ быть! » — И я внималъ словамъ ласкательно-суровымъ; Ловила ихъ душа плѣненная моя; Я имъ внималъ — и съ каждымъ словомъ И крѣпнулъ думою и мужественнѣлъ я; — И послѣ видѣлъ я прозрѣвшими очами, Какъ головы другихъ, покорности въ залогъ, У ногъ красавицы простертыми кудрями Сметали пыль съ прелестныхъ погъ. Пустой надеждою питался каждый данникъ, А я стоялъ — вдали — отвергнутый избранникъ.

О НЕ НГРАЙ.

О! не играй веселых пісень мів.
Мой білный слухь напрасно раздражая!
Міть блескь ихъ чуждь: міть живость ихъ — чужал
Не для меня плінительны онть.
Глі прыгають, сміются, плашуть звуки —
Они скользять по сердпу моему:
Лишь мощный мошь аккордовь, полныхъ муки,
Вторгаєтся въ объятія къ нему.

Такъ — вотъ она — вотъ музыка родина! Она, скорбя, рыдая и стеная, Святымъ отнемъ всю душу миѣ прожгла. И тамъ — на диѣ — на язвахъ замерла.

138 -

Играй! Играй! Пусть эти тоны льются! Пускай въ груди на этогъ внятный зовъ Всь прошлыя страданья отзовутся, Протекшаго всё тёни встрепенутся И сонная пробудится любовь! Божественно! — Дыханья нътъ... нътъ слова.... Божественно! — Лей эти звуки — лей! Еще! еще! — О дай ожить мить снова! Дай умереть подъ музыкой твоей!

Понятны миѣ, понятны эти звуки: Вотъ — вздохъ любви! вотъ — тяжкій стонъ разлуки! Вотъ — тихая молитва... вотъ — слеза.... Вотъ — звонкое надежды лепетанье! Вотъ — ревности глухое клокотанье! Вотъ — дикаго отчаянья гроза, И бъщеныхъ проклятій скрежетанье, И хохота безумнаго раскатъ, И вотъ — сверкнулъ кинжалъ самоубійцы.... Чу!-Божій громъ!... Конецъ!-Трещатъ гробницы.... Земля дрожитъ... Архангелы трубятъ.

Остановись!... Струнами золотыми Понятно все ты высказала миъ,

И звуками исполненть неземными
Я весь горю въ торжественномть огить.
Я въ нихъ воскресъ; ихъ силой сталъ могучъ я,
И, следуя внушенью твоему,
Когда нибудь я лиру обойму
И брошу въ міръ ихъ полныя отзвучья!

пъснь соловья.

Воть онъ свиснуль.... Снова свиснуль!
Это онъ — знакомый всёмъ!
Щелкнулъ, щелкнулъ, — дробью прыснулъ,
И пустился въ слёдъ за тёмъ
Въ переливы, въ перекаты,
Въ перерывы, въ перехваты,
Бойко—звонко—голосистъ.
Что за трели! Что за грохотъ!
Вздохи, стоны, шопотъ, хохотъ —
И опять знакомый свистъ!

•О имлая! Пѣвецъ въ воздушномъ кругѣ Поетъ любовь и къ нѣгѣ насъ зоветь.»

Такъ юноша шенталъ своей подругъ:

«Прислушайся! Не правда-ль? — Слышишь? — В Онъ просвисталъ къ своей, конечно, милой: Какъ счастливъ я! — Вотъ замираетъ онъ Отъ счастлявъ я! — вотъ замираетъ онъ Опать поетъ, блаженствомъ упоёнъ! » — И милая на юношу взглянула, къ его устамъ съ улыбкою прильнула И съ трепетомъ, подъ краскою стыда, Склонясь главой, ему шепнула: да, — И локоновъ съ чела ея скатился Живой потокъ разливомъ темныхъ струй, И соловья подъ сладкой пѣснью длился Томительный, протяжный поцѣлуй.

А тамъ — сидъть, оставленъ и унылъ, Усдиненъ, страдалецъ злополучный. Пъснь соловья онъ слушалъ и ловилъ Въ той пъсни звукъ, съ тоской его созвучный И грустному казалось: соловей, Покинутый подругою своей, Измученный, поетъ свое страданье. «Вотъ, думалъ онъ, несчастнаго рыданье! Вотъ горькаго раскалнія стопъ, Зачъмъ любви онъ поддавался плъну!

-139 -

Воть злобный свистъ! — Обманщицы измѣну Въ отчалные освистываетъ онъ.»

Пой, — садовъ, лъсовъ глашатай! Изъ конца греми въ конецъ! Пой, единственный пъвецъ! Пъснью чудной и богатой Ты счастливому звучишь Такъ роскошно, пылко, страстно, А съ несчастнымъ такъ согласно, Гармонически грустишь. Пой, греми, дитя свободы! Этой пъсни внемлю я — И душа на кликъ природы Откликается моя. Въ часъ безмолвія ночнаго Слуху жадному звучи, И въ глуши пъвца земнаго Пѣснямъ неба научи!

ЛЮБЛЮ ТЕБЯ.

«Люблю тебя» — какъ слабо это слово!

Я, можетъ быть, тебя имъ оскорблю.
Оно звучитъ такъ пошло, такъ не ново,
Ничтожно такъ! Его я истреблю, —
А между тъмъ не нахожу другаго,
Чтобъ выразить, что я тебя люблю,
Люблю не такъ, какъ гъ, что лишь полюбятъ —
Твердятъ: «люблю» — и слово это губятъ.

Аюблю тебя; — но я не говорю:
«Люблю тебя»; лишь въ мысляхъ это слово,
А самъ безъ словъ я на тебя смотрю.
И выпрытнуть душа моя готова.
И все молчу, и гаю, и горю.
И хочется спросить мнъ ты сурова

Ко мить за что? — Ты видишь: я, любя, Не говорю, что я люблю тебя.

Люблю тебя. — Но, можетъ быть, сердита
Ты на меня, затѣмъ что ты прочла
Ту мысль мою, гдѣ это слово скрыто?
Ее прочесть, конечно, ты могла
Въ глазахъ монхъ.... Но вотъ — она забыта —
Та мысль моя; она ужь отопла;
Отвергнута. Люблю тебя.... Досада!
И думать такъ, и такъ смотрѣть не надо!

Люблю тебя. — Ты не смотри, молю, Мит такъ въ глаза, а то еще, пожалуй, Опять прочтешь, что я тебя люблю, Разсердишься. — Любовью небывалой Проникнутъ, я вст мысли удалю. Люблю тебя — что въ этой мысли вялой? Люблю тебя, но втайнт, про себя, — Не думая, что я люблю тебя.

A HE TIOPTIO LEEN.

Я не поблю тебя. Любить уже не можеть. Кто выкупаль въ холодномъ морѣ думъ Свой сумрачный, тяжелый умъ, Кого вездѣ, во всемъ сомнѣніе тревожить. Кто въ школѣ опыта давно ужь перешель Сердечной музыки мучительную гамму.

И въ жизни агую эпиграмму На все прекрасное прочелъ.

Пусть юпоша метгамъ завътнымъ предается!
Я прожилъ ихъ и проклалъ ихъ давно:
Мой умъ давно ужь тамъ смъется,
Гдъ сердпу плавать суждено.

Что-бъ ил сбылось съ душой моею, Какой-бы ил пылать огонь въ моей крови — Я не люблю тебя: я именемъ любви Стремленья тайнаго обозначать не смѣю; Но ты мила мопить очамъ,
 Очамъ души моей мила, какъ день блаженный,
 И взора твоего къ божественнымъ лучамъ
 Прикованъ взоръ мой упоенный.

Прикованъ взоръ мой упоенный.

Языкъ мой нѣмъ; на немъ звукъ праздный не горитъ,

И слова тщетнаго онъ на вѣтеръ не броситъ,

А сердце внятно говорить, Чего языкъ не произносить.

Когда-то, жизни на зарѣ, Съ душой, отверзтою къ пріятію святыни, Я разводнать огонь на алтарѣ

Минувшихъ дней моихъ богини, И върнаъ я мечтамъ несбыточнымъ, и въ нихъ Повсюду предо миой являлась безконечность,

И въ думахъ дъвственныхъ своихъ Я сочеталъ любовь и въчность; Но вскоръ далъ суровий рокъ Мнъ охладительный урокъ:

Открылось мить, что и любовь хранится Не доль милаго цвытка,

Что въчность цълая порой въ нее ложится, Но эта въчность — коротка.

Теперь, открывъ глаза предъ истиной суровой, Я върить радъ, что грудь моя На мигъ объята вспышкой новой — Послъднимъ взрывомъ бытія. На строгій свой языкъ мнѣ разумъ переводить, Что втайнѣ чувство создаеть; Оно растеть, оно восходить, А онъ твердитъ: оно пройдеть. Но что-жъ? На грудь мою взволнованную — тщетно Онъ хочеть наложить свинцовую печать:

> Душт-ль насильственно изгнать Что въ душу рвется такъ привътно?

Я не люблю тебя.... Но какъ-бы я желалъ Всегда съ тобою быть, съ тобой душою слиться, Съ тобою жизни пить фіалъ.

Съ тобой отъ міра отдълиться!

И между тёмъ, какъ рыцарь нашихъ дней Лепечетъ съ легкостью и рѣзвостью воздушной Бездушное «люблю» красавицѣ бездушной, Желалъ-бы, къ головѣ я преклопясь твоей И руку сжавъ твою рукою дерзновенной И взоръ твой обративъ отрадный на себя,

Тебѣ шептать: мой другъ безцѣнпый! Мой милый другъ! Я не люблю тебя.

буря и тишь.

Надъ моремъ гроза — такъ и брызжетъ огонь! И валъ, то приляжетъ и пѣну раскатитъ, То вскинется, вспрянетъ, какъ бѣшеный конь, И кажется, гривой до неба дохватитъ; — И вотъ опоясана молній мечемъ Строптивая влага взлетѣла смерчемъ, Но небо далеко — и столбъ тотъ сердитый Упалъ съ дикимъ воплемъ громадой разбитой.

Конченъ ропотъ непогоды; Улеглись морскія воды: Гдѣ и слѣдъ минувшихъ бурь? Зыбь блеститъ и дышитъ ровно — И глядится въ ней любовно Неба яснаго лазурь.

- 146 -

Такъ смертный познаньемъ земли недовол Изъ темнаго міра, изъ сѣни юдольной Стремится всей бурей ума своего Допрацивать Небо о тайнахъ его. Но умъ, изнуривъ свои бурныя крылья, Во прахъ инзпадаетъ: напрасны усилья!

> Стихно гордых думъ волненье; Сердце въ тихомъ умиленьѣ Избираетъ вѣры путь. Смертный къ небу взоръ возвод И оно къ пему низходитъ Въ успокоенную грудь.

з A Р Я.

Утра-ль, вечера-ль порою Лишь сойдется свѣтъ со тьмою — Тьма свѣтъѣетъ, меркнетъ свѣтъ, И по небу полосою Пролегаетъ алый цвѣтъ. Это — дня пред-освѣщенье Иль прощальная заря; Это всходъ или склоненье Свѣтоноснаго царя.

Вспыхнутъ ярче розы вешней Пцеки дѣвы молодой: Это — блескъ зари другой, Это — встрѣча мысли грѣшной Съ дѣтскихъ мыслей чистотой.

- 13 -

Казив-из. карай меня, о діва. Дыханьем'я ангельскаго гийва! Твоих'я проклятій стою в.... Но — итть у ангела проклятій, — Так'я, гийвная, сожти меня Въ живонъ огий слоих'я объятій! Паляцій зной мий въ очи вдуй, Н обуздавъ мой страстный трепетъ, Въ уста мои, склоль жаркій лепетъ, Вонзи смертельный поцілуй!

РАДОСТЬ И ГОРЕ.

О радость! Тебя захвативъ, какъ добычу, Любаю я тобою дълиться съ людьми. Тебя не скрывая, собратій я кличу: Идите — и всякъ свою долю возьми! Ты сокомъ изъ гроздій любви набъжала: О братья! Вотъ нектаръ! Идите на пиръ! Мит много, коть капля мит въ чашу упала, -Хочу угостить я и каплей весь міръ. Идите сюда, мои юные други! Къ совъту: вотъ радость! Куда ее дъть? Приди ко миѣ, старецъ, забудь про недуги! Тряхни стариною! Давай молодъть! Красавица-дъва, мой змъй черноокой! Приди: тебъ въ очи я радость мою Въ уста твои, въ перси, глубоко, глубоко Мятежнымъ лобзаньемъ монмъ перслыо!

- 152 -

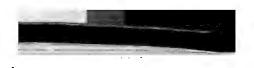
Но ежели горе мит въ душу запало — Прочь, люди! Оно нераздъльно мое. Вамъ капли не дамъ я тогда изъ фіала, Въ который несладкое влито питье. Все выпью одинъ я, — и скрытое горе Мит сердне уширитъ и грудъ разведетъ. И ляжетъ страданья въ нихъ цълое море. И скорби волна береговъ не найдетъ. Всъ скорби снесу я къ предълу дороги, Назначенной смертнымъ, — въ молчанъи свя Не собственность наша — нътъ, это — зал Я знаю: ихъ выкупитъ небо потомъ.

черный цвътъ.

Въ златые дни весеннихъ лѣтъ, Въ ладу съ судьбою, полной ласки, Любилъ я радужныя краски: Теперь люблю я черный цвѣтъ.

Есть дѣва — свѣтъ души моей, О комъ всѣ пѣсни и разсказы: Черны очей ея алмазы И черенъ шелкъ ея кудрей.

Мнѣ Музы сладостный привѣтъ Волнуетъ грудь во мракѣ ночи, И чудный свѣтъ мнѣ блещетъ въ очи — И милъ мнѣ ночи черный цвѣтъ.

- LE -

Tenna met crysnoù roune pan Besam sa yeter met Gast pan — Be panetsa. Sepane untre nesam. A a matan men nesam.

При туль сей сворби вёсь П сворба высу мушин сильной. П пине мий. — принст миханий прист мушинай. — черный цейсь.

ВОЗВРАТИСЬ.

Въ походъ мы радились. Всё прихоти—въ пламень, А сабли на отпускъ, коней на зерно; —

О, весело шаркать желёзомъ о камень

И думать: вотъ скоро взыграетъ оно!

Вотъ скоро при взмахё блеснетъ и присвиснетъ!

Гдё жизнь твоя, ратникъ? Была такова!

Фонтанами влага багряная прыснетъ,

Расколото сердце; у ногъ — голова!

А кони — а кони — я помню лихаго:

Козацкая прелесть! — глаза — два огня;

Друзъя любовались, и чаша Донскаго

Ходила во здравье Донскаго коня.

Онъ — ратный собратъ мой, я мыслилъ порою,

Во всемъ я его къ себё въ долю приму:

- !點 -

Hallonger refer to the party of them.

1 ales what — ra-ales en

И мога — ча меня, параженные за брани, Родинать в жижения произвления принатъ. Гремоче зама болятита жений Летам: жиз буда, за жим зо спара. Грузья чите полиц — че положий приноденой ба почетко почето, претъ на преста. . О други, простите — доможно Доможно в точ-же не пироский королишества та !

Мостова отлинам пенаста полимам — Лосбовата присиния решного топония В рошноровата марона принетам. Лосбовае в слино а двойна полимены. Прости в принежните ченей венегальной. У должен та пределата нев общественный меча См развол — и венета полименный меча собщественный меча собщественный меча собщественный меча собщественный меча собщественный меча собщественный менаста венегальный собщественный становый собщественный собщественный

Чу! Грянули трубы; колоны стесимлись; Радушно — покорны священному зву, Торжественно, дружно главы обнажились, Ружье — на молитву, душа — къ Божеству! Въ глазахъ просіяла, протеплилась въра, Сердечною влагой намокли глаза, По длиннымъ, по мпистымъ усамъ гренадера, Сверкая, скатилась прасотка — слеза.

Вломились въ чужбину незваные гости, Жельзо копытъ бороздило поля, Обильнымъ поствомъ ложилися кости, Потоками крови тучнъла земля, -И жира блеснули лучи золотые, И снова мечи потонули въ ножнахъ, И шумно помчались въ предълы родные Орлы полуночи на рыяныхъ крылахъ. Обратно летълъ я съ мечтою сердечной, Съ кипучею думой: «тамъ дѣва твоя.» Арузья выходили толпою навстрачной: Здорово, товарищъ! — «Пустите, друзья! Меня вы хотъли зръть въ почести бранной, А я только сердце домой воротилъ.» Сказалъ — и спѣша къ моей милой, желанной, Впервые ударомъ коня оскорбилъ;

Но онъ. благородный, обиду прощая, Примчаль меня прямо въ тотъ памятный домъ-Смотрю: все какъ было; пришельца встрачая, Псы съ радостнымъ визгомъ метались кругомъ II кланались гостю знакомые слуги, II узнанный всеми, и встречень, какъ свой, Явленыя безприной, серденной подруги Я ждаль съ истерпъньемъ души боевой. II вотъ — она вышла — улыбкой свътлъетъ... И кинулся къ милой — и слезы, какъ градъ... Постой! Не кидайся! Здъсь колодомъ въстъ. Прочь, глупыя слезы! Вернитесь назадъ! Все время умчало; душа отстрадалась; () дъвъ-злодійнь мечты унеслись; По въ сумрачномъ сердцѣ донынѣ осталось Одно ся слово, одно: «возвратись!»

Вътра прихотямъ послушный, Разряженный какъ на пиръ, Какъ богатъ въ странъ воздушной Облаковъ летучій міръ! Тамъ — въ краяхъ недостижимыхъ Для мечтателя очей Сколько формъ неуловимыхъ! Сколько дымчатыхъ кудрей! То прозрачны, — то угрюмы, Къкъ сомнительныя думы, То съ готовою слезой, То съ небесною грозой, Эти груды, эти глыбы Черезъ горній мчатся сводъ.

- 160 -

Мнится, тамъ простеръ изгибы
Дѣвъ туманныхъ хороводъ.
Тамъ — въ степи небесъ обширной
Виденъ армін эенрной
Боевой, громадный ходъ:
Растянулась эта сила —
И заря пэъ подъ руки
Словно кровью обкатила
Эти грозные полки;
Войско рѣже; — тамъ подъ тучей,
Какъ огни стрѣльбы летучей,
Солнца брызнули лучи —
И легли кругомъ въ обломкахъ,
Въ раззолоченныхъ каёмкахъ,
Шлемы, латы и мечи.

Вотъ, отдълясь отъ области волнистой Тъхъ облаковъ, идетъ изъ нихъ одно Могучее, — и съ высоты оно Царемъ глядитъ: въ опушкъ золотистой Сіяетъ верхъ; увънчано чело, А мракъ въ груди, а въ сердцъ — тяжело, И капли слезъ съ той вышины престольной, Въ обитель слезъ — на міръ упали дольный, А бълый паръ, какъ чистый опміамъ, Клубится въ высь, истаевал тамъ.

— 161 —

Ісе мрачное мраку, а Фебово — Фебу! Ісе дольное — долу, небесное — небу!

> Снова ясно; — вновь блистая И являя вешній пиръ, Чаша неба голубая Опрокинута на міръ. Разлетаюсь вольнымъ взгляломъ: Облака! вашъ кругъ исчезъ; Только тамъ вы мелкимъ стадомъ Мчитесь къ темени небесъ. Тъхъ высотъ не сыщутъ бури: Агнцамъ неба суждено Тамъ разсыпать по лазури Бълокудрое руно; Тамъ роскошна пажить ваша; Свъта дивнаго полна Вамъ небесъ лазурныхъ чаша Открывается до дна. Тщетно васъ слѣжу очами: Васъ ужь нётъ въ моихъ очахъ.... Валетомъ мысли вмѣстѣ съ вами Я теряюсь въ небесахъ.

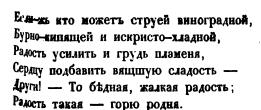

- 162 -

HERE YOU BUILLIAME.

Клоки паполнения. Ибана дано млидость, Ръзвитем помно на гранимъ стекли Други Какан-къ мезаниям радость Насъ на заколческій пиръ собраза?

Радость? — О ятить! Если—й в съ гориято неба дучь ем въ сердце случайно запалъ — Прочь всъ напитки, хотя—бы наить Геба Вышла поднесть Олимпиский малъ! Прочь! Не хотикъ! Оттолкнемъ его дружно! Радостью духъ нашъ да полнится весь! Двухъ упоеній сердцу не нужно. Вкусу обидна преступная смѣсь.

Кубки высокіе, полны шипізнья, Блещуть, — и кругь умножается нашъ. Аруги! Ужели въ бъдахъ утішенья Ищемъ мы ныніз на праздникі чашъ?

Ньть! — Лютой горести зубъ всегрызущій Аушу терзаль—бы средь оргіи пуще. Ауха въ печали вино не свѣжить: Злал настигнетъ и глубже укуситъ, Если кто въ битвѣ съ судьбиною труситъ И малодушно за чашу бѣжитъ. Сердцу покоя виномъ не воротишь: Горе увидишь и въ самомъ винѣ; Съ каждою каплею горе проглотишь, Выпьешь до капли, а горе на днѣ. Если—жь кто въ страхѣ надъ жизненнымъ моремъ Духъ врачевалъ свой кипучимъ Клико —

Други, мовървле, того хвосталь живь горень, Скорби не зналь, не страдаль глубово.

Изть: Мы не въ радости, ны и не въ горк Дъбствуенъ винно въ сенъ дружнонъ соборк: Жимъ ны сулую сонамсь окронить — И потону — равнодушно, спокойно, Такъ какъ нужниъ средь бесъды пристойно, Буденъ степению, облужанно шить!

жизнь и смерть.

Вст занявъ страны земныя,
Съ незапамятной поры
Въ мірт ходятъ двт родныя,
Но несходныя сестры.
Вся одна изъ нихъ цвттами,
Какъ невтста, убрана,
И коварными сттами
Смертныхъ путаетъ она.
На устахъ любви приманка,
Огнь въ очахъ, а въ сердит ледъ,
И какъ бурная Вакханка
Дтва пляшетъ и поетъ.
Не блеститъ сестра другая;
Черенъ весь ея покровъ;
Взоръ недвижимо суровъ;

- 106 -

Перси — глыба лединая, Но въ груди у ней — любовъ. Мнится, вовсе незнакома И чужда между людей, Но лишь стукнеть у дверей, Но потребуеть пріёма — И богачъ недужный дома Лолиенъ сказываться ей; Въ свой чередъ она приходитъ Къ сыну горя и труда, И безсонницу отводитъ Отъ страдальца навсегда. Та страстей опаснымь хмелемь Шаткій разумъ закружить, Обольстить, обворожить, И, сманивъ къ невърнымъ цълямъ, Съ здобнымъ ситхомъ убъжитъ. Эта — въ лютый часъ недуга, Къ намъ, какъ върная подруга, Подойдеть, навъеть сонь, Сникнетъ къ ложу съ состраданьем т И замкнеть своимъ добаньемъ Нашъ последній тажкій стонъ. Та напъвами соблазна Увлекаетъ жадный слухъ, И для чувственности праздной Стелетъ нъги жаркій пухъ.

Эта — гаситъ пылъ тълесный, Прахъ съ души, какъ цъщ, рветъ, И изъ мрака въ свътъ небесный Вдохновенную зоветъ. Рухнетъ грустная темница: Прахъ во прахъ! Душа-орлица Снова родину узритъ, И безъ шума, безъ усилья, Вскинувъ пламенныя крылья, Въ міръ надзвъздный воспаритъ.

КАЛИФЪ И РАБЪ.

Умъ свой въ думы погрузивъ, За столомъ сидълъ Калифъ. Предъ владыкой величавымъ Рабъ трепещущій его, Блюдо съ пышущимъ пилавомъ Опрокинулъ на него.

Грозенъ, страшенъ, какъ судьба, Посмотрълъ онъ на раба: Тотъ, готовъ разстаться съ свътомъ Прошепталъ полу-живой: «Рай объщанъ Магометомъ Тъмъ, кто гиъвъ смиряетъ свой.» —

Не сержусь — сказаль Кали+ь, Укрощая свой порывь. — Ободряясь, отпраетъ Рабъ колодный потъ съ чела: «Рай — и тъмъ» — онъ продолжаетъ — «Кто не памятуетъ зла.» —

Забываю. — Весельй Сталъ Калифъ, а рабъ смъльй: «Надо въ свътлый рай для входа И за зло платить добромъ.» — Рабъ! Дарю тебя свободой И осыплю серебромъ. —

Отъ восторга рабъ едва Могъ опомниться сперва, Пораженный этимъ чудомъ, — А Калифъ смотрѣлъ, признавъ Самымъ вкуснымъ сердцу блюдомъ Опрокинутый пилавъ.

УСТАРВЛОЙ КРАСАВИЦВ.

Пережила, Аглая, ты
Младыя, розовыя лѣта, —
Но и теперь цѣла примѣта
Твоей минувшей красоты,
Достойной звучнаго напѣва;
Сгубило время наконецъ
Твой прежній скипетръ и вѣнецъ,
Но и безъ нихъ ты — королева!
И, обходя цвѣтущихъ дѣвъ,
Красѣ ихъ легкой не во гнѣвъ,
Знатокъ изящнаго, глубоко
О дольней бренности скорбя,
Свое задумчивое око
Возводитъ часто на тебя.

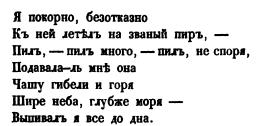
- 171 -

Такъ храма славнаго рупны
Нашть останавливають взоръ
Скоръй, чъмъ мелкія картины
И зданья легкаго узоръ.
Блескъ отнятъ; краски отлетъли:
Все-жь этотъ мраморъ — Партенонъ,
Глъ слава спить былыхъ времёнъ,
Гнъздясь въ кудрявой капители
Между Дорическихъ колонъ.

- 173 -

жажда любви.

Гдт вы, вспышки вдохновеній?
Гдт вы, страстныя мечты?
Гдт ты, праздникъ птесноптній
Въ честь верховной красоты?
Все исчезло: нттъ царицы,
Для кого-бъ въ ночной типи
Стройный звонъ моей цтвницы
Раздавался отъ души.
Тщетно жадный взоръ мой бродитъ
Между прелестей: на зовъ
Къ сердцу снова не приходитъ
Своенравная любовь.
А когда-то, въ нтт праздной,
Забывая цталый міръ,

Незабвенныя мученья! Васъ давно-ль я выносилъ, И у неба охлажденья Будто милости просилъ, Посылаль судьбѣ проклятья, Ненавидълъ свой удълъ, И отъ сердца оторвать я Цепи жгучія хотыть? Что-жь? Я снова той-же доли У судьбы прошу моей, Я опять хочу неволи, Я опять ищу цепей, — И, быть можетъ, ихъ найду я, Ими сердце обверну, Ихъ къ душѣ моей прижму я -И опять ихъ прокляну!

могила.

Разсыпано много холмовъ полевыхъ

Изъ длани природы обильной;

Холиы тѣ люблю я, — но болве ихъ

Мнѣ холиъ полюбнася могильный.

Въ тоскъ не уткиусь я свътлымъ цвъткомъ; Миъ пышной гирлянды не надо! Взгляну на могилу: свиваясь клубкомъ, Прикатится къ сердцу отрада.

Любви-ли сомитие въ грудъ залегло?

Къ той насыпи мыслъ обращу я — И чище мит кажется милой чело,

И ярче огонь поцтлуя.

Устану-ли въ тягостной съ рокомъ борьбѣ, Израненъ, избитъ исполиномъ? Я вспомню могилу — и въ очи судьбѣ Взираю съ могуществомъ львинымъ.

Я въ мірѣ боецъ; — да, я биться хочу. Смотрите: я бросиль ужь лиру; Я мечь захватиль и открыто лечу Навстрѣчу нечистому міру.

И Богь да поможеть мић ало поразить И въ битвћ глубоко, глубоко Могучей рукою сталь правды вонзить Въ шипучее сердце порока!

Не бойтесь, друзья! Не падеть вашъ пѣвецъ. Пусть грозно враговъ ополченье: Какъ девъ, я дерусь; — какъ разумный боецъ, Упрочилъ себъ отступленье.

Тотъ холмъ все за мною, какъ ангелъ, стоитъ, Мою укрѣпляя отвагу:
Когда-же боренье меня истомитъ —
Туда — и въ могилѣ я лягу.

И пламенный духъ изъ темницы своей

Торжественнымъ йрыльевъ размихомъ
Къ Отпу возлетитъ, а ползучихъ гостей
Зеили угоститъ мониъ прахомъ.

Но съ міромъ не комченъ кромавый расчеть:

Нѣтъ, — въ бурныя силы природы
Вражда моя въ новой красѣ перейдетъ —

И въ воздухъ, и въ пламя, и въ воды.

На стужу сердецъ в вулканомъ дохну, Кипащею давой нахлыну, Средъ водной равнины волною плесну— Злодъя дадью опрожину.

Порой урагановъ взлетъвъ на просторъ, Всъ вихри пустынные скличу, И праховъ засыплю грабителя взоръ, У хищника вырву добычу.

И путь я свободный повсюду найду:
Сквозь стѣны, въ чертогъ бепредѣльный
Я къ злому сатрапу заразой войду
И язвою лягу смертельной.

- 177 -

Утихну, — и къ ангелу-дъвъ потомъ
Легко полечу, и надъ нею
Въ день знойный прохладнымъ кружась вътеркомъ,
Чело моей милой обвъю.

Н райскимъ довольствомъ и нѣгой полна, Сіяя улыбкой умильной, Узнаетъ ли въ этомъ привѣтѣ она, Что это привѣтъ замогильный?

нован дружба.

Отвергиля в трасть мого ты мий сказала внятно. Что прукоў мий даршы благодарю стократно! Отныній мы — трулья. Освобождень оть мукь й руку жму твою благодарю мой другь! И такъ теперь съ гобой въ бесёдій откровенной Склониться в могу главою утомленной На дружескую груль... Но что я вику? — Ты Краснійсть, — съ робостью стыдливой красоты Оправить на плечахъ спішнить свою косынку — Згиймъ же? — Я въ тебій уже не властелинку. Но друга признаю. Робійть тебій не сліддь. Тапться не къ чему: для друга гайны нійть. Въ дюбви остерегись — для ней нужна ограда, не должно выходить тажъ изъ подъ строгихъ міфръ,

Но мы съ тобой — второй неслыханный примъръ Ореста върнаго и милаго Пилада — Должны быть запросто; условій свътскихъ грузъ Не долженъ бременить нашъ искренній союзъ, — И смъло дъйствуя и разсуждая здраво, Должны любовникамъ мы предоставить право Смущаться и краснъть, блъднъть и трепетать. А мы.... Да осънить насъ дружбы благодать! Намъ дозволительны — огонь рукопожатій И кръпкій сплавъ сердецъ и дружескихъ объятій, И, какъ—бы ни было, при солнцъ иль лунъ, Бесъды долгія, въ тиши, наединъ.

OTPLIBEH HIS KHHI'H JOSEH.

I.

Опять мятежная проснулась Давно-дь затихнувшая страсть. И вновь предъ бурною шатнулась Разсудка царственная власть. Въ груди, какъ прежде, сердцу тѣсно. Опять любовь бушуетъ въ немъ И подъ грозой ел небесной. Оно обхвачено огнемъ; Но обаятельной надеждѣ, Уразумленное оно Уже не вѣруетъ, какъ прежде. Сомићий въ мракъ погружено. Оно предчувствуетъ, предвидитъ И въ злой тоскѣ предузнаетъ,

- 181 -

Что вновь судьба его обидить И чашей нъги обойдеть. Въ любви невстръченный любовью Еще не разъ паду я вновь Челомъ горящимъ къ изголовью, Страдальца слезы брызнутъ кровью И въ сердце ядомъ хлынетъ кровь.

II.

Печанью тайною душа моя томима.

Вачамы меня, друзья, зовете вы къ себъ?

Вачамы въ свой кругъ зовете нелюдима?

Мий будеть чуждъ вашъ легкій разговоръ

Ралнообразный и шутливый.

И буду между васъ сидѣть, потупя взоръ —

Педвижный, мрачный, молчаливый.

Хотито-ль вы, чтобъ я въ день пира представля

Собою скучный день похмѣлья

И краски вашего веселья

Своимъ уныньемъ оттѣнялъ?

Уотито-ли вы ту, кого назвать не смѣю,

Съ у ньбъюй шалости при мнѣ именовать

И деракой шуткою своею

Мий сердце сжатое терзать?

Сь инпучей страстію въ томительной борьбъ

Разгульный хохоть вашь, о вытреные други, Усилить, растравить души моей недуги; Вотще тогда бокаль вы подадите мить, Гдь звызды прыгають въ прозрачной глубинть:

На все — и на любезность вашу — Тогда, обиженный, со злостью я взгляну, И пирнымъ нектаромъ наполненную чашу

Отъ устъ изсохшихъ оттолкну:

Я не найду въ ней упоенья, Сердечной жажды я виномъ не утолю, И чувства въчнаго въ себъ не оскорблю Призывомъ суетнымъ минутнаго забвенья. Пируйте-же, друзья! — Мнъ дорогъ вашъ поминъ, Но чуждо мнъ бывалое веселье.

Уйдите отъ меня! Пускай въ пустынной кельть
Останусь я — одинъ!

Одинъ!... Одинъ!... Мит милый призракъ блещетъ. И струны тайныя въ груди моей дрожатъ, Рука беретъ перо, — перо скользитъ, трепещетъ — И строки мърныя подъ нимъ уже горятъ.

III.

Когда настанетъ оный мигъ, Когда нарушу я молчанье И предъ тобою на признанье Уполномочу мой языкъ, И отъ тебя, предъ окомъ свъта, Я стану требовать отвъта На мой вопросъ, и въ словѣ «нѣтъ» Явиться долженъ твой отвътъ --Проту тебя: безъ замедленья Мои надежды разрушай, И грудь мою безъ сожальныя Прямымъ ударомъ отверженья Съ возможной силой поражай! Да разразится тяжкимъ громомъ Твой приговоръ! Несчастья въсть — Я въ сердцъ, съ бурями знакомомъ,

Найду способность — перепесть, И вновь надъ этимъ тщетной страстью Измятымъ сердцемъ — голова Спокойно вступить съ гордой властью Въ свои суровыя права. Но если.... если жизни слово Я долженъ выслушать тогда, И будеть мить въ тотъ мигъ готово Въ твоихъ устахъ не «нътъ», но «да» — О, пощади больнаго друга! Не вдругъ открой блаженства дверь. Но прежде жаръ его недуга Отрадой легкою умърь! Мит счастье страшно: въ мигъ отвъта Не вдругъ, не разомъ ты облей Лучами радостнаго свъта Туманный взглядъ души моей, Да отъ всегдашняго ненастья Себя къ живому блеску счастья Я постепенно пріучу! Съ судьбой враждебной въчно споря, Я умереть не могъ отъ горя, A отъ блаженства — не хочу.

111.

Кога ветонет ный мет. Когда вырушу в модчаные ปี เทคาร รถอีดพา เล ากทรแถและ Van momor and exert. **У** отъ тоби предъ эконъ чайта. Я отнич пребовать отчата На мой выпрыев и эт слояв стветь - степть имен синтина настина -Проту тебя безть замедленыя **Мон на филы** разрушай... И грудь мого бесть сожиливные Причетив ударожь отверженыя (ч возножной оказы поражай) Да разрачения нажимы провожь Глой приговория! Неспастыя въсть — II вы сердив, съ бурями знакоможъ.

И, можетъ быть, красавица другая Прочувствуетъ ее, не понимая, Она ее безчувственно пойметъ; — Она пройдеть, измітрить безъ раздумья Всю глубину поэта тяжкихъ думъ; Ел живой быстро-летучій умъ Пойметь языкъ сердечнаго безумья, — И гордаго могущества полна Передъ своимъ поклонникомъ она На бурный стихъ порой ему укажетъ, Гав вся душа, вся жизнь его горить, Съ улыбкою: «какъ это мило!» — скажетъ, И, легкая, къ забавамъ улетитъ, А ты ступай, мечтатель неизмінный, Вновь расточать безплатныя мечты! Иди опять красавицѣ надменной Ковать вънецъ, работникъ вдохновенный, Ремесленникъ во славу красоты!

M.

Понны послу данны дан милой дама Спородный спрасочны спои Породный за предста поличия Вость став в пред странантичной жебом! Монго наравить станиным жута Чене него чной мень за сленах такжъ взикъ Монго него чной мень за сленах такжъ взикъ Монго него чной мень за сленах такжъ взикъ

И оне мосте Аносено и милой дышить Отможанный ве тормить сертым стихь Изведь поеть она его не слашить, Оне слезы лесть она не модить ихъ Когда-жь чолва, всь тайны расторгая, Ивень жаркую по свату размосеть,

Тамъ свътскихъ чуждые цъпей, Мы знали только братства узы, И наши маленькія Музы Ласкали избранныхъ дътей; Отъ прозаической науки Бъжали мы — въ мечты играть И языка роднаго звуки Игръ созвучій покорять. Тамъ въ упоительной тревогъ Мы обнимались на порогѣ Межь детства запоздалымъ сномъ И первымъ юности огнёмъ, И чувствомъ новымъ закипали, И, сливъ въ безмолвіи сердца, Еще чего-то отъ Творца, Какъ недосозданные ждали — И жаркой струйкою въ крови Текло предвичсие любви, И сколько плановъ жизни мнимой Чертила дътская душа, И тамъ — въ дали необозримой Какъ жизнь, казалось, хороша! Ударилъ часъ: мы полетѣли Вдоль разныхъ жизненныхъ дорогъ, И скоро сердцемъ откинъли И юный пыль нашь изнемогь; -

И вотъ, мой другъ, поживъ немного, Узнавъ людей, вкусивъ любовь, Уже на міръ мы смотримъ строго, Какъ пересозданные вновь. Вздыхаемъ, шлемъ упреки людямъ И говоримъ, что жизнь плоха, Что вся она, когда разсудимъ, Не стонтъ звучнаго стиха, Что все неправдой, злобой въстъ, Что въ общей стужъ мерзнетъ кровь. Что дружба нехотя итметъ Подъ гнетомъ рока, — а любовь? Въ любви-ль найдемъ еще отраду? Увы! Напрасныя мечты! Любовь земная — капля яду На остромъ жаль красоты.

Товарищъ! Гдѣ-же утѣшенье? Чу! Громъ прошелъ по высотамъ. Дай руку! Благо Провидѣнье: Страданье здѣсь, блаженство — тамъ. II.

Къ Н-му.

Не трать огля напрасных убъжденій И не сули мит брачнаго вънца! Не объщай семейных наслажденій И радости и счастья безъ концэ! Вънецъ тотъ быль мечты моей кумиромъ И быль готовъ я биться съ цълымъ міромъ За ту мечту. Я въ книгт дней своихъ Тогда читалъ горячую страницу И пъль ее — любви моей царицу, Владычицу всъхъ помысловъ моихъ. Средь общаго житейскаго ненастья Небесный свътъ ловилъ очами я, И радостно змъю—надежду счастья Носилъ въ груди.... прекрасная амъя!

Польское скуль велиновано обмана Мольскова мучительная рана И гордостью запанцырилась грудь. Не говори что в че фаль, что молодъ— Не говори, что время впереди Гамъ нътъ его — опо въ моей груди И въ ней стоить, кнованное въ холодъ, И для меня не двинется впередъ: Гдь мы нейдемъ, тамъ и оно нейдетъ

Напрасло на на милое созданое
Укаженно мик, тоговое побить

И проивлое зущи мося страданье
Своей зущи богатетвомъ искущить
Я не хочу при кликахъ «торжествуемъ»
Притворствовать у ангела въ очахъ
И класть клеймо бездущнымъ поцклуемъ
На жилипо трененущихъ устахъ.
Скажи моей протекцей жилип повъсть
Я долженъ-ли супругъ разсказать?
Скрываться, лгать? — Меня измучитъ совъсть
у негима — должна-бъ се терзатъ.
Вольсть страстей сказаніемъ блестящимъ,
Отчетами любви моей къ тругой

— 193 —

жугожу-ль подругь молодой, Желающей упиться настоящимъ? Оливь обрядъ — одинъ союзный торгъ — Замышть-ли утраченный восторгь? Вступивъ во храмъ, въ святую область Божью, Уже-ль скажу я безъ любви «люблю» И нажом богопротивной ложью И этотъ храмъ и Бога оскорблю? **Ны** Пусть живу и мыслю одиноко! Пусть одного крушитъ судьбы гроза! За то я чистъ: ужаснаго упрека Меня не жжетъ кровавая слеза. Пускай мой одръ не обогрътъ любовью, Пусть голову холодную свою Къ толодному клоню я изголовью II нектара завътныхъ ласкъ не пью: ва то мой сонъ порою такъ прекрасенъ, Такъ сладостенъ, роскошенъ, живъ и ясенъ, Что я своимъ то счастіе зову, Котораго не вижу на яву.

- 18. -

[11.

42 3-Hy.

Когда, въ тамиственной гипп.
Ты довърять чата впечатленъя
Самей ваволнованной дупп.
Одинут инпъ чувствомъ полнъ в мыслио эдномо
Ты объ забранивий мих говориль евоей.
И очарованный, со мною
Дълься жизнио своихъ випучихъ пей.
Отживний сердцемъ, охладъдый.
Я ваниваль любви гвоей языкъ:
Мяз въ глубину дупп осиротълой
Отъ чанъ-то родственнымъ проникъ.

Чить были тороги ченовенья.

Я этой рѣчи тріумовальной — Съ какой-то жадностью внималь, . И пуще чувствоваль тогда свой хладъ печальный И бурный твой восторгъ въ душѣ благословлялъ.

Благое небо мнѣ судило
Увидѣть вмѣстѣ наконецъ
Тебя и дней твоихъ свѣтило —
Твою владычицу, души твоей вѣнецъ!
Въ холодномъ обществѣ сіялъ ты предъ собраньемъ
Въ какомъ-то очеркѣ святомъ
Не всѣми видимымъ сіяньемъ,
Не всѣмъ понятнымъ торжествомъ.

Твой видъ тогда издержанную силу - Въ моей груди пустынной обновляль,

И въ ней прошедшаго могилу Съ его блаженствомъ раскрывалъ. Я мыслилъ: кончены моленья, Кумиръ мой палъ, разрушенъ храмъ;

Я не молюсь мит чуждымъ божествамъ, Но въ сердцъ есть еще коть тънь благоговънья, — И я мой тяжкій рокъ за то благословилъ, Что онъ меня цънить святыню научилъ, Начайна канули благодореные слеми.
Что на чела можка хранател до конща хота грустиме слемы, гда принималить розма.
Къл индамъл терновите вания.

Но гребуй отъ меня оцыки хлоднокровной тостопиства избранницы твоей!

Гдії пувство говорить и сеп ща судъ верховный, Тамь жалокь «удь ума взыскательных» судей.

Не справивані дояктень-да во взорв Ев души своей душк отвыть,

Пль паладь топ ласкован и иккность въ разговорѣ Лина наважь озкистоти и общай векую привыть?

Мик-ло разгадать?—По вкры, не гщетно преданъ Ты чувству пылкому. Мы этотъ чистый жаръ,

Который сердцу заповіданть,

Должны цвингь, какъ выений даръ.

Награду сладкую сулить намы жаръ взаиминай: Но сердца півснь — любовы покорствуя судьбів.

Когда-жь за искрению гимны

Пъвецъ награды ждеть себъ? Предъ небомъ совершай служение святое! Молисъ, и не стидись молитвенной слезы!

мани. Въ небѣ есть и солице золотое в полныя крупительной грозы. іди дня блестящаго, но въ подвигь служенья ве бойся, не страшись и молній отверженья врекрасенъ видъ, когда мечтателя слезой учъ солица отраженъ торжественно и ясно, Но и подъ бурею прекрасно Его чело, обвитое грозой.

- = -

12

K-wy

Бодро выставь грудь младую! Выдвинь крапость юныхъ плечъ! Облекись въ броню стальную! Прицапи булатный мечъ! Сердцемъ, преданнымъ надежда, Въ даль градущаго взглани, И о томъ, что было прежде, Мив собой напомяни!

Да вскипить фіаль заздравный — И привѣть странѣ родной, Нашей Руси православной, Брамноносицѣ стальной! Мирока она — родная, Ростомъ — міру по плечо, Вся одежда ледяная, Только сердце горячо; — Чуть зазнала пиръ кровавый — И разсыпались враги, Высоко шумитъ Двуглавый, Землю давятъ Русской славы Семимильные шаги.

Новый ратникъ! Стань подъ знамя! Върность въ душу, сталь во длань! Юной жизни жаръ и пламя Сладко несть отчизнъ въ дань. Да послужитъ въ охраненье Ей твой мечъ — головосъкъ! Ей — сердецъ кипучихъ рвенье И небесъ благословенье Нынъ, присно и во въкъ!

WANTE THE

むぎむぎじるか

Thereto Andre of several street server. The server appears the server server. The server server server server.

to produce the set the second terms. The second sec

- 201 -

Куда ни оглянись — вездѣ гіероглифъ. На краски радуги лучъ свѣта раздробивъ, Намъ — что такое свѣтъ? — не высказала призма.

Есть сердце у тебя: пади, благоговъй, И бойся исказить догадкою своей Сокрытое во тымъ святаго мистицизма!

- --

TORETA

В насе высможное выс плините полите.
 В насе обще менте плините полите.
 Высми на мерет плините полите.

Во чежде нами исто особый предлагал. Комото приме — системаль не върша. И наметом, гремить пругить піраль она, Блистательным в просталь пол-неба застилал. Спокоенъ астрономъ: по небу гостья та — Онъ видитъ — шествуетъ дорогой соразмърной, Но страшенъ новый блескъ для черни суевърной.

Такъ мысль блестящая, высокая мечта — Пугаетъ чернь земли во тьмѣ ея пещерной, Но яснымъ разумомъ спокойно принята.

ВУЈКАНЪ.

Нахмуреннымъ челомъ простерся онъ высоко; Пятою онъ земли утробу придавилъ, — Курится и молчитъ надменно, одиноко; Мысль огнеметную онъ въ сердцѣ затанлъ....

Созрѣлз — онъ вздохнулъ такъ тяжко, такъ глубоко, Что землю покачнулъ и небо помрачилъ, И камни, прахъ и дымъ разметаны широко, И лавы бурный токъ окрестность обкатилъ. - 205 -

Онъ — геній естества, — и слѣдъ опустошенья, Который онъ простеръ, жизнь арче оцвѣтитъ. Смирисъ: ты не постигъ природы назначенья.

Такъ въ человъчествъ бичъ-геній зашумитъ — Толпа его клянетъ средь дикаго смятенья, А онъ, свиръпствуя, землъ благотворитъ.

_ 34 _

N.

Γ P O 3 A.

Въ тяжеловъ воздухъ соткалась игла густая: Взиахнулъ крыдани вътръ: зубчатой бороздой Просъклась молнія: завыла хлябь морская: Въсъ ощетинился и стоиетъ подъ грозой.

Какъ хохотъ сатаны, несется, зампрая, Громовъ глухой раскатъ, и снова надъ землёй Тебесный пляшетъ отнь, по ребрамъ тучъ сверкая, В грозно падаетъ пзломанной чертой.

- 207 -

Толпа пугается и мчится подъ затворы.... Бъльте! Этотъ блескъ лишь для очей орда. Творенья робкія! Спѣшите въ ваши норы!

Кто-жь тамъ—на гребнѣ скалъ?—Стопа его смѣла; Открыта грудь его; стремятся къ небу взоры, — И молнія — вѣнецъ вокругъ его чела!

ЦВВТОКЪ.

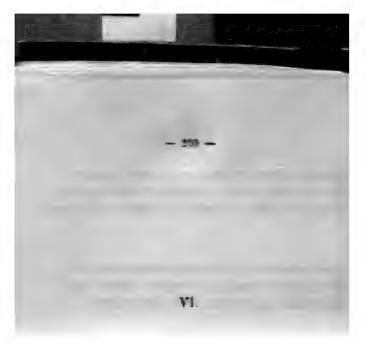
«Какъ дивно вытканъ онъ изъ красокъ, изъ зоира! Откуда милый гость? Не прямо—ль съ неба онъ? Златистою каймой онъ пышно обведёнъ, На немъ небесъ лазурь, на немъ зари порфира. »—

Нѣтъ! Это — сынъ земли и гость земнаго пира; Лугъ — родина ему; изъ праха онъ рождёнъ. — «Такъ върно чудный перлъ былъ въ землю погруженъ, Чтобъ произвесть его на украшенье міра?»—

О иттъ! Чтобъ вознестись головкой золотой — Изъ чернаго зерна онъ долженъ былъ родиться И корень свить въ грязи, во мракъ, подъ землёй.

Такъ съмя горести во грудь пъвцу ложится, И въ сердце водрузивъ тяжелый корень свой, Цвътущей пъснію изъ устъ его стремится.

СЛЕЗА И УЛЫБКА.

Когда укрытую, невидиную міромъ, Красавицу томитъ зав'єтная тоска— Слеза въ ел глазахъ—алмазъ въ игр'є съ сапфиромъ, Росинка Божія въ лазури василька.

Когда-жь ей весело — и за сердечнымъ пиромъ Улыбка по устамъ продернута слегка — Сдается: тронуты два розовыхъ листка Весеннимъ воздухомъ, чуть дышущимъ зефиромъ.

Порою витестт — дождь — и ясны небеса. Такъ на живомъ лицт ея, моей голубки, Порой встртчаются улыбка и слеза.

Какъ тагостны тогда приличію уступки! Лобзаньемъ хочется ей осушить глаза; Лобзаньемъ хочется ей запечатать губки. - 22 -

VIII.

EEMUY KUHA.

Летучая водья надъ влагою мятежной Неслась, опрывена могуществомъ вътрилъ, И въ даль я уплывалъ, оставивъ край прибрежный, Глъ золото надеждъ завътныхъ схоронилъ.

Наими испытавъ, съ любовно безнадежной Надъ измой шунныхъ волиъ и голову склонилъ, Il съ горькой дуною, глубокой, немобъявой Кипучую слезу и въ воду уронилъ. Изъ сердца, полнаго тоскою безотрадной Та скрытная слеза невольно изтекла, И жаркая влилась въ затворы влаги хладной —

И раковиной тамъ проглоченная жадной, Быть можетъ, свътлый перлъ она произвелз Къ вънцу для милаго измънницы чела.

e e e en angene a grand gêne. Le lega de la digene de la

Тумомы тогь упольть высовь тумома

Святью дил — восторгь очей —

Вствоть надь бездной океана

Въ кроповой рика безъ лучей?

Медолю на неба хранится

Рездумы утречного выль!

Тумомь тогь уполеть, востокь озолотится

М огновный гимомть высоко возлетить.

Такъ мужъ судебъ, недавно погруженный Во мракъ безвластія на островѣ нѣмомъ, Возникъ туманнымъ божествомъ Передъ лицемъ Европы утомленной. Прошли уже тѣ дни, какъ взмахъ его руки, Одно движеніе нахмуренною бровью Могло созвать, стянуть и разметать полки, Измять вѣнцы царей и міръ забрызгать кровью,

Когда такъ пышно и свътдо Звъзда судьбы его сіяда, И слава жадно цъловала Его высокое чело.

Теперь, когда еще не сгладило забвенье
Въ умахъ нарѣзанной черты,
Что и гиганту съ высоты
Возможно страшное паденье, —
Теперь — невольное сомиѣнье
Вползало въ глубину сердецъ; —
Не такъ блисталъ однажды сбитый
И свѣжимъ лавромъ неувитый
Изъ праха поднятый вѣнецъ,
Которымъ вновь, по волѣ рока,
Былъ до невѣдомаго срока
Увѣнчанъ царственный бѣглецъ.

Туманъ минувшаго отъ Эльбы поднимался И на виновника всъмъ памятныхъ утратъ

Духъ недовърчивыхъ Палатъ
Враждебнымъ словомъ ополчался.
Но мигъ — и новый свътъ разсъкъ пучину мглы:
Орлиный взоръ Вождя сверкнулъ передъ полками —

И засръ готъ пенали срем И бурю цвигнули крымами. По среднамъ войнъ залетър и паритъ, Края земли вновь пламенемъ обътът: Теперь пускай вигиствуютъ Палата! — Иуъ правдный шууъ побъда заглупитъ. куйте о судьбъ! — Ел властитель — Гений,

Вковалась въ мысль его он т.

И эта мысль ополчена
Отнемъ гремучихъ в рословений.
И далкетъ массами и мисовъ.
И опояслиная слазой
Отражена въ перъ превлазой
Клавами пелами штоловъ

Кикъ море, арми разлиты:
Звучатъ изли, звенатъ колити
Врати соинись — и вепыхнуль бей —
Предтеча битам роковой.
День гаснуль, бей горълъ и дилем,
И вотъ затихъ — и натъ землей
Въ баграной ризъ проклицея
По небу вечеръ залочой.

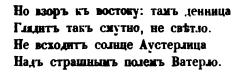
 Онъ весь сгараль сраженья жаждой, Ему быль чуждъ отрадный сонъ. Какъ онъ желалъ по небу ночи Провесть огонь, разлить пожаръ, иго имкінсом атункы до И кончить роковой ударъ! Но видъ героевъ, ихъ усталость.... Впервые тронутъ и унылъ Дотоль невіздомую жалость Онъ въ бурномъ сердцѣ ощутилъ, И полный тайнаго волненья, Впервые чувства умиленья Въ себъ не властенъ превозмочь, Взглянулъ на ратниковъ съ любовью -И отдаль имъ на отдыхъ съ кровью Изъ сердца вырванную ночь.

ъ пелена небосклонъ оковала.

къ небу онъ вскинулъ: подъ тя:ккою мглой пяя въ небъ звъзда померкала — ло затъмънье звъзды роковой!

у безсонныя очи склоняя, окойствиемъ страшнымъ на блъдномъ челъ, ь онъ, съ улыбкою взоры вперля тниковъ, спящихъ на хладной землъ.

> is made astronomy of the lightly in ; Same over mem grads ^т от эли и — 1 Хиянулъ in and moun to fasaks. In the second state Barrier and Artist Control 🖟 i great i desse di sidu The state of the s Remarks to the Chronic Conxiders as assets Harring strains And The or group of western И вы приметув воторовныя Жатен вызова къ ружно. Чтобъ согрѣть въ пылу сраженья Трудь пазвонную свою.

Чу! Эхо вызвано ударомъ — Взыгралъ неотвратимый бой; Ряды осыпаны пальбой; Окрестность вспыхнула пожаромъ: — И онъ — державный исполинъ — Уже блеснулъ побъдными лучами. Онъ массы войскъ съ дымящихся вершинъ Окидывалъ орлиными очами, И мътко въ даль направленный имъ взоръ Своимъ могуществомъ волщебнымъ,

казалось, подкръпляль полковъ его напоръ

И гибель спламъ несъ враждебнымъ; — И между тъмъ, какъ вновь въ бореньи огневомъ Махало счастие сомнительнымъ вънкомъ И на державнаго кидало взглядъ разлуки, — Еще на счастие надеждой онъ горълъ, И на груди скрестивъ властительныя руки Еще довърчиво смотрълъ

На плотные ряды опоръ самодержавья — На старыхъ воиновъ, готовыхъ подъ конецъ

Изъ самыхъ челюстей безславья Исхитить славнаго властителя вѣнецъ. Бой длится; утрата наводить утрайу; Смятенье, разстройство — въ усталыхъ рядахъ; Багровое солице склонилось къ закату И дыма и праха въ густыхъ облакахъ.

> Взоръ вождя воспламенныем, H no rosocy ero, Словно лесъ, зашелелился Сонив отважных виругь него, И за нимъ, какъ за судьбою, Жаромъ гибельнымъ полна, Грозно выдвинулась къ бою Страшной гвардіи стіна, То сверкнеть, то въ дымъ тонетъ.... Тажкій гуль идеть вдали.... Отъ пальбы дрожитъ и стонетъ, Ходитъ моремъ грудь земли. Ободрись, боецъ усталый! Этотъ гулъ.... друзья, впередъ! йылық сопве алыпдам — от С Силы свъжія ведетъ. Рать туда валить каскадомъ, Но шатнулась вдругъ она Крупнымъ встръченная градомъ И свинца и чугуна. Маршъ! Впередъ-на смерть-эт могили! Бей! Ломи! Громи! Круши!

Это Блюхеровы силы, А не Маршала Груши; — И послѣдній строй героевъ, Помня славу прошлыхъ лѣтъ, Легъ на лаврахъ прежнихъ боевъ, На трофеяхъ ста побѣдъ.

Гат-жь онъ, гат виновникъ губительной брани? Чрезъ трупы убитыхъ, сквозь вопли и стонъ, Сквозь сумракъ, сквозь ядра и громъ восклицаній На бодромъ конт выбивается онъ. Съ позорища рока, безмолвный, угрюмый, Онъ таль, зарытый въ полночную мглу. Судьба измітнила: одні только думы Державному втрны остались челу.

И вотъ, утомленный, подъ скипетромъ ночи Поникъ онъ, какъ данникъ, на ложе челомъ, И сномъ небывалымъ задернулись очи — Глубокимъ, желфзнымъ, рѣшительнымъ сномъ. Душа его долго со снами боролась И онъ отражалъ ихъ, какъ волны утесъ, — Теперь покорился: невѣдомый голосъ Святое «свершилось» надъ нимъ произнесъ.

Онь наль — понзаменть сульбены, -И такъ — на лоскуть земля, Среди безиврной водъ развины, Отъ милой Фронціи вдали Влачиль онъ илить свой, созершая Лишь моря зыбь, да небеса, И льюять Европы угасая Подъ стражей Англійскаго пса. Не могъ неводею томичый Унять онъ бурныхъ думъ своихъ: Не убаюкивали ихъ Ни ночи миръ ненарушимый, Пи томный шумъ волны, крушимой Объ край утесовъ въковыхъ. Не могь смирить державной страсти Онъ искусительныхъ тревогъ; На дребезгахъ разбитой власти Онъ успоконться не могъ; --И въ мигь, когда къ могильной грани Жизнь исполина перешла, Въ последній мигь земныхъ страданій Его душа съ мечтой о брани Въ обитель мира потекла.

Порого тамъ---въ пл'яну---развѣнчанный •илосо•ъ Пытался отмыкать мышленія ключемъ лые замки глубокихъ тъхъ вопросовъ, рыхъ не успълъ онъ разръшить мечемъ.

Судьбу свою обдунывая строго,
Порой онъ самъ себя судилъ:
«Да,— я былъ деспотъ; силъ я много
И много жизни раздавилъ;
былъ ураганъ; — среди земныхъ твореній
зу видя, я былъ долженъ все крушить,

Чтобъ полный вредныхъ испареній Европы воздухъ освѣжить.

нье тайныхъ язвъ я видълъ въ нѣдрахъ націй:
Ихъ изцѣлить, глазамъ моимъ
Казалось, можно липь однимъ
Путемъ кровавыхъ операцій —
надъ міромъ сталъ хирургомъ роковымъ, —

И пусть меня въ семъ дѣлѣ судитъ эмство дальнее! Еще не близокъ срокъ, Когда понятенъ людямъ будетъ Мной людямъ заданный урокъ.»

нченъ путь его. На немъ лежатъ всѣ виды роды разныхъ странъ съ обновами границъ, гады Альповъ, Рейнъ, Каиръ и пирамиды,

Маренго, Іена, Аустерлицъ, абощенный Римъ и плънная тіара, эрныхъ Королей склоненныя главы, Регодина выполнения и въздамени пожар Гвердина выпушей Москвы.

 понченъ ототъ путь—презъ соры, перезъ ствим, перезъ моря пески и скатерти сивтовъ,

Оть Корсики то острова Елены.

Отъ береговъ гревожныхъ Сены До Ивмана и Нила береговъ.

> Отъ первославного Тулона До рокового Ватердо.

Отв. ополинивей скамы 10 трона Отв. (рона го двей и тв. пъщей 40 склона Кългоболной диности, гое было и прошло —

Оть отного чак дивныхъ зъ мірт видовь — Грооницы Гента предь моря на пилать

> До гроба въ домѣ инвалидовъ На этой аѣтреной землѣ

ОГЛАВЛЕНІЕ

стихотвореній І тома.

											CT	ban.
ныя	ВЫСЕ	ŧ										1
aofa	дпя											3
пола	рной	38	53 4	B								Ć
валиі	ы											g
есъ.	•											11
каръ												13
ныя(очи											16
ри .						•						20
абве	пная					•			•		•	23
зрап	ценіе									•		2(
ербу	ргск	ал	CTC	po	на						•	31
ший	KOHI	5.										3¢

													7
Озеро	•		•	-	- ,	٠	-	•			•		3\$
Искра						-		•					48
Три вида.			•		•							•	48
Золотой выка	•												50
Бивакъ .													59
Ночь близь в	ſ	Як	ацъ										56.
Бранная кра			-										58
Сослужвацу													60
Прощаніе съ		аб	ею										63
Горячій исто												Ī	65
Пъвецъ .			٠.	•	_	_				Ī		•	67
Пучина .										•	•	•	70
Два видънія									Ĭ.	•	•	•	73
Моей звъздоч				·	·	Ī			•	•	•	•	76
Оремана				·	•		•	•	•	•	•	•	78
Мой выборъ			•	•	•	•	·	•	•	•		•	80
Смерть въ М			սե	•	•	•	•	•	•	•	•	•	84
Прости .		CH.	ць	•	•	•	•	•	•	•	•	•	84
Поминшь-ли	,	•	•	•	•	•	•	•	•	•	•	•	87
Навадница	•	•	•	•	•	•	•	•	•	•	•	•	91
Дат ь ръки	•	•	•	•	•	•	•	•	•	•	•	٠	93
· -		•	•	•	•	•	•	•	•	•	•	•	95
Опровержені		•	•	•	•	•	•	•	•	•	•	•	
Сморть розы		•	•	٠	•	•	•	•	•	•	•	•	97
Mope	•	•	•	•	٠	•	•	•	•	•	•	٠	100
He stipio .	•	•		•	•	•	•	•	•	•	•	•	111
Холоднос об	ъяс	сне	HIC										113

_										Стран.
Роза и дъва		•						•		. 115
Новое признание	•	•	•	•						. 118
Позволь										. 119
Степь										. 121
Предостережение										. 123
Услышанная моли	тва									. 125
Радуга										. 127
Скорбь поэта .										. 129
Лестный отказъ.										. 131
_										. 134
										. 137
Люблю тебя										. 140
Я не люблю тебя										. 142
Бура и тишь .										. 145
Заря										. 147
•										. 149
_										. 151
Черный цвыть .										. 153
Возвратись										. 155
Облака ,										. 159
Передъ бокалами										. 162
-		•								. 165
Калинъ и рабъ										. 168
Устарълой красав					•					. 170
Жажда любви										. 172
Могила	•		•	•	•	•	•	•	•	. 174

.

	•								•			C	r ptu .
Новая дру	жба	٠.	•	•	•	•	•	•	•	•	•	•	178
Отрывки і	изъ 1	кни	u i	юб	ви:								
I.													180
II.										•			182
III.													184
IV.	•		•	•				•			•	•	186
Послан	ala:												
· I.	Къ	M-	ру										188
II.													191
III.			—иу										194
IV.			—му					•	•	•			198
Сонеті	J :												
1.	Пр	прo	да										200
Ή.	Kox	иета	a .										202
III.	By.	ıkaı	ъ										204
IV.	Гро	за											206
٧.	Цв	ьтоі	ďЪ					•					208
VI.			и у.										210
VII.	- Же												212
Ватерлоо		•	•										214

••

•

.

CTUXOTBOPEUIA

в. ввивдивтова.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

1856.

ROTARLOGEOU STATAPAU

съ твоъ, чтобы по отпечатавни было представлено въ 1 сурчый Копитетъ узаконению число экзепиляровъ. С. Пеј бурга. 13 Марта 1836 года.

Ценсоръ В. Бекетось.

Вь типографіи Крыловской.

Tomb II.

(1812 — 1850.)

Da edie vir ier Baum, lie Rose. Uir sing ier Quellen Süberfail Es uinte seibst ias Secteriose Von memes Ledens Widerhall.

туч л.

Тежна и громадна, грозна и могуча
По небу несется тяжелая туча.
Порывистый вътеръ ей кудри клубитъ,
Врывается въ грудь ей, и полный усилья,
Принявъ ея тяжесть на смълыя крылья,
Ее по пространству воздушному мчитъ.

Нячто не смущаетъ разгульнаго хода; Кругомъ безпредъльный просторъ и свобода; Вселенная вся съ высоты ей видна; Предъ нею открыты лазурныя бездны, Сады херувимовъ и таинства звъздны — И чтоже? — Взгляните на тучу: черна, — Сурова, угрюма, — съ нахмуреннымъ ликовъ, На міръ она смотритъ въ молчаніи диковъ, И грустно, и душно ей въ небѣ родновъ, И видъ ел гифаный исполненъ угровы; Въ свинцовыхъ глазахъ ел заикнуты слёзы; Межь ребрани пламя, подъ мышцами гровъ.

Синтальца-поэта удъть ой назниченть:
Высокть ел путь, и свободенть, и мраченть;
До срочной минуты все тихо кругомть,
Но вдругъ — встрепенулнсь дозрѣвшіл силы:
Браздами просѣклись огнистыя жилы
И въ крупныхъ аккордахъ разсыйался громъ.

И после уснувшей, утихнувшей бури Живее сілье бездонной лазури, Свеже дубравы зеленая сень, Душистей дыханье и розъ и асминовъ. — И радугу пънкво съ илета перекшувъ, Патиулся на запала ликующій день.

A 1983. Hipmares o spents il manus,

ь эти святыя хоругви войны атыя въ схваткъ послъдняго боя, ъ честное рубище мужа—героя нанника свътлой родной стороны.

отъ, остальнымъ разрѣшаясь ударомъ, ъемлется туча рѣдѣющимъ паромъ зрачна, чуть зряма для слабыхъ очей, тъ небу прильнувъ золотистымъ туманомъ, писчезаетъ въ отливѣ багряномъ, матовомъ свѣтѣ закатныхъ дучей.

H H P L

Которы подотнет инпист сположе Которы подоте и от и.

К трутите прислеже до в село задачен мен питель. Не того которы мен питель. Не того которы сположе Метры докуми и которы Метры задачение задаче. Вы мен задачение задаче. М негоскумить и немь Метры проседитель. Метры проседитель Метры присседитель. Метры подотнеть проседительной Которы подотных проседительной Которы селом подотными. То сверкаетъ вышина
Маллономъ люстръ алмазныхъ,
Моремъ брызгъ огнеобразныхъ,
И средь бездны ихъ одна,
Булго пастырь въ групив стада,
Велизвая лампада
И слейна, и ясна,
Сътомъ матовымъ полна.

Въ блескъ праздничной одежды ^{Здысь} ликуетъ сибарить; Туть и бъдный, чуть прикрытъ Ветинкъ лоскутомъ надежды, — Мулрецы, глупцы, невѣжды — Всыть гостямъ мыста даны; Всь равно приглашены. Но не встыть удаль веселья, Угощенье не одно: Тътъ — отрава злаго зелья, Ттиъ — кипящее вино; Тоть блестящими глазами Смотрить сверху; тоть — виизу, И подъ старыми слезами Прячетъ новую слезу. Братъ! Мгновенна доля наша: Пей и пой, пока стоитъ Предъ тобою жизни чаша! —

. That is imposed - imporpation Le minimalità de Montelder The second was secured. Property of the second was alleged барыны кү партпраныку былыкы Marie behard their sufficien Tran - one govern board cases באישור ב בשמונים ביות ביות ביות ביות I in manufact a fact The same of the sa A Same Commercial Commercial Which has been a supposed in all Victory Courts many to contact Victorian Company Commission and their grown To be my warden with U name on a Remark to

Les assistants inspectation works or more authority inspectation works as a first at the solution of the solution is a solution in the solutio

И ведвижный, и и вмой,
Онъ отправился домой;
Чашу горькаго веселья
Онъ до капли осушилъ,
И до страшнаго похивлья
Сноиъ глубокимъ опочилъ;
И во дни чередовые
Въ следъ за нимъ пошли другіе:
Остаются отъ гостей
Груды тлеющихъ костей.

Взглянешь: многіе постыдно
На пиру себя ведуть,
А Хозяина не видно,
А Невидимый — онъ туть.
Часъ придеть — Онъ бурей грянетъ
И оть пира міръ предстанетъ
Передь Нимъ на грозный судъ.

- . -

H I L. L. I H.

prive framery about to to amire a such to LP the openion of particle on mile The action of action took of which by Chair marting action to 1514 to CAMINA CHARLING MENTER OF MANNEY had no occupanted activities FLORD BELGIED BUCKERGE WITHIN на роскошной сен земи. иси селаль ве франсиять повывахв; we are againg white the continuous васки тихо приняла, the apere as takes grammars ранув инсув своихв дам. топ Буки — гролочой строиной члясь, Генул спокойно . в на ж. (вымым) раздоль;

Съ фугой — въ водахъ своихъ сверкая филъ Венеція златия В вишеть веслами гондоль.

Страна завътныхъ идеаловъ!
Страна неслыханныхъ забавъ!
Страна любви! Страна кипжаловъ!
Страна сонетовъ и октавъ!
Тамъ страеть кипитъ; тамъ дышегъ древность,
Блестятъ искуства образцы;
Тамъ рыщетъ месть, скрежещетъ ревность, —
И взявъ у неба сладкопланостъ
Ноютъ пъвицы и пъвцы.

Красавица въ частяхъ и въ ціломъ! Страна, сіявшая вѣкамъ! Съ водами моря по бокамъ, На солнопекъ простершись тѣломъ, Челомъ припала загорѣлымъ Она къ Альпійскимъ ледникамъ. И какъ красуются изгибы Ея потоковъ и озёръ И къ небу вскинутыя глыбы И огневыхъ и снѣжныхъ горъ! Красавица! — Вотъ волны Бренты: У ней на персяхъ данъ имъ бѣгъ;

По этимъ персямъ выотся ленты Игриво сыплющихся рѣкъ. Волшебный станъ! — Зифеобразнымъ Онъ Тибра поясомъ обвитъ, И въчный Римъ замкомъ адмазнымъ На этомъ поясь горить; -А здесь цветущій и прекрасный, Въ венце садовъ и гордыхъ степъ, Неаполь — близь ея кольнъ: Здъсь и Везувій сладострастный То жаръ свой внутренній таитъ, То рвется, пышетъ и бурлить. А тутъ — у ногъ страны сей чудной — Раскинутъ островъ изумрудный: Обильныхъ нивъ дарами полнъ Предъ ней онъ блещеть въчнымъ храмомъ Съ куримымъ Этной виміамомъ Надъ зыбью средиземныхъ волиъ.

Чудесный край! Тобою дышитъ Сынъ вдохновеннаго труда, И сердце зовъ привътный слышитъ — Небесный зовъ: туда! туда!

ПАЛЕНІЕ.

Въ красотъ, отъ праха взятой, Благодатнымъ сномъ объятый, У разбъта райскихъ ръкъ, Почивалъ нашъ прародитель — Странъ эдемскихъ юный житель — Міра первый человѣкъ. Спитъ; — а творческаго дѣла Совершается добро: Вынимается изъ тѣла Къ сердцу близкое ребро; Пламень, въ кости сокровенный, Брызжетъ искрами въ эниръ, И на свѣтъ изъ кости бренной Рвется къ жизни повый міръ, — Портороговой содины полины по

Land Committee of the Committee of States of 1 Part of the same San Commission And the second second ٠, The same Siver. . • Same Same At a second of the and the state of the white and a specific It. . . . manea. billa

1 oktober 1975 i British (1986) i 1986 i 198

в союзинцу присмаетъ ъ десницы Божества, въ небесныхъ обияньяхъ блаженна, и чиста ся въ цветахъ, въ благоуханьяхъ іогруженная чета. Тужъ, и все, что населяетъ ъая свътлую страну, Окомъ радостнымъ взираетъ На прекрасную жену. Къ ней потокъ сребро-волиистый Струйкой плещущей бъжить; Плодъ румяно-золотистый Съ вътки ей въ уста глидитъ. Ей — привътъ семьи периатой: Ей, среди незлобных в игры, Лижеть руки автрь косматый И праусть ноги тигръ, **И** въ спокойномъ созерцань к Самъ владычественный лекъ, Видя новое созданье, Умягчаеть гордый ревъ, И предъ этой красотою Съ Божыниъ свътомъ на чель, Онъ, поникнувъ годовою, Стелеть гриву по земль....

Но тайковъ приключись въ древу Ядонтая зава Смотрить вередчине на Кву, Радость заобную тая, — И віясь кольщеобразно Подполала.... И премьщена Сладкинъ яблоковъ соблічив Пала слабая жена.

И Виновникъ мірозданья, Грянувъ гийвомъ съ высоты, Возложиль выпець страданыя На царицу красоты, Что-бъ она за грахъ паденья, За вкушенный ею плодъ, Съ красотою всѣ мученья Предала въ поздивний родъ; — И караются потомки: Аверь небеснаго шатра Заперта для васъ, обложин Отъ Адамова ребра! И за страшный плодъ познанья Съ горькой участью изгнанья Долю скорби и трудовъ Богь изрекь въ громовыхъ звукахъ Для рожденныхъ въ тижнихъ мукахъ Ваниять бъдственныхть сыновть.

Взиахъ руки своей заноситъ Смерть надъ нивой нашихъ дней И серпомъ нещаднымъ коситъ Родъ людской, какъ заакъ полей. Мърнымъ кодомъ въкъ за въкомъ Съ грузомъ горя и заботъ Надъ страдальцемъ-человъкомъ Въ бездну въчности идетъ: На землъ ряды уступовъ Прахъ усопшихъ намостилъ; Сталъ весь міръ громадой труповъ; людямъ тъсно отъ могилъ.

Но и здѣсь — въ краю изгнанья — Не покинулъ смертныхъ Богъ: Сердцу свѣточъ упованья Въ мракѣ скорби онъ возжёгъ, И на поприщѣ суровомъ, Гдѣ повсюду рыщетъ зло, Онъ святитъ вѣнкомъ терновымъ Падшей женщины чело; Казнью гнѣвъ свой обнаружа И смягчая строгій судъ, Свѣтлый умъ и мышцы мужа Укрѣпляетъ онъ на трудъ, И любовью безконечной Обновляя смертныхъ родъ,

Въ польней смерти къ жизни въчной Указаль намъ переходъ. Овъ открыть намъ въ край небесный двери царственных виовъ: Чей предъ нами образъ престимі Въ кавахъ казии за лобовъ? Это Богъ въ крови распитъя Прекращаетъ смерти пиръ, Расторгаетъ ціль проклитъя П въ кровавыя объятья Зълючаетъ прішный чіръ!

СЛЕЗЫ И ЗВУКИ.

О дѣва! Покровомъ завистливой мглы
Подернулся взоръ твой — соперникъ денницы;
Ты плачешь — и слезы, какъ капли смолы,
Дрожатъ и сверкаютъ на иглахъ рѣсницы.
И больно, и тяжко отъ слезъ мнѣ твоихъ,
Но если подъ бурей на жизненномъ морѣ
Скорбящей душѣ твоей легче отъ нихъ —
Плачь, милая, чаще: выплакивай горе!
Всегда тебѣ вѣренъ цѣлебный сей ключъ,
Родникъ утѣшенья, источникъ отрады;
Подъ сердцемъ рожденъ и подъ сердцемъ кипучъ —
Сквозь очи онъ ищетъ воздушной прохлады.

А я.... злая мука въ убійственный часъ
 Мить сердце зальетъ отравленною кровью,

П грузонъ нависпувъ падъ стапутой бровью, Съезинки не выжнетъ изъ сумрачныхъ гладъ, Порой анив, въ минуты тапиственной муки, Паъ сердца, гдъ живы всё авы любви, Псходятъ и льются согласные звуки, П въ нихъ мић отрада: тутъ — слезы мон. Но ключъ сей отрады невъренъ: допучный Порой не доходитъ до неба мой кликъ, Старачтся грудъ, и безивляный, безикучный Отъ зноя и жажды стараетъ языкъ.

Дни промчались... много сгибло! Тяжелъе съ каждымъ днёмъ; Горе буйную зашибло И тоска на ретивомъ.

Извели пѣвца невзгоды, Извели и пѣсенъ даръ; — Эхъ, когда-бы прежни годы, Да разгулъ, да юный жаръ —

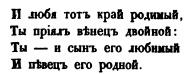
Оживленъ пріязнью братской, Можетъ быть, умѣлъ-бы я Пѣснью съ удалью козацкой Попривѣтствовать тебя. Много зналь в эвуковъ дивныхъ, Бойкихъ, звопкихъ, разливныхъ, Молоденки-заунывныхъ, Богатырски-удалахъ.

Я изъ инхъ сковалъ-бы слово
Пуще грому и огия —
Про навадинка лихова,
До про бурнаго коня, —

Да про Дивпръ, что сыплеть воды Валъ за валомъ въ перевалъ, Да про свътлый салъ природы, Гдъ недавно ты гулалъ, —

ГАВ кругомъ зеримстымъ клебомъ назволючены моля, Ав вируетъ съ яснымъ мебомъ бручениям земли, —

в спливе сонще грветь, В Моруса плосия часть условиям вышно рабеть ской пвти и стыда.

Что-жь? — Теперь, когда судьбою Суждено мнѣ пѣть тайкомъ, Мнѣ-дь бурдить передъ тобою, Предъ залётнымъ козакомъ?

къ женщпив.

Къ теов ини — Прошло безумье: Генеръ, покорствуя судьбъ, Спокойно, въ тихое раздумье и погружанось о теов.

Мер южимое состанье — Пивть муст — женщина — сліянье думей и мрака, благь и золь! Вь тебь инша намь природа Полужимых тайны своихы символь; Грань менивмоскаго рода Тобою переть оп провёль. Она, тотови жизнь мужчины, Глобою мисша, гворя.

Когда себѣ изъ горсти глины
Земнаго вызвала царя; —
Творя тебя, она мечтала,
Начальнымъ звукамъ устъ своихъ
Она созвучья лишь искала
И извлекла волшебный стихъ:
Живой, томительный и гибкой
Сей стихъ — вершина красоты —
Сей стихъ, съ слезою и съ улыбкой,
Съ душой и сердцемъ — это ты!

Въ душть ты носишь свътъ надзвъздный, А въ сердцъ огненную кровь — Двъ дивно-сомкнутыя бездны, Два моря слитыя въ любовь. Земля и небо сжали руки И снова дружно обнялись, Когда, узнавъ тоску разлуки, Они въ груди твоей сошлись, — И снова демонъ расторгаетъ Въ тебъ ихъ родственную связь, И прелесть чистую ввергаетъ Въ нашъ дольній прахъ, въ земную грязь.

И тамъ, гдѣ тщетныя усилья Стремишь ты въ высь — къ родцой звѣздѣ,

Я мыслек бедене ангель! где Твои оторванныя крылья? Я ихъ найду, я ихъ отдажъ Твоимъ лилейнымъ раменамъ, Скажу: лети туда! — И, мнится, Ихъ подаю.... ты смотришь въ даль Пустыхъ небесъ.... твой взоръ слезится: Тебъ покинуть землю жаль, -И смотришь ты, нельзя-ль съ собою Туда весь грузъ; каковъ онъ есть, Тебъ навлзанный судьбою, На нъжныхъ персяхъ перенесть; Ты пристрадалась къ этой цепи, И, укрѣпясь въ быту земномъ, Необозримыя лишь степи Ты видишь въ небъ голубомъ.

О небо, небо голубое — Очаровательная степь! Тамъ душъ ристалище святое Сорвавшихъ бренной жизни цѣпь. Тамъ блещетъ утра багряница; Тамъ свѣтъ полярный — исполинъ; Тамъ мчится солнца колеспица; Тамъ бродитъ мѣсяцъ — бедуинъ; Тамъ ходятъ звѣзды караваномъ; Тамъ, кинувъ хвостъ черезъ зенитъ,

Порою вихремъ — ураганомъ Комета бурная летитъ. Тамъ, тамъ когда-то, въ хорѣ звѣздномъ, Неукротимъ, разгульно-дикъ, Мой юный взглядъ, скользя по безднамъ, Встрѣчалъ блестящій женскій ликъ; Тамъ образъ яркаго созданья Сверкалъ мнѣ въ трепетную ночь; Тамъ.... Но къ чему воспоминанья? Прочь, соблазнительныя, прочь!

Пироко, ясно небо Божье; — Но ты, повитая красой, О женщина! — Тебт порой Милтй земля — твое подножье, Чтить этотъ сводъ надъ головой. Упрека нттъ: такая доля Тебт, быть можетъ, суждена; Твоя младенческая воля Чертой судебъ обведена. Должна отъ свта ты завистъ, Склоняться, падать передъ нимъ, Чтобъ, можетъ быть, его возвысить Паденьемъ горестнымъ твоимъ; — Должна и мучиться, и мучить,

the second of the second section Section (Section the second section is a second Carriero Syrias Hereiro la effectione ---Very marked the control of the contr Note that the settlement of the second section of the second section is Version comments and after the property Marie and a contract of the recognition of Beergerarian no by the up the When it is not been been been as in the contract of Alberta retail of the case of the case the The commencement are all from giving All restricts of the party of the party pages of the page of the party of the page of Parties of Bud treatment before in The production of the special contractions Michigan Charles March March & Control

have begreringen fingeren Marmonarmen

* They east representation with the con-

....

Гы добишь: изтъ тебв укора!
Въ насъ сердце, полнос чудесь, —
И изтъ земнаго приговора
Тебт — посланинца исбесъ!
Не былой прелестью улыбии
Ты искупать должна порой
Свои невольных ошибки,
Но мукъ ужасныхъ глубиной,
Томеньемъ, скорбью безнадежной
Ауши, рожденной для забавъ
И небомъ вложенной такъ изжио
Въ тълесный, радужный составъ.

Женчужина въ въщт творени!
Ты вся — любовь; всв дин твов — Кругомъ извитыл ступени Высокой лъствицы любви.
Антя: ты пьешь святое чумство На персяхъ матери; оно Тобой въ глубокое искуство Нъжнъйшихъ ласкъ облечено.
Ты — дъва юная: любовью, Быть можетъ, новой ты полна; Ты шепчешь имя изголовью, Забывъ другія имена, Таншь восторгъ и тайно плачешь, Отъ свъта зоркаго въ груди

Описный пликов робко прачень И инстение сердну: «погоди!» Сущем ты; священных вырокъ Так отога сика выпедена: Так операта: ты — возн! Вереда инсека предой и братій Вереда инсека предой и братій Вереда прота полицика объятій Вередамента помуседа; Тебе допо его полить.

Menor a papera es mas gente,

Bro act papera guara.

Bro acrom paramete.

N acro — su une asperentano

Mer apremento espare acietà:

Nere apre vala se object unarrana

Venepe, sure se mete desaperemento.

Menore se une unarionarios.

Menore se une unarionarios.

Nerese se estat unarionarios.

Nerese se estat unarionarios.

Nerese se estat unarionarion.

Me of ming fames of themselves Me were measurement thinks Me fames measurement thinks Message as make a meteorome дремлютъ только двое: ная, да ты!

ій для волненій, й, среди рожденій, ратій и свою благословеній жденныхъ подаю.

CTHIL

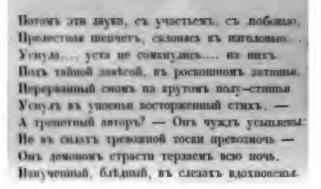
Has a more recommendates objected the second of the companies of the compa

Врененнова в бленета гревита в звенита, в свенета ребение гремушкой сховучій, в сомнов зуму надеждом винучей в сорона воссинска страстей пламенита. п стемя стручев не гердечним в ничбамъ время стручев не гердечним в ничбамъ. То крѣпкою мыслью, какъ грудыо, впередъ Онъ къ гордому мужу на встрѣчу идетъ и смѣлою думой на думы отвѣтитъ, то грустно звуча о протекшемъ: «увы!» и къ старцу влетѣвъ, на мгновенье освѣтитъ предсмертныя грезы сѣдой головы.

F

О тайнахъ-ли сердца волшебно звучить онъ? — Весь пронять любовью и нѣгой напитанъ, Онъ смотритъ изъ книги, съ листка своего, Красавицѣ въ очи.... помыслить чуть смѣю.... Онъ въ спальнѣ одинъ, безъ свидѣтелей, съ нею— И дѣва глотаетъ глазами его.

П воть — на уста свътлоокой царицы Спихъ огненный принятъ съ бездупной страницы; Опъ ею прочитанъ, и вновь, и опять, И сердце въ ней бъется съ устроеннымъ стукомъ, И снова живымъ, гармоническимъ звукамъ Дозволено эти уста цъловать. Когда все кругомъ и спокойно, и глухо, Тотъ стихъ ей и грудь и уста шевелитъ, И крадется змъемъ къ святилищу слуха, Гдъ локонъ ея, развиваясь, дрожитъ.

Стих выравнимй съ кровно изъ жизни пѣвца! Ты восоло рыщени на поприщѣ свѣта. Цлаженное чадо страдальца-поэта! Творенье! Зачто ты счастливѣй творца?

Страннись! Помираемый ревностью къ дѣвѣ Повтъ занегодуетъ, и въ творческомъ гнѣвѣ Тебя разразитъ безпощадной рукой, Тебя онъ осудитъ на казнъ и на муки, Онъ громъ твой разсыплетъ на мелкіе звуки И ихъ онъ развѣетъ въ пустынѣ глухой.

Изтъ, дътище сердца, не бойся угровы: Руки на тебя не подниметъ пъвецъ;

_ 33 _

Пускай на тебя только сыплются розы — Онъ бодро износить терновый вёнецъ, Предъ рокомъ не склонить главы злополучной — Ты только будь счастливъ, о стихъ громозвучный! Готовъ онъ погибнуть — ты только живи, Адши его въстникъ, глашатай любви!

2

Чу! Съ двора стучится въ ставии: Узнаю богатъра.
Здравствуй, другъ, пріятель давній! Здравствуй, чадо Декабра! Дынъ изъ трубъ ползетъ ліниво; Сийгъ подъ полозонъ визжитъ; Солице блідное спісиво Сивовь туманъ на міръ глядитъ.

Я люблю сей благодатный Острый холодъ зимнихъ двей. Сани мчатся. Кучеръ статный, Окрыливъ лихихъ коней, Бодръ и красенъ; кровь играетъ, И окладисто-горда Серебрится и сверкаетъ Въ спежныхъ искрахъ борода. **А** лошадки? Сколько прыти! Анть въ нозаряхъ, въ ногахъ мятель! А она-то? — Посмотрите: Какъ мила теперь Адель! Сколько блеску хладъ ей придалъ! Аруги! Это ужь не тотъ Бледно-мраморный вашъ идолъ: Въ этомъ ликъ жизнь цвътетъ; Ченовъ трепетомъ и дрожью Общенъ завътный жаръ, И изъ устъ, дышавшихъ ложью, Бьеть теперь — чистъйшій паръ; Грудь въ движеніи волнистомъ; Наги полное плечо, Кроясь въ соболь пушистомъ, Шевелится горячо; Світозарною денницей Блещутъ, искрятся, глаза; Противъ вътра, по ръсницъ Такъ и катится слеза.

Кто-жь сей мраморъ на досугъ Оживилъ? — Таковъ вопросъ.

Это онъ — от леститесь, други — Это онъ — стлой морось! Жадно лили онъ пиплеть, И въ лицо, нь замтик ихъ, сыплеть Плике сейжихъ, альсъ розъ. Лишь его гигингской мочи Это гибельные очи Улалось произть до следъ.

Р В К И.

Мгриво поверхность земли разсѣкая, Вонуясь и пѣнясь, кипя и сверкая, Хрустальныя рѣки текуть въ океанъ, Бѣгуть, низпадають по склону земному Въ бездонную пасть къ великану сѣдому И вхъ поглощаетъ сѣдой великанъ.

О, какъ разновиденъ ихъ бѣгъ своенравный! Та ичится угрюмо подъ тѣнью дубравной, А эта — широкой жемчужной стѣной Отважно слетѣла съ гранитной стремнины И стелется легкой, веселой волной, Какъ свѣтлая лента, по персямъ долины.

Адаса бурный потокъ, весь — аншь піна в пряз. Дражить и кадуваеть хребеть серебристый, Упорствуеть въ схваткі съ оградой креминстой И мучится скатый въ крутыхъ берегахъ. Тамъ річка, безъ битвы напрасной и трудові, Преграды обходить покорной дугой, И чистаго поля коверъ изумрудний, Різадсь, обгибаетъ адмазной каймой, И дальше — спавойно, струено безмоляной, Втекля въ многоводный, шумливый потокъ: Ввыграль иноговодный, въ строптивыя волны Взаль канди той річки и въ море повлёкъ.

Такъ кататся рвин, и въ дольнемъ стремленьи Не общій удъль имъ природою данъ; Но тамъ — ихъ смыклетъ одно назначенье: Пхъ влагу пріемлетъ одниъ окелиъ.

Тимъ мататся жизим извивы и волны; Необщая доля твореньямъ дана: Та — временной силы, тъ — немощи полны, — Но дальше — свизуетъ ихъ въчность одна.

И что жь? — Окоанъ пспараеть могучій Ту вінгу, что взяль онъ оть высидихся рекъ,

- 39 -

дождемъ опровинувъ изъ тучи опять возвращаетъ ей бъгъ. —

жизни земной волнотечность, небеснымъ путемъ, защаетъ бездонная въчность имъ паромъ и жизни дождемъ.

SEMBAS TЫ.

О пътъ, нельзя назвать небесной Сей ощутимой красоты И этой предсети тълесной: Красавица! Земная ты.

Такь чтожь? Лишь въ юности начальной Мы ищемъ дівы идеальной; Какъ беллакатный, візчный день Намъ блещуть дівственныя очи. Но візчно день, да день.... ність мочи! Н въ самый день давай наурь тізнь! Мы диемъ хотимъ хоть каплю ночи.

Зечная ты.... По кто пойметъ Небесъ далекихъ гласъ призывный,

Когда хоть лучь одинъ блеснеть Твоей вещественности дивной? Земная ты... Но небеса Творить сама твоя краса: Ея вседвижущая спла Свои ворочаеть свётила; Твоя взволнованная грудь Въ себё хранить свой млечный путь; И соразмёривъ всё движенья Покорныхъ спутниковъ своихъ, Вокругъ себя ты водишь ихъ По всёмъ законамъ тяготёнья.

Земная ты.... Но небосклонъ
Единымъ солицемъ озаренъ
И то лишь диёмъ; — а въ лонѣ ночи
Ты, къ изумленью естества,
Едва откроешь ясны очи —
Сейчасъ восиламеняешь два,
И ихъ сіяньемъ превосходишь
Сіянье неба во сто кратъ,
И ихъ съ восхода на закатъ
Въ одно мгновенье переводишь.
Блаженъ, кто видитъ сихъ денницъ,
Любовью вспыхнувшихъ, явленье
И ихъ закатное томленье
Подъ шелкомъ спущенныхъ рѣсницъ,

Когда ланиты пламеніють,
Уста дрожащія ніжімоть,
И въ дерзкой прихоти своей,
Лобзая розы и лилен,
Текуть на грудь, віясь виругь шеп,
Струи разсыпанныхъ кудрей
И косъ распущенныя зити.

тостъ.

Даши рдъютъ словно розы, въ развалъ ихъ вновь и вновь дервный сокъ его и кровь. Эти чаши днесь воздымсит, всклонивъ къ устамъ края, въ честь и славу бытія, Общей жизни въ честь и славу, в ея всесвътный тринъ н всемірную державу — Поглотияъ струю кроваву до осущки въ чашахъ жопъ послотияъ струю крова послотияъ струю крова послотия послоти

Жизнь.... Она средь прозы чинной Увядала-бы, какъ злакъ, И была-бъ суха, пустынна
Безъ поэзін: н такъ —
Сей фіаль за Музъ прекрасныхъ,
За богинь сихъ сладко-гласныхъ,
За возвышенныхъ пъвщовъ —
Сихъ нзащнаго жрецовъ,
За присяжниковъ нскуства —
Этихъ мучениковъ чувства,
Показавшихъ на землѣ
Свѣтъ небесный въ дольней мглъ,
Бронзу въ нѣгъ, мраморъ въ мукахъ,
Умъ въ аккордахъ, сердце въ звукахъ,
Бога въ краскахъ, міръ въ огнѣ,
Жизнь и смерть — на полотнѣ.

Жизнь! Сіяй! — Твой свѣточъ — разумъ. Да не меркнетъ надъ тобой Свѣтъ сей, вставленный алмазомъ Въ перстень вѣчности самой. Вѣнчанъ лавромъ или миртомъ, На подобіе сихъ чашъ Буди налитъ черепъ нашъ Сокомъ думъ и мысли спиртомъ! Да на весь подлунный кругъ И на сѣверъ и на югъ,

Презъвъта и поколънъя, Свътить солнце просвъщенья презъвъздіе наукъ!

Аруги! Что же свыть безъ тыни? **День безъ вечера?** — И такъ: Да не будеть изгнанъ иракъ Сердцу милыхъ заблужденій! **Фа живетъ**, волнуя кровь, И безумная любовь! **Пьемъ — за милыхъ — въстинцъ рал**, За красы ихъ, начиная Съ полныхъ мрака и лучей Зажигательныхъ очей. Томныхъ, нѣжныхъ и упорныхъ, Цвътомъ — всячески цвътныхъ: Стрыхъ, карихъ, адски-чёрныхъ И небесно-голубыхъ! За здоровье устъ румяныхъ, Устъ малиновыхъ, багряныхъ — Этихъ движущихся струй, Гав дыханье пламенветь, Рачь дрожить, улыбка млаеть, Замираетъ поцълуй! Въ честь кудрей благоуханныхъ, Легкихъ, дымчатыхъ, туманныхъ,

Characteristic contacts.

Co are controlled annual, co annual, co

alter and a second of the second of the second

В миссиму жизм вамей,

и миссиму жизм вамей,

как быль мать жизм верый стоит,

Сих богим огносормочных,

как вось мірт мам'в проведента

фресь саятымо порсой жлечных,

кольбем и пелону,

ва чувстві момых совершенства

вий разифов'я и грамить,

Этихь горину, сихь тиграну,

Расточительница бликонства

Въ честь родимой стороны —

Сей страны, что съ горизонта Встанувъ глыбою крутой От помрныхъ льдовъ до Понта Мость Ринея золотой, Кагъ слезу любви изъ ока, Кать холодный поть съ чела, Пзъ Тверской земли широко Волу въ Каспій пролила! Безь усилій въ пол-обхвата у нея заключено Все, что Господомъ дано Съ Финскихъ скалъ до Арарата. Чудный край! Черезъ Алтай Бросивъ локоть на Китай, Темя вспрыснувъ Океаномъ, Въ Балтъ ребромъ, плечомъ въ Атлантъ, Въ полюсъ абомъ, пятой къ Балканамъ — Мошный тянется гигантъ.

Русь, — живи! — Въ тѣни лавровой Да паритъ ея орёлъ! Да цвѣтетъ ея престолъ! Да стоитъ ея штыковый Перекрестный частоколъ! Да сыны ея родные Идутъ, грудью противъ вла,

На отрадина дъла И на подвиги благіе!

Но чтобъ тость нашть нь игру сталь Асвятнаднаго въла — Человъи 1 — сей фіалъ Пьемъ во здравье человъка! За живущихъ и вдали! За здоровье всей земли --Всей, съ Камчатки аьдяно-рёброй, Отъ отчаянныхъ красвъ До бреговъ Надежды Доброй И Счастливыхъ острововъ, — Съ местъ, где вздернутъ носъ Чукотской, Съ губъ, мысовъ земли Охотской До Индейскихъ губъ, мысовъ И невъдомыхъ носовъ, -Отъ долинъ глубоко-тёмныхъ До высотъ, гдв горъ огромныхъ Въ снъжныхъ шапкахъ блещутъ лбы, Гав взнесли свои верхушки Выше тучъ — земли-старушки Допотопные горбы, Лави стылыя громады — Огненетные спиряды Вужвинческой нальбы.

- 49 -

Да, стара земля: ужь дети Этой матери людей Слишкомъ семьдесять стольтій Горе мыкаютъ на ней. А она? — ей горя мало: Нынъ также, какъ бывало, Мчится въ пляскъ круговой Въ паръ съ върною луной, Мчитъ съ собой судьбы, законы, Царства, скипетры и троны На оси своей крутитъ И вкругъ солнда ихъ вертитъ, — Въ стройной пляске не споткнется, — И въ круженым не прольется И не станетъ къ верху дномъ Ни одинъ бокалъ съ виномъ.

Вознесемъ-же въ полноть мы
Сей зачашный нашъ привътъ
Въ славу солнечной системы,
Въ честь и солнца, и планетъ,
И дружинъ огнекрылатыхъ,
Длиннохвостыхъ, бородатыхъ,
Ужь нестрашныхъ намъ кометъ,
Всъхъ свътилъ, всъхъ массъ небесныхъ,
Въ честь и жителей безвъстныхъ
Свътоносныхъ сихъ шаровъ, —

Пьень нь сей часъ блисосиненный За доровье исей иселенией,

До прельзова, стр созвыть Петро сменот в быть повысалья Свять вычного зара, Стрыть тей отнь всетрика, Вудто постры на зали периой, Стр танцують вся пери,

Намъ неслишнымъ внемли времеъ, Гле роскошнымъ белымъ шарчомъ Влиое, небу черват грудь, Церекимуть жисчими путь, Глв последней искрой своды Замкнуть дивный сей-мертогь, Гів шкусть вся природа, Гля вледычествуеть Богъ — Жизнеделецъ, съфтолориенть. Тученосець, громоворжець, Кто призваль насъ нь этогь меръ На великій жизим виръ, И въ дъихъ себя просмикъ II торжественно поставиль Нать землей, какъ нать столожь, Чашу неба къ верху дномъ.

порывъ.

Какъ въ кованой клетке дубравная птица, Все жажду я въ узахъ свободнаго дня. Напрасно мне блещутъ приветныя лица И добрые люди ласкаютъ меня: Мне тяжко встречаться съ улыбкою ясной; Грущу я, на міръ суетливый смотря. Нетъ, милые люди, напрасно, напрасно Хотите вы сделать ручнымъ дикаря! Вы сами видали, какъ странно и тщетно, Стараясь быть весель, притворствовалъ я, Кэкъ въ обществе чинномъ и стройномъ заметна Глухая, лесная природа моя. Природа была мне въ притворстве уликой: Впиваясь въ ея вековую красу,

Я раст на раздани Карелія динії.
Нада оперона пучнання, на препучня дісу Со чной на разстання, дереная родина!
Я памно, на штути пропазання пораз Кака следа натишем у шта сполячия
Жаната пичнена иза пода темной пори, — Кака на шта зримо піттичні кивали, Дора чной постадній, прошаданняй принти». — Кога пота чнії пати по пітру пертали.
«Кула та угадния» — Така счасти піта. »

О, я разоряваль—бы печали завісу.
Минумпею живнью дохнуль—бы вполиі:—
Липь дайте жий ліку, дрежучаго ліку!
Отдайте жинь волю шировую жий,
Глі-бъ могь я по своему горе размыжить,
Объятья природі: свить развержуть,
И прездно-броданцю радзеть закливать
На часъ перекума яъ отвержую грудь!

ТУТЕВЫЯ ЗАМЪТКИ И ВПЕЧАТЛЪНІЯ.

(въ Крыму.)

1.

HA MOPS.

Ударилъ вѣтръ. Валы Евксина Шумятъ и блещутъ подо мной, И гордо вздулся парусъ мой На гордыхъ персяхъ исполина. Мой міръ, оторванъ отъ земли, Летитъ. Отъ берега вдали Теряетъ власть земная сила; Здѣсъ только небо шлетъ грозу; Кругомъ лишь небо, а внизу — Одна широкая могила.

И лена в, рездума волив,
Съ разначинстой качели полив —
Отъ пория мачты — къ небу очи
Приподавильть, и минлось мий:
Вадь зыбые пори забъды почи
Качались въ темпой вышиний;
Все небе ибрие колизалось,
И бенедининую доская
Перстъ Бенай зыблеть, мий казалось,
Міровъ несийтныхъ колибель, —
И тихо къ горизонту падалъ
Мей взоръ: тамъ валъ разгульный пряд:

2.

Близь береговъ.

Въ широкомъ пурпурѣ Авроры Восходитъ солице. Предо мной

И изъ за края корабля

И чина грудь приподнимала,

И изъ за края корабля

Съдыя кудри шевеля.

Тавриды радужныя горы Волшебной строются стыой. Плывемъ. Все ближе берегъ чудный II рядъ заоблачныхъ вершинъ — Все ближе. У кормы дельфинъ Волной играеть изумрудной И прыщеть искрами вокругь. Вотъ пристань! — Зноемъ дышитъ югъ.

Здъсь жарко-сладокъ воздухъ чистый, Огнемъ и нѣгой разведёнъ, И какъ напитокъ золотистый Изъ чаши неба пролить онъ. -Тамъ — въ раззолоченномъ уборъ Границъ незнающее море Съ небесной твердью сведено, А тутъ — къ брегамъ прижаться радо, И только именемъ черно Слилось лазурное оно Съ зеленымъ моремъ винограда. Къ громадамъ скалъ приникъ заливъ, И воды трепетныя мажнотъ, И рощи лавровъ отразивъ, Густыя водны зеленьютъ.

3

На южномъ верегу.

Природа здѣшняя свѣтла, Пышна, кудрява, лучезарна, Какъ прелесть женская - мила, И какъ прелестница — коварна; Полна красотъ со всъхъ сторонъ Блистаетъ и язвитъ — злодъйка; Въ руинахъ дремлетъ скорпіонъ; Въ роскошныхъ злакахъ вьется змѣйка; Въ зеленыхъ локонахъ кустовъ Шипы таятся, иглы скрыты, И между стеблями цвътовъ Пропущенъ стебель ядовитый. А знойный воздухъ сей, огнемъ Въ уста втекающій, какъ дава?... Невидимо разлита въ немъ Соблазна тайнаго отрава: Вдыхая въ грудь его струи, Я вспомниль сонъ моей любви — Тяжелый сонъ! — Зачъмъ любовью Здъсь дышитъ все? — Зайдетъ ли день:

Край неба весь нальется кровью, И соблазнительная тынь На холмы ляжеть; изъ за Понта, Округлена, раскалена, Возставъ, огромная луна Раздвинетъ обручъ горизонта, И выплыветь, и разомкнеть Свои прельстительныя очи.... Она, бывало, перечтетъ Мнъ всъ недоспанныя ночи, Напомнитъ старыя мечты, Страстей изломанныхъ картину И все, за что-бы отдаль ты, Скиталецъ, жизни половину. Какой томительный упрёкъ, Бывало, мит на сердце ляжетъ, Когда луна мнь томно скажеть: Страдай! Томись! Ты одинокъ.

4

Между скалъ.

Бълъло море млечной пъной. Татарскій конь по брегу мчалъ

Меня из обращанть отранивахсь оказть Межь Свиенсомъ и Люненой, И воть — онт передо мной Ужасной высятся преградой; На камит камень втворой; Ствии задвинута ствиой; Громада стиснута громадой; Скила задавлена скалой. Нагромоздивийлел глыбы Висять, спиралсь надъ челось, И дико брошены кругомъ Куски, обломки и отшибы; А время, ставъ на ихъ углы, Ихъ медленно грызетъ и рѣжетъ: Здесь слышенъ визгъ его пилы: Его зубовъ здъсь слышенъ скрежеть. Здась Богъ, когда живую власть Свою твореньемъ онъ прославиль, Хаоса дремлющаго часть На память смертному оставиль. Зілють челюсти громадъ; Ихъ ребра высунулись дико, A тамъ — подъ ними — вфиный афъ. Гдф мракъ — единственный владыко, — II въ этой тьмѣ радъ-радъ ѣздокъ. Коль чрезъ прорывъ между-утесный

Кой-гав мелькаеть светоносный Хоть скудный неба лоскутокъ. А между тымь растуть преграды, Все жиутся къ морю скалъ громады, И поперекъ путь узкій мой Вдругъ перехваченъ: нътъ дороги! Свернись, мой конь, ползи амъёй, Стели раскидистыя ноги, Иль въ камень ихъ воизай! - Илёть: Подковы даромъ не изтупитъ; Опасный встрытивь переходы, Онъ станетъ — окомъ поведеть — Подумаетъ — и переступитъ, — П по осколкамъ роковымъ, Въ скалахъ, чрезъ ихъ навистий куполъ. Копытомъ чуткимъ онъ своимъ Дорогу върную нащупалъ. Уже я скалы миноваль; Съ конемъ разумнымъ мы летели; Ревълъ Евксинъ, валы бълъли, И громъ надъ бездной рокоталъ.

Средь яркихъ прелестей созданья Взгрустнулось сердцу моему: Оно тамъ жаждетъ сочетанья; Тамъ тяжко, больно одному.

Но, путинка, екам спрою Въ сей прай обращить и стримины-Закрычть болешь па сольбон -Bries - more nound Bries do no numera! Dien convectassomers agrees. Оставь избранных дебан, Оставь выверением и дочть. Отъ серви сервие отпина! Съ съещениясь трецениях на пицицив By ced growth mips, we cell ground coders: Гранкала, бездин здроз узидины, Но истъ земли и небо истъ; Expressione specimene By rede separation of belower, II was toria arbes by even mor. То будуть тольно — Богь и па

5

MOTERN BY MARCHETT

в вину рому. Боной хранть глубоно.

Изъ моря зелени высоко
Кресть яркій выдвинуть; къ ствнамъ
Кусты прижались; рдѣютъ розы;
Подъ алтаремъ кипятъ, журча,
Неизслкающія слёзы
Животворящаго ключа.

Зблизи — могильный холмъ; два сумрачныя древа Надъ нимъ сплели таинственный покровъ:

Подъ тъмъ холмомъ почила дъва — Твоя, о юноша, любовь.

Звоей здѣсь милой прахъ. Въ цвѣтахъ ея могила.
Быть можетъ, стебли сихъ цвѣтовъ

Идутъ изъ сердца, гдѣ любовь Святыя корни сохранила.

Въ живыя чаши этихъ розъ,

Какъ въ ароматныя слезницы,

I на закатъ дня, и съ выходомъ денницы, Заря хоронитъ тайпу слёзъ.

Въ возглавьи стройный тополь выросъ И въ небо връзался стрълой,

Какъ мысль. А тамъ, какъ звучный клиросъ Великой храмины земной,

Заливъ въ одеждъ свътоносной

Гремитъ волною под-утёсной; Кадятъ дупистые цвѣты, —

І предъ часовнею съ лампадой у иконы,

Прината протить сей полони,

Прината на такта сей скорбной груда

Полината на такта сей скорбной груда

Полината на такта сей скорбной груда

Полината протить нобослать.

Инсто на глуши сей не общить

Твонка протить нобослать

Никто насяживой не обидять
Завитной горести твоей;
Никто холоднымъ утвиневьемъ
Мли бездушнымъ сожалемьемъ
Твоей тоски не оскорбитъ,
И ересъ мнижно участъя
На мастъ семъ не осквернитъ
Святыню гордиго несчастъя.
Здась слеяъ не прячь: тутъ нътъ люде
Одинъ вередъ лицемъ природы
Дай чувству весъ разгулъ свободы!
Унейся горестью своей!

Несчастливъ ты; — но знай: сульбою Иной безжалостиви убитъ,

- 63 -

П на печаль твою порою Съ невольной завистью глядить. Твою невъсту, въ цвътъ въка Схвативъ, отъ міра увлекли Объятья матери—земли, Но не объятья человъка. Ее ты съ миромъ уступилъ Священной области могилъ, Землъ ты предалъ перстъ земную: Стократъ несчастливъ, кто живую Подругу сердца схоронилъ, Когда, на въкъ отъ взоровъ скрыта, Она не въ грудь земли зарыта, А на землъ къ кому нибудь Случайно кинута на грудь.

6.

Домъ въ цвътахъ. — Алупка.

Въ рощахъ ненаглядныхъ Здъсь чертогъ предъ вами. Камень стала громадната Весь увить дивтали: По столбама кабатнога, По карвизанта пластея, Мранора общинають, Къ поволють имутся, Разстальное транию, Съедина всё праски, Расточнота запило

Есистренныя ласки. Ласки, павъ на камень. Пропадають даромъ: Изъ него жаръ-пламень Выбьень линь ударомъ. Такъ-то и на свътъ Межь людьии ведется: Предесть въ пышномъ цвътъ Часто къ камню жиется; HEETE, TO DCEXE MILITE. Наженъ къ истукану; Ластится лилея Къ пию или чурбану. Тутъ хоть камень глаже Щеголя причесанъ: Тамъ — посмотришь — даже Пень тотъ неотесанъ.

7.

OPIAHAA.

Прелесть и прелесть! Вглядитесь:

Сколько ея на земля! Шапку долой! Поклонитесь Этой чудесной скаль! Зеленью затканъ богатой Что за роскошный утесъ, Ставъ здъсь твердыней зубчатой, Пледи подъ небо занесъ! Но извините: съ почтеньемъ Сколько ни кланайтесь вы ---Онъ не воздастъ вамъ склоненьемъ Гордой своей головы — Нътъ! — но услужитъ вамъ втрое Пышнымъ въ подножье ковромъ, танью прохладной при знов, Водныхъ ключей серебромъ. Гордая стать — не обида: Пусть-же, при благости твёрдъ, Дивный утесъ твой, Таврида, Кажется смертному гордъ! T. II.

Вспините: средь заль блиговиных», Ве сейтё, надъ лосконъ половъ, Импе-нь пустых», безноклонимих», Вадернутых» из верху головъ? Тщетно-бы тёни и крова Еликий оте нихе туть искать; Блещуть, но блещуть сурово Влем инвыхъ этихъ скаль.

8.

Потоки.

Не ширіви, не глубіви
Кунта подине потоки.
Не ва те ит ит итлий рой
в'ёрення горист стілой. —
Н света вони на порожини.
Н преде вони на страниция.
В не весе за вышла в поред
в не верене вета в поред
В не весе на поред

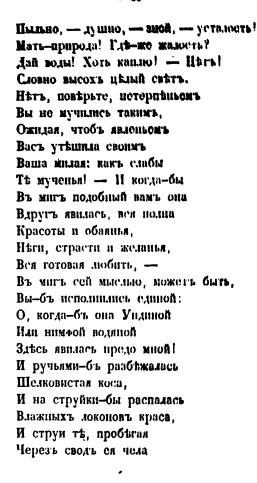
Смотришь: вотъ — земля вогнулась Въ глубину глухимъ котломъ, И растительность кругомъ Тусто, пышно развернулась. Чу! Ключи, ручьи кипятъ, --И потоковъ быстрыхъ змайки Сквозь подземныя лазейки Пробираются, шинятъ; Подъ кустарниковъ кудрями То скрываются въ тѣни, То блестящими снурами Межь зелеными коврами Передернуты они, И, открыты лишь частями, Шелковистый рѣжутъ доль, И жемчужными кистями Низвергаются въ котёль.

И порой съдыхъ утесовъ
Расплываются глаза,
И изъ щелей ихъ съ откосовъ
Брызжетъ хладная слеза;
По уступамъ въ перехватку,
Въ пересыпку, въ перекатку,
Слезы тъ бъгутъ. летятъ,
И спопами водопадъ,

То из припрамяту то из присилку, баста са раската на раската; бо высота изочувной витью, то удершая са помой прытью, то изоровой и из перезонть. Она клубами масчиой піны мільнета на велучая сереброма, та изовенье на белучая сереброма, та изовенье на белучая записть помота легита инерела, принета, отпрысками баста, то от прысками баста, себо на части раста.

Вамъ случелось-ще отъ жежды
Учирать, и инслесть каждый
Шопотанняго метия,
Принетанье мотелька,
Шумъ знаговъ своихъ тоскливыхъ
Принимать за шумъ въ извивахъ
Година иль ручейка?
Пъть воды! Нёть мёръ страданью;
Съ пересохшено гортанью,
Съ адекимъ планенемъ въ груди!

Словия воднато степла, И чрежь очи инападал, Howerm or it ure oven Оханиденных следь ручей, И потожъ див водимахъ тени Съ прива, съ люз, и кругамъ На окатистыя влечи Еб инверсиись, - и поточъ Съ плечъ, гдъ скрытъ огонь подъ сивгон Тап съ киждаго плеча, Сите тоть вдругь хрустальнымъ бёгомъ Покатился-бы, журча, Влагой чистаго ключа, -И къ объятіямъ отверзты Дий анасйныя руки Стали стибами ръки, Растенлись из фонтанахъ персты, — II — не съ жаркой глубиной, Но съ святымъ безстрастья хладомъ -Грудь разсыпалась каскадомъ И расклинулось волной! Какъ-бы и втинулъ отрадно Эти предости въ себа! Аштак-дава! Какъ-бы жално Вчить я выпиль всю тебя!

9.

O B B A J II.

Что за громъ? — То грозные обвалы. Тяготънья вервь напряжена Непрерывно тянеть съ верху скалы Въ глубь долинъ и валитъ ихъ опа. Вотъ и здёсь — кругомъ оне нависли И готовы, кажется, упасть. Я подъ ними: роковая власть Тяжести мои смущаетъ мысли. Можетъ быть, сдается мив, сейчасъ -Въ этотъ мигъ — сорвется этихъ массъ Надо мной висящая громада Съ грохотомъ и скрежетаньемъ ада, И моей вънчая жизни блажь Здёсь меня раздавить этоть кряжь, И почетъ соединивъ съ обидой Надо мной онъ станетъ пирамидой, Сложенной наъ каменныхъ пластовъ. Аншь желькиеть последнее мгновенье -

Въ тотъ-же мигъ и памятникъ готовъ. Въ тотъ-же мигъ и памятникъ готовъ. Похоронъ торжественныхъ расходы, Памятникъ — громаднъе, чъмъ своды Всъхъ гробницъ, — и залиъ громовъ, и трескъ Пѣвчій — вътръ, а •акелъ — солнца блескъ, Слезы — дождь, все, все на счетъ природы, Все отъ ней — и гдъ? въ какомъ краю? — За любовь къ ней страстную мою!

10.

Пещеры. Кизиль-Кова.

Гдѣ я? — Въ какой-то мглѣ сырой; Тяжелый сводъ надъ головой: Я въ мрачной области пещеръ, Которымъ нѣтъ числа и мѣръ; Съ семьею спутниковъ моихъ Погрязъ я въ пропастяхъ асмныхъ. Но вотъ — въ утробѣ мы земли Свон свѣтильники зажгли —

И озаренъ подземный домъ. Гляжу: сокровища кругомъ; Въ роскошныхъ формахъ сталактитъ Холодной накипью блестить; Тамъ въ тяжкихъ массахъ вывель онъ Рядъ фантастическихъ колонъ; Затсь облачный накинулъ сводъ: Тутъ пышнымъ пологомъ идётъ, И забранъ въ складкахъ надо мной Виситъ широкой бахрамой, И манитъ путника прилечь, Заботы жизни сбросить съ плечь, Явленья грустныя забыть, На камень голову склонить, На камень сердце опереть, И съ нимъ сліясь — окаменть.

То — узкій ходъ, то — цѣлый храмъ — П перлы, перлы по стѣнамъ. Волшебный блескъ! Вся глубина Алмазами окроплена: Коснитесь — влага! — Капли слезъ, Скажите, кто сюда занесъ? Не слезы—ль то жильцовъ земли Сюда съ лица ея втекли, Въ сердцахъ глубоко рождены И въ глубину изъ глубины Со всъхъ сторонъ проведены?

Идемъ впередъ — полземъ — скользимъ. Подземный ходъ неистопцимъ. Сводъ каждый, каждая ствна Хранитъ здъсь бывшихъ имена, И силой хищной ихъ руки Отъ стънъ отшибены куски; Рубцы и язвы сихъ громадъ Следъ ихъ грабительства хранятъ, -И сами собственной рукой Они здъсь чертятъ вензель свой, И въ сихъ чертахъ заповъдныхъ -Печать подземной славы ихъ. И кто забсь имя не вписалъ? И кто отъ этихъ чудныхъ скалъ Куска на память не отсткъ? Таковъ тщеславный человъкъ! Созданьемъ, деломъ ли благимъ, Иль разрушеньемъ роковымъ, Бъдой-ли свой означивъ путь, Чертой-ли слабой — чемъ нибудь -Онъ любитъ слъдъ оставить свой И на земль и подъ землёй.

11

Чатырдагъ.

Онъ здъсь! - Въ средину цъпи горной Вступиль, и давъ ему просторъ Вокругъ почтительно, покорно Раздвинулись громады горъ. Своимъ величьемъ имъ неравный, Онъ сталъ - одинъ, и въ небосклонъ Вперя свой взоръ полу-державный, Сановникъ горъ — изъ Крыма онъ, Какъ изъ роскошнаго чертога, Оставивъ міръ дремать въ пыли, Приподиялся — и въ царство Бога Пошелъ посланникомъ земли. Подъ исполинскими пятами Раскинувъ армію холмовъ, Повитъ широкими крыдами Орловъ парящихъ, онъ съ орлами Прошибъ затворы облаковъ, — Зеленый плащъ вкругъ плечъ расправилъ, И, выся темя на голо, Подъ громъ и молнію подставилъ

Сьое открытое чело,

11 тамъ — войнственный, могучій,
За Крымъ онъ ратуеть съ грозой,
Подъ миницы схватываеть тучи

11 блещеть свётлой головой.

П вотъ — а стою на холодной вершинъ. Все тихо, и глухо, и тёмно въ долинъ. Лежитъ подо мною во мракъ земля, А съ солицемъ давно перевъдался я: Мит первому лучъ его утренній выпалъ, И выказалъ пурпуръ и злато разсыпалъ.

Таврида — красавица вся предо мной. Стыдливо къ ней крадется лучъ золотой И гонитъ слегка ея сонъ чародъйный, Завъсу тумана, какъ пологъ кисейный, Отдернулъ, и перлы восточныя ей Ронастъ на пряди зеленыхъ кудрей.

Вадохнула — проснулась красавица міра, Свой станъ ополсала лентой Салгира, Циблами украсилась, грудь подняла И въ зеркало морл глядится: мила!

рекрасна! — Полна ей низпосланнымъ благомъ смотритъ невъстой, а мы съ Чатырдагомъ, ядимъ на нее изъ отчизны громовъ, держимъ надъ нею вънецъ облаковъ.

12.

Чатырдагскіе ледники.

Разомъ здѣсь изъ жаркой сферы
Въ рѣзкій холодъ я вошёлъ.
Здѣсь на днѣ полу-пещеры —
Снѣга вѣчнаго престолъ;
А надъ нимъ нѣмыя стѣны,
Плотно затканныя мхомъ,
Вѣчной стражею безъ смѣны
Возвышаются кругомъ.
Чрезъ отверзтый зѣвъ утёсовъ
Съ верху въ сей заклепъ земной
Робко входитъ свѣтъ дневной,
Будто-бъ онъ лишь для распросовъ:
Что творится подъ землёй? —
Посланъ твердью свѣтовой.

Пудто ринувинись съ разбъта
По стъпанъ на бездну сиъта,
Мохъ развълмен надъ ней
Пълой рошей нияходищей,
Опровинутою чащей
Питей, прадей и инстей.
Что нъ? До сердия-дъ здъть расколотъ
Чятырдатъ? — Сълзатъ-ди: вотъ
Это сердие — сиътъ и лёдъ?

Нять, осестрестный этогь колодъ Слержанъ Крынского горой Подъ наружной лишь корой. Но и адреь не безъ участья Къ вачъ природа, и безстрастья Въ исй закончениаго пътъ: Забоч на таккий стоиз нестастья In crowers band be orbite, Chouse approve forth base sovers, (in mammer currous supodosets. Ca bannara representa sarparenta, Butterk es name samereurs, nar geomore exercit en 1994(96) CHAPTERON IN HAPTHERY ATTEMPT Banda nama cuazera — ara, ótal — - CE - STYMENT AWAN CHEV P time e rectance visite expressions? Chicago de despeta y de compande de

Прохладить такъ человъчно Жгучій жаръ въ груди больной; Онъ дыханье ваше схватить И надъ этимъ ледникомъ Тихо, бережно покатитъ Пара дымчатымъ клубкомъ. Этотъ мохъ цвъсти не станетъ, — До цвътовъ ему куда? Да за то онъ и не вянетъ И не блекиетъ никогда.

А къ тому-жь въ иные годы
Здёсь, подъ солнечнымъ огнемъ,
Балъ Таврической природы
Слишкомъ жарокъ: чтобъ на немъ
Сладко грудь свёжилась ваша,
Здёсь мороженаго чаша
Для гостей принасена
И природой подана.
И запасъ другаго блага
Скрытъ здёсь — въ ребрахъ Чатырдага:
Тёхъ ключей, потоковъ, рѣкъ
Не отсюда-ль прыщетъ влага?
Ней во здравье, человѣкъ!
Въ этой грудѣ снёжныхъ складовъ
Лишь до времени тверда

Таха влокочущих насиаловъ
Серебристел руда;
Но тепло ее антронетъ,
Перетретъ между тасивиъ,
Умичитъ, и со стремнияъ
Подтолинетъ ее, уронитъ
В струнстую погенитъ
Въ облесть дремлющихъ доликъ.

13.

Коса. Древности Кирчи.

В видель: бережно, за рамой и стеклонъ
Храньшеь древности остатки дорогіе —
Венцы блестящіе, запястья золотыя
И вазы чудныя, стоящія кругомъ,
И все, что отдали курганы и гробницы —
Ачфоры пирныя, и кольца, и слезницы,
И все была свёжа ихъ древняя краса;
Но средь вёнцовъ и чашъ, въ богатомъ ихъ собр:
Влежы къ себѣ мое несытое вниманье

- 11 -

ь женской головы отнавшая коса, стойная любви восторговъ и стенаній, стая, черная, сплетенная въ три грани, ъ въчной тычы могиль изшедшая на свять вензиятая подъ тысячами автъ, жь тыхь, какь столько кось съ ихъ царственной красою кълось времени нещадною косою. етленный блескъ венцовъ меня не удивляль; е дивно было инв, что эти дівдимы рошли ряды въковъ, все въ цълости хранимы: ь нихъ рдело золото — прельстительный метадаві нъ время соблазнитъ, и въчность онъ подкупитъ --та ему удълъ безсмертія уступить; о — эта прядь волосъ.... уже-ли и она севластной прелестью надъ временемъ сильна -око вічности на этотъ даръ прекрасный лядьло издали — съ улыбкой сладострастпой? дъ-жь свътлые глаза той дивной голоны, ъ которой волосы остались намъ?... Увы! лаза.... они весь міръ, быть можетъ, сокрушали, иктаторовъ, царей и консуловъ смущали,)гни кровавыхъ войнъ вадувая и туша, лаза, гдъ было все: свътъ, жизнь, любовь, душа, ит лучь небесь сіяль, безспертье ликовило —), дайте, говорю, мит видеть ихъ привътъ! -I, мнится, вижу я, какъ выставилъ скелетъ la желтомъ черепѣ два страшные провола.

44

Проств.

Прости, волиебный край, прости!
На краткомъ жизненномъ пути
Елва-ль тебя я снова встрачу;
Да и зачамъг... Я не замачу
Н не найду въ теба тогда
Того, что нына видалъ — да!
Ты булень цвасть, ты вачно молодъ,
А мих — вторично не цвасти:
Тогда въ тебя я внесъ-бы холодъ...
Прости, волиебный прай, прости!

(Писано въ Одессъ.)

Легкій сумракъ. Сѣнь акацій. Берегь моря; плескъ волны, И съ лазурной вышины Свѣтъ лампады Музъ и Грацій — Упоительной луны.

Тамъ, чернъя надъ заливомъ, Мачтъ подъемлются лъса; На земль-жь — земли краса — Тополь ростомъ горделивымъ Изиъряетъ небеса.

Горячьй дыханья дівы, Межь землей и небомъ слать, Сладкій воздухъ; въ немъ дрожатъ Итальянскіе напівы; Въ немъ развіянъ аромать.

А луна? — Луна здесь грветь — Хочеть солнцемъ быть луна; Соблазнительно-пышна Нъжить грудь и чары дветь Блескомъ стадостнымъ она.

Злал ночь златаго юга!
Блещень лютой ты красой:
Ты смѣнила холодъ мой
Жаромъ страшнаго недуга —
Одиночества тоской.

Сердце, вспомнивъ сонъ завѣтный, Жаждетъ вновь — кого нибудь.... Тщетно! Нè о комъ вздохнуть! И любовью безпредметной Высоко взметалась грудь.

- 85 **-**

Прочь, томительная нѣга!
Тамъ — цѣлебный сѣверъ мой
Возвратитъ душѣ больной
Въ лонѣ вьюгъ, на глыбахъ снѣга,
Силу мысле и покой.

(Но выпращиний изв Крыма.)

Въ страва, гда всякия лучани
Живае бленуть мейсса.
Всть между мерешь и горани
Земли роскомной молоса.
Я тамъ бродиль, и думъ мерены
Невольно къ вамъ и устремляль,
Когда подъ давры и одины
Глану тревожную скленать.
Улик часто и, въ разгула ликомъ,
Мероно плавая въ мечталъ,
призывалъ безумнымъ кликомъ
в до иторно въ горахъ.

этеля функт стему, в сов С Фонтановъ сладостныхъ шумигь, Тамъ, гдъ гиганта-Чатырдага Глава надъ тучами паритъ, Тамъ, гдъ по яхонту энира Гуляютъ вольные орлы, Гдѣ путь себѣ хрусталь Салгира Прошибъ изъ мраморной скалы. — Тамъ, средь природы колоссальной, На высяхъ горъ, на ребрахъ скаль, Оставиль я мой следъ печальный П ваше имя начерталь, -II послѣ — изъ долинъ метались Мои глаза на высоты, Гдѣ много врѣзаны остались Тѣ драгоцѣнныя черты: Онъ въ лазури утопали, А я смотрѣлъ издалека. Какъ солнца тамъ лучи играли Или свивались облака.

Блеснетъ весна инаго года, И, можетъ быть, въ счастливый часъ, Тавриды свётлая природа Въ свои объятья приметъ васъ. Привычный къ высямъ и оврагамъ Надъ дольней бездной, въ свой черёдъ, Тапарсий попа надежных шагокт.
Выть на сблисть маний вописсёть —

И на побрате тё спринали,
Габ, промение свой удъть
И серано тойных печали,
Я выше них висчатать.
Быть жиметь — это начертавые —
Скалана жисй вифенный залогь —
Пробудить на васть воспоминаные
О томъ, кто васть вабыть не могъ....

Но я боюсь: тёхъ высей темя
Обавломъ въ бездну упадетъ,
Или завистливое время
Черты вавйтныя сотретъ,
Иль, кроя мракомъ сводъ лазура
И раздирая облака,
Изгладитъ ихъ ревнивой бура
Неотразимая рука, —
И не избёгну я забаенья,
И скрыта въ прахё разрушенья,
Мыйтной надписи лишась,
Инуми подъ вашими стопами
Инивиетъ неузнанная важи
Миним дужъ жомхъ объ васъ.

– # ~

Е. Н. Ш-вой.

при доставленін гербаріума Крымской флоры.)

Являясь къ вамъ изъ отдаленья, Обътъ мой выполнить сившу, И юга свътлаго растенья Я вамъ усердно приношу. Тамъ флора пышная предстала Мить въ блескъ дивной красоты; Я рвалъ цвъты — рука дрожала И ихъ застънчиво срывала: Я не привыкъ срывать цвъты. Они предъ вами, Гдъ-жъ привътный Чудесный запахъ южныхъ розъ? Увы! Безжизненный, безцвътный

Я только пракъ ихъ вамъ привёзъ:
Отрыть отъ почвы имъ смертеленъ,
П вотъ — ихъ влоры той даровъ
Линь вокъ остался свъть и зеленъ
Отъ Чатырлатскихъ лединяовъ —
За тъчъ, что съ нимъ не зналась иътъ;
Глй солица лучъ не лабъталъ
Отъ тамъ надъ бездной льдовъ и сиътъ
Утоскаъ ребра пелепалъ, —
Да моря течныя растепъя,

Какъ вживъ, странный образъ свой Хранатъ — за тъмъ, что съ дня рожденья Они средь влаги и волненья Знакомы съ мрачной глубиной.

ЕЩЕ ЧЕРНЫЯ.

О какъ быстра твоихъ очей Огнемъ напитанная влага! Въ нихъ все — и тысячи смертей И море жизненнаго блага. Они, одътыя черно, Горятъ во мракъ сей одежды; Сей трауръ имъ носить дано По тъхъ, которымъ суждено Отъ нихъ погибнуть безъ надежды. Быть можетъ—въ сумракъ земномъ Ихъ пламя для того явилось, Чтобъ небо звъздъ своихъ огнемъ Передъ землею не гордилось, — Или оттоль, гдъ звъздъ ряды

- 00 --

Крассите защее дучей браздами,
Кольн бельст две зайзды
И столи черовения зайздами
Ворой не пометеннями теми,
Смета столичност, сме,
Оминен тренестой излада,
Кыте не поличен спинене,
Выст не поличен сустами,
И учено помести помене.
И учено помести в поменет.

Посычнике въ гропов при имха
Порой въ нись серасве: оприжним
Дойным незами расимия.
Они на мусь изполние
М сискрике ужистве возимия.
Пла чороке сле ная ония
Въ всробъемирия исла.
М письким мусь щем ония
Въ всробъемириям исла.
М теме инимира изоновка.
М теме инимира изоновка.
М теме инимира изоновка.
М теме инимира изоновка.
М теме инимира полния.
М теме инимира изоновка.
М теме инимира сиси.
М теме инимира изоновка.
М теме инимира сиси.
М теме инимира изоновка.
М те

- 93 -

Проникнуть въ бездны огневыя,
Отдаться демонамъ во власть,
Истратить разомъ жизни силы,
Перекипъть, перегоръть,
Кончаясь, трепетать и млъть,
И, какъ въ бездонныхъ двъ могилы,
Все въ тъ глаза смотръть — смотръть.

THE PART OF THE PARTY

Provention Biginous no.

Legister and attacher and their indication, and analysis of the control of the co

Крючья и гибкія трости — орудія ловли — Возль покоились. Тутъ его юныя чада Одаль недвижно стояли и удили рыбу, Окомъ прилежнымъ следя въ созерцаныи глубокомъ Легкую дрожь поплавка и движение зыби. Зналъ я ихъ: вст они въ прежнее время, бывало, Съ высшимъ художествомъ знались, талантливы были, Въдали книжное дъло и всякую мудрость, -Бросили все — и забавы, и жизнь городскую, Утро и полдень и вечеръ проводятъ на ловать. Странное дъло! — помыслилъ я — что за причина? Только помыслилъ — челнокъ, погляжу, ужь отчалилъ, Влажнымъ лобзаньемъ цълуются съ озеромъ вёсла: Самъ я не въдаю, какъ въ челнокъ очутился. Стали на лкоръ; дали мнъ уду; закинулъ: Бичъ власяной расклесмулъ рябоватыя струйки, Грузъ побъжалъ въ глубину, поплавокъ закачался, Словно малютка въ люлькъ хрустальной; невольно Я заглядыся на влагу струистую: сверху Искры, а глубже — такъ мрачно, таинственно, чудно, Точно какъ въ очи красавицы смотришь, и взору Взоромъ любви глубина отвітчаетъ, скрывая Уды коварное жало въ загадочныхъ персяхъ. Вдругъ — задрожала рука — поплавокъ окунулся, Стукнуло сердце и замерло.... Выдернулъ: окунь! Бьется, трепещетъ на върномъ крючкъ, и, сверкая, Брызжетъ въ лицо мнъ студеными перлами влаги.

Спова закинуль... Уже солине двию закаталев, Льть потемивль, и витеплились Божьи дажнова — Выды побесных — довля еще продолжалов. — Вших в отным, — сказаль рыбакамъ я дюбезных — Врощу певърную двручи двау забуду — Погую иной темнокулрую милую двау, Вычь съ ней! скажу я, довольно страдаль и напрасти, — Или... быть чожотъ... еще остлется палежда: Удой ноей изложно я начениящы сердце, Кели она изъ отна его бросила въ воду.

- 57 -

маленькой жении.

Вмёсто куклы въ модномъ платьв, Жении, вотъ тебѣ занятье: Я принесъ мои стишки. Ждать—ли мнѣ за это ласки? Рада—ль ты? Горятъ—ли глазки? Шевелятся—ли ушки? Лепечи, нока малютка, Риемы легкія шутя! Скоро будешь институтка, Скоро выростешь, дитя, Разцвѣтешь, какъ цвѣтъ махровый, И къ тебѣ — не знаю кто — Ужь поэтъ напишетъ новый, И напишетъ ужь не то.

Ты селбаны на той постав.

Тайну пилун постави.

Исполни, Жении, на тех прета.

И чак буду старый крита.

Или можей селенью слубке

Буду чатти на пешей сарей:

Пи мобульчи — причалубьче

Хога посильный камень вой!

Пусто поси поста селена,

Жении развая слегна,

И приватияя рука

Вётну зелени уропить

На посилу старика!

могила любви.

Въ груди у юноши есть гибельный вулканъ.
Онъ пышетъ. Міръ любви подъ пламенемъ построен Потомъ — прошли года: Везувій успокоенъ,
И въ пеплѣ погребенъ сердечный Геркуланъ;
Подъ грудой лавы спятъ мечты, любовь и ревность;
Кипѣвшій жизнью міръ теперь — сѣдая древность. — И память наконецъ, какъ хладный рудокопъ,
Врываясь въ глубину, средь тѣхъ развалинъ бродит: Могилу шевелитъ, откапываетъ гробъ
И мумію любви нетлѣнную находитъ:
У мертвой на челѣ оттѣнки грезъ лежатъ;
Есть прелести еще въ чертахъ оцѣпенѣлыхъ;
Въ очахъ угаснувшихъ блестятъ
Остатки слезъ окаменѣлыхъ.

Изъ двухъ ванковъ, ей брошенныхъ въ удълъ Одинъ давно исчезъ, другой все свъжъ, какъ новый: Вънокъ изъ розъ давно изтлълъ, И лишь одинъ вънокъ терновый

На въчныхъ взвахъ уцъльль.

Вотще и ласки девъ и пламенныя песни Почившей товорять: возстань! изыдь! воскресни! Ее не оживять ни силы женскихъ чаръ, Ни взоръ прельстительный, ни устъ румяныхъ лепетъ

И электрическій ударъ Въ ней возбудитъ не огнь, не жаръ, А только судорожный трепетъ.

Кругомъ есть надписи; но тщетно хитрый умъ Покрывшую ихъ пыль сметаетъ и тревожитъ,

Напрасно ихъ грызетъ и гложетъ Жельзный зубъ голодныхъ думъ,

Когда и сердце ихъ прочесть уже не можетъ; — И факелъ уронивъ, и весь обхваченъ мглой, Кривляясь въ бъщенствъ предъ спящею богиней,

> Въ безсильи жалкомъ разумъ злой Кощунствуетъ надъ древнею святыней.

о если-бъ.

О, если-бъ зналъ я напередъ,
Когда мой смертный часъ придетъ,
И зналъ, что тихо, безъ терзанъя,
Я кончу путь существованъя —
Я жилъ-бы легче и смълъй,
Страдалъ и плакалъ веселъй,
Не столько-бъ жизнь мою злословилъ,
И постепенно-бы готовилъ
Я душу слабую къ концу,
Какъ дъву къ брачному вънцу, —
И каждый годъ, въ тотъ день извъстный,
Собравъ кружокъ знакомства тъсный
И пъня дружескій бокалъ,
Себъ я самъ-бы отправлялъ

- 202 -

Средо отрадной вечериная. Ва почета градущиго, плиники Чтобы поторые не выставлень Себя ин смерти попишть -We notestand rock, its some aspece Я свяль-бы всв свои втиги, Hambones are: non option, Мию либовь, пов стихи, Что и сенецір, на тоскій по видой (Hosern met, Bone, a noming #1), II, минить быть, еще-бы рать, Припоминии пару черныхъ глясь, Да зама нудри двим дольной, Ей бринуль римпою проправной. HOTON'S - BORNY IS BOTHER HORSONED! **М**, осмотрясь со всяхъ сторомъ, Въ последний разъ-бы въ Божьевъ въре Рисканилася на вей четыре, Окимуль вноромсь мебе симь, Родимен, дружимы, ин раздумые тихонъ Сиваль не пошинайте лихомъ! Глява соминуль-бы — и яминь!

НАПРАСНЫЯ ЖЕРТВЫ.

иныхъ мудрецовъ уроки затвердивъ,

Какъ вредны пламенныя страсти, усиліемъ я каждый ихъ порывъ ися покорить разсудка грозной власти; чтой сердечною вступая въ тяжкій споръ,

Я чувству шель наперекорь, кетъ быть, порой чистъйшее участыий, милыхъ мнъ, враждебно отвергаль,

И гдв меня искало счастье — Я самъ отъ счастья убъгалъ.

Разсудокъ хладный! — Долго, строго Я, не безъ горя, не безъ слезъ, Тебъ служилъ, и много, много Кровавыхъ жертвъ тебъ принесъ;

За жертвы трудныя, за горькія лишенья
Ты чёмъ мит заплатиль, холодный, жалкій умъ?
Зажегъ ли мит во тьмт светильникъ уттешенья
И много-ли мит даль отрадныхъ, светлыхъ думъ?
Я съ рокомъ бился: что-жъ?—Что вынесъ я изъ боя?
Я жизнь вверяль тебт — и не жилъ я вполит:

Зэ жизнь мою ты даль-ли мит Хотя безжизненность покоя? Нтть, — дни туманные мои Полны, при проблескахъ минутныхъ, Печальныхъ грезъ, видъній смутныхъ П бледныхъ призраковъ любви.

отвътъ

ца доставшійся автору въ шірь вопрось: какой цвытокь желаль—бы онь воспыть?

Есть цвётокъ: его на лирѣ Вѣчно-бъ славить я готовъ. Есть цвётокъ: онъ въ этомъ мірѣ Краше всёхъ другихъ цвётовъ. То цвѣтокъ не однолѣтній: Все милѣе, все привѣтнѣй Онъ растетъ изъ году въ годъ, И, плѣняя всю природу, По восьмнадцатому году Дивной прелестью цвѣтётъ. Поднимается онъ статио, Шейка гибкая бѣла,

A TANKE POTENTE.

II MATERIA DE COLTA POPULA.

II MATERIA DE COLTA POPULA.

II MATERIA DE COLTA POPULA.

IN CONTROL DE COLTA POPULA.

IN CONTROL DE CONTROL DE COLTA DE CONTROL DE CONTROL

THE WORKING WHILE VERMONE SHEMELT OF THE SHEME HOMEST : INSTITUTE - HOSEIGHEL - HE - SHEW TERMENOUTED И безпраний он не сышить Вурь, виничиния на чистной мил िसात्र कात्र दलस्तामसायि सर्वतालीः मध्यासस्य PLEETS HE ROMENTHOUS TRUES THE THE SMILLE BE OFF Tomore, servines seemant representation **Типа** рано прикосновеные — The court are designated and the court of Terms same exqua Санбый ишета она опина.... **B**o — cuspure sur nosar. Himmit proppose marinum.

Дышитъ силой чародъйной, Колдовствоить и ворожбой; Полный прелестей, онт разоить Сердце ядоить напоитъ, Отуманитъ бъдный разуить, И прельститъ, и улетитъ.

И масъ знаваль, когда мечтами Вамъ окрылялся каждый часъ, И жизнь велинебными цвѣтами, Шутя, закидывала васъ. О, въ тѣ лѣта вамъ было ясно, Что можно въ ечастье заглянуть, Что не вотще хелмитея грудь И сердце бъется не напрасно. Я былъ при васъ. Меня ничто Не вессимо; я терзался; Одинми вами любовался — И телько былъ терпимъ за то. Очами ясными встрѣчали Мое вы грустное чело. И вашихъ радостей число

На немъ — на сей живой скрижали — Зетучниъ взоромъ отмъчали.

Теперь, когда вы жизнь свою Сдружили съ горемъ и бъдами, Я, вамъ не чуждый, передъ вами, Какъ хладный памятникъ, стою. Я вамъ могу, какъ свитокъ пыльный, Напоминать былые дни: На мнѣ, какъ на плитѣ могильной, Глубоко врѣзаны они. Мнѣ жаль васъ видѣть въ этой долѣ: Васъ мучитъ явная тоска; — Но я полезенъ вамъ не болѣ, Какъ листъ бездушный дневника.

Мой жребій съ вашимъ все несходенъ. Донынъ дороги вы мнъ — Я вамъ для памяти лишь годенъ; Мы оба върны старинъ. Я, на плечахъ таская бремя Моей все грустной головы,

M. 4 misse schools mooth

ERLIANIE BUITH BARTEJEM'S.

, милые друзья, предъ этой дввой стройной цаемъ не быль я мечтою безпокойной, то въ очи ей зветичино взираль, эрзостный мой взоръ на грудь ея свлоняль, тась красотой сей выси блигодатной, рачной, трепетной, двухолиной, двуряскатной: эшный этотъ видъ и гордость на чель и мить тогда Діапу на землю. ть не понималь. Мить чуждъ быль и несроденъ, чувственный восторгъ. Отъ низкихъ думъ свободенъ,

вство світлое въ душів своей питаль; энникъ чистыхъ Музъ — желаньемъ не стараль, в кольцами вкругъ дівы обвиваться, вми летреба въ пухъ лебедя впиваться.... ! — Жрецъ изящнаго — я мыслиль: въ этотъ мигъ ему мнѣ звуковъ даръ, гремучій мой языкъ? ми—бы теперь, симъ видомъ упоснный, Я быль сынъ древности — ваятель вдохновенный, Блеснуль-бы въ этотъ мигь мнё Фидія вёнець, Лучъ яркій творчества во грудь мою проникнуль, «Вотъ перси дивныя!» — тогда-бы я воскликнуль, — «Подайте мраморъ мнё! Подайте мнё рёзецъ!»

И съ мраморной скалы я-бъ грубый черепъ скинулъ
И перси изъ нея торжественныя вынулъ
Во всей ихъ прелести; — казалось-бы, онѣ,
Скрывая страстный жаръ въ бездонной глубинѣ,
И вдругъ оцѣпенѣвъ подъ искусомъ желанья,
Наполнились волной мятежнаго дыханья,
И бурный вздохъ въ себѣ стараясь удержать,
Готовы — закипѣть, хотятъ — затрепетать, —
И все, что въ нихъ влекло-бъ къ земному обольщенью,
Разметанныхъ власовъ полу-завѣсивъ тѣнью,
Богини гордый ликъ я вывелъ-бы свѣтло,
И думу строгую ей бросилъ на чело,
Чтобъ смертный, подходя, вдругъ вспыхивалъ, какъ
пламень.

И, дерзкій, мнилъ обнять богоподобный камень, Но взоры возведя на свѣтоносный ликъ, Мгновенно-бъ головой преступною поникъ, Молитву произнесъ въ ограду отъ волненій И, блѣдный, преклонилъ дрожащія колѣни.

- 113 -

BUITS MORKETS.

Когда ты такъ мило лепечения и либличи Волшебное слово я жилио ловано: Оно мий такъ пово, такъ сервине, евкъ чудне! Не върить — мић страшно, и върить мић грудии Выть можеть, ты сердии савди може Один безпредметно-салым стремаеныя Я сжалясь надъ долей его запустыви, Подумала: «дай, я наполни его! OHE MAJE GIATE HE MUMETE, HE THREE CHEST THE THE Я буду питать его чувства порымы, Не боль, чыль прежде, в буду несчления, А онъ... онъ, быть можеть, и будеть стастанкь и И съ энгельской лаской, съ небесными привътомы Ко инт обратила ты дружеский вругь II въ сердиъ моемъ благодатно-сопретомъ Всь радости жизни воспресли съ така пидга

О сельно така — пред сумбы был умен.
Спинь а приметь добродется пригорсия.
Запуту неправды, постописть сип.
Прога поруже при опривление градина.
Белуминость комратия и балисть полетопи.
Не мая, пить сладить съ сумбой и подви.
В миль белоградно, а ты пить участья.
Веспредному пинуна данне счастья.

Съ редупниой улыбной сказали: возыве!

7. смели такъ — для меня ненавистенъ Едъ правды неспосной и такостныхъ истинъ, Съ которыми свътъ миѣ былъ мраченъ и пустъ, Когда я, бляженства проининутый дрожью, фо слупости счастливъ прелестиом можью Гамикъ обаяньемъ помазанныхъ устъ.

- 118 -

MOCKBA.

Близко.... Сердце встрепенулось;
Ближе.... ближе.... Вотъ видна!
Вотъ раскрылась, развернулась, —
Храмы блещутъ: вотъ она!
Такъ — она! — Давно-ль изъ пепла?
А взгляните: какова!
Встала, выросла, окрѣпла,
И по прежнему жива!
И кресты церквей далече,
Въ радость сердцу и очамъ,
Идутъ въ золотѣ на встрѣчу
Золотымъ небесъ лучамъ, —
И спокойный, величавый,
Бодрый сторожъ Русской славы —

Примен — в прасенть, и пенить, — Примень, знатовничника (Съюмина (Съюмина) свой вънкъ; Только съ бурей свой ролись — Глам Опить въ лучикъ поритъ И по весь свой индими спосъ Съ Большить пеосить пворить.

Городъ — досыта простору!
Городъ — есть на что взглануть!
Городъ — подъ гору, да въ гору!
Такъ и эдакъ повернуть!
Онь не въ вытяжку, не стройно,
Но широко, но спокойно
На молмахъ по-барски лёгъ,
Дилъ разгулъ своимъ палатамъ,
И разсыпался по скатамъ,
И разсыпался по скатамъ,
Много прожилъ онъ на свътъ,
Помиитъ предковъ времена,
И въ живомъ его привътъ
На разгиащку Русъ видиа.

Русъ... Блестацій въ чинножь стров Ей Петрополь — голова.

- 117 -

Ты ей — сердце ретивое, Благодатная Москва! Хладный, строгій, многодумный Онъ, воспитанникъ Петра, Полнъ заботою разумиой О стяжаніи добра. Онъ — питомецъ полуночи — Къ морю Финскому приникъ; У него Россіи очи, Слухъ, и дума, и языкъ. А она — Москва родная — Въ грудь Россіи залегла И въ себъ роднаго края Жилы жаркія сплела, И богата Русской кровью, И кипучею любовью Къ славъ Царской горяча, Исполиновъ коронуетъ, И трезвопить, и ликусть, Бьетъ по всемъ струнамъ съ плеча; Но когда ей угрожаетъ Силы вражеской напоръ, Аля себя сама слагаеть Славный жертвенный костёръ, И враговъ завидя знамя, Къ древней близкое стънъ,

Hosepresion so mann.
H aparters in orde.
H, man manner, mantas.
Has specialism orde.
Choos discusors marries.
Choos discusors marries.
Choos discusors propil usual

- 119 -

KIEBB.

Въ ризѣ святости и славы, Опоясанъ стариной, Старецъ-Кіевъ предо мной Возблисталъ золотоглавый. Здравствуй, старецъ величавый! Здравствуй, труженикъ святой!

Здравствуй, Дифпръ — поитель дивный Незабвенной старины! Чу! На звоить моей струны Сердце слышитъ илескъ отзывный Удалой, многоразливной Святославовской волны.

Здѣсь Владиміръ кругомъ тѣснымъ
Сыновей своихъ сомкнулъ,
И хоругви развернулъ,
И, нап полнъ небеснымъ,
Въ Д немъ крестнымъ,
Русь-младен пок

Днѣпръ — Перуна гробъ кровавый, Путь нашъ къ Грекамъ! Не въ тебѣ-лъ Русской силы колыбель?
Ты — истокъ родной державы, Водный поясъ нашей славы, Наша крестная купель.

Ты спѣшишь въ порывѣ смѣломъ, Краю сѣверному въ честь, О дѣлахъ его дать вѣсть Юга знойнаго предѣламъ, И молву о царствѣ бѣломъ ... Къ морю Черному принесть.

Божьей милостью обильный Кіевъ! Много тълъ святыхъ Въ глубинъ пещеръ твоихъ Полны жизни безмогильной,

- 121 -

И является Всесильный Въ чудотворной силв ихъ.

Процватай-же, чуждъ гордына, Помня были и молясы! Да въ вака перепосясь Не слабъетъ, какъ допына, Русской славы со святыней Небомъ скованная связь!

Есть чувство адское: оно вскипить въ крови — И вызвавъ демоновъ, вселитъ ихъ въ рай любви, Лобзанья отравитъ, оледенитъ объятья, Вздохъ нѣги превратитъ въ хрипящій вопль проклятья, Отниметъ все — и свѣтъ, и слезы у очей, Въ прельстительныхъ кудряхъ укажетъ свитыхъ змѣй, Въ улыбкѣ алыхъ устъ — геенны осклабленье И въ легкомъ шопотѣ — эхиднино шипѣнье.

Вотъ — вотъ прелестница! — Усмѣшка по устамъ Ползетъ, какъ свѣтлый червь по розовымъ листамъ. Она — съ другимъ — нѣжна! Увлажена рѣсница; — И наглый взоръ его сверкаетъ, какъ зарница,

естямь ея, - какъ молнія, скользить ямъ трепетнымъ, впивается, язвитъ, двамъ бархата стремительно струится жры адскія у ногъ ея дробится, жеть ей въ лице, то лижеть милый следъ. - руку подала!... Измѣнницы браслетъ нуль ей руки...: Ужь вотъ ея мизинца я этотъ девъ изъ моднаго звъринца --атой гривою! — Зачъмъ на ней надътъ тло-розовый мнѣ ненавистный цвѣтъ? нътъ-ли здъсь? Въ васъ тайныхъ знаковъ нътъ-ли. нныхъ кудрей предательныя пътли? , пряди черныхъ косъ, подернутыя иглой? , верви адскія, залитыя смолой, и демоновъ закрученные свитки, і колдовства, орудья візчной пытки?

Напрасно, дъва, бурю спратать
Въ мятежномъ сердцѣ хочешь ты
И тайну пламенной мечты
Молчаньемъ вѣчнымъ запечатать:
Завѣтныхъ думъ твоихъ въ тайникъ
Давно взоръ опытный проникъ.
Признайся: мучима любовью
И въ ночь безсонницей томясь,
Младую голову не разъ
Метала ты по изголовью;
Не зная, гдѣ ее склопить,
Ты въ страстномъ трепетѣ хотъла
Ее отъ огненнаго тѣла
Совстмъ отбросить, отдълить,

— 125 —

Себя отъ разума избавить И только сердце лишь оставить И только этимъ сердцемъ жить; Слеза съ рѣсницъ твоихъ срывалась, И ночь — наперсница любви — Въ глаза лазурные твои Своими черными впивалась, Гордяся темъ, что возрасло Подъ темными ея крылами Двумя лазурными звъздами Несмътныхъ звъздъ ея число. Едва уснувъ, ты пробуждалась, Румянца заревомъ горя — И ночь бледнела и пугалась, Ситша къ отлету: ей казалось, Что утра вспыхнула заря.

въ альбомы.

1.

(Написано на первой страницъ непочатаю еще альбома.)

Давно альбомъ уподобляютъ храму,
Куда текутъ поклонники толпой,
Едѣ есть просторъ мольбамъ и еиміаму,
Важженному усердною рукой,
Куда порой и хладное невѣрье
Вторгается въ обманчивой тиши....
Нѣтъ! Онъ не храмъ, — но, можетъ быть, преддверье
Къ завѣтной храминѣ души.

И первый я на чистыя ступени Таинственной обители вхожу.

- 127 -

этану здѣсь. Довольно, что моленій імшень я къ святому рубежу! слѣдъ за мной, по свѣтлому призванью, да придутъ съ обильной чувства данью перваго пришельца обойдутъ: бранники торжественно и прямо ойдутъ въ алтарь доступнаго имъ храма, ъ, можетъ быть, послѣдніе найдутъ іжайшій путь къ святынѣ сокровенной; кроется служенья стройный чинъ пины раздадутся: я одинъ паперти останусь, оглашенный!

2.

(А. А. И-ой.)

Въ разлукт съ ртавыми мечтами Давно часы я провожу, И затсъ — надъ свътлычи листами — Я съ течной думою сижу.

Что жизнь? я мыслю: листъ альбомный, Который небо намъ даетъ; Веть шръ — адинъ альбонъ огрония, Гда наждый вишиеть и уйдеть.

Блаженть, кто несть свою перину, Смой кресть, — и, поликий правоты, Внесть въ эту плантично книгу Одих бемгранивна черты.

Егинеть, кто, шиходя их гробинцу, На памать о своей судьбъ Безъ патенъ легкую стралицу Ужъгъ оставить по себъ.

Въ день оный книга разогнется И станутъ надписи судить.... При этой мысли сердце бъется; Я трепещу: миъ страшно жить.

И въ страхъ-бъ, съ тренетной душою Входиль и нынъ въ вашъ альбонъ, Когда-бъ и зналъ, что нало иною Вашъ гринетъ судъ и судный гронъ.

Зарант впалъ-бы я въ унылость.... Но — нътъ, — предчувствіе не лжетъ: За гръшный стихъ меня ждетъ милость, Меня прощенье ваше ждетъ.

- 129 -

3.

(Л. Е. Ф.)

Есть два альбома. Предъ толпою Всегда одинъ изъ нихъ открытъ, И всякъ обычною тропою Туда ползеть, идеть, летить. Толпа несетъ туда дъвицъ -Альбома свътлаго царицъ --Желаній нѣжные цвѣты, И лести розовой водицей Кропитъ альбомные листы. Тамъ есть мечты, стихи, напѣвы И всякій вздоръ.... Но есть другой Альбомъ у дъвы молодой: Альбомъ тотъ — сердце юной дізвы. Сперва онъ весь, какъ небо, чистъ; Вы въ немъ ни строчки не найдете; Не тронуть ни единый листъ Въ его багряномъ переплетъ.

Онъ — тайна вѣчная для насъ; Толна сей книжки не коснется: Для одного лишь въ нѣкій часъ Она украдкой развериется, — И счастливъ тотъ, кто вензель свой, Угодный ангелу-дѣвицѣ, Нарѣжетъ огиенной чертой На первой розовой страницѣ!

4.

(Е. Н. Ш-ой.)

Тонетъ въ сумракъ тумана Утра Божьяго краса. Тъни облачныя! Рано Вы мрачите небеса.

Рано, въ утренніе годы, Оградясь щитомъ мольбы, Ты ужь въдаешь невзгоды Испытующей судьбы, —

И младенческія руки,
Пробѣгая по струнамъ,
Рвутъ съ нихъ огненные звуки, —
И, вѣщательница, намъ
Въ этихъ звукахъ, въ ихъ раскатахъ,
Не успѣвъ еще разцвѣсть,
Ты приносишь объ утратахъ
Сокрушительную вѣсть.

Пой, півнца! — Путь твой тісенть, Но просторна жизни даль. Лейся въ звукахъ стройныхъ піссенть, Вдохновенная печаль! Даръ нетщетный, неслучайный, Данъ душть твоей: она Въ гармоническія тайны Отъ небесть посвящена, — И вкушая піссенть сладость Полныхъ грустію твоей, Позавидуєть имъ радость: Не півать такъ сладко ей!

Вѣрь: страданью срокъ наступитъ. Пой, лелѣй иебесиый даръ! Въръ: судьба сама некупитъ
Свой он очный ударъ.
Небо утре ю
Для того с тънъ,
Чтобъ изъ на
Вывесть л

Все блестить: цвѣты, кенкеты, И алмазъ, и бирюза, Люстры, звѣзды, эполеты, Серги, перстии и браслеты, Кудри, фразы и глаза. Все въ движеньи: воздухъ, люди, Ленты, блоиды, плечи, груди, И достойныя вѣнца Ножки съ тайнымъ ихъ обѣтомъ, И страстями и корсетомъ Изнуренныя сердца.

Бурей вальса утомленный Кругь, ръдъя постепенно,

Много блески своего
Ука утраталь. Срем ражира
Отпрукась за пороб пара
Отпрукась за пороб пара
Отпрукась за пороб пара
Отпрукась за пороб пара
Прих съ запазнито вънка.
Пъда съ жевчунной лъдина.
Осмин съ парскато вънка:
— Это — невра звъздъ падучить
Что пороб въ кругатъ легучитъ
Просъкая небеса,
Брызкутъ въ области земныя:
— Это — блестия отсыним
Переливчато—пвътныя
Съ отневато колеса.

Воть остались только пара,
Лишь она и оне. На ней
Бълый газъ — подобье пара;
Онъ — месь из черномъ — тучъ черной
Теній тьим и духъ эдена.
Минтса рівоть из облавахъ,
И Коперника система
Тормествуеть из ихъ глазахъ
Сченанно міръ вертатоя;
Вът правиветсь пруметов

Все въ предълахъ естества --Въчный вальсъ. — Свычки живъе Сыплють громъ; чета быстрее Въ новомъ блескъ торжества Вьется развыми кругами, И плотней свились крылами Два летучихъ существа. Тщетно хочеть чернокрылый Удержать полеть свой: силой Непонятною влекомъ, Какъ надъ бездной океана, Онъ летитъ въ слояхъ тумана Весь обхваченный огнемъ. Въ сферѣ радужнаго свѣта Сквозь хаосъ и огнь и дымъ Онъ несется, какъ планета, Съ яснымъ спутникомъ своимъ. Тщетно бълый херувимъ Ищетъ силы иль заклятій Разломить кольцо объятій: Грудь томится, рвется рачь, Мрутъ безплодныя усилья, Надъ огнемъ открытыхъ плечь Въютъ блондовыя крылья, Брызжетъ локоновъ рѣка, Въ персяхъ мѣста нѣтъ дыханью, Восполенная рука
Крінко ската вдекой дланью,
А другою — горячо
Анголь, нь ужаст паденья,
Держить демона круженья
Ва желізаное плочо.

- 137 -

KAKЪ XOPOIIIA!

Передъ нею умиленьемъ Свято теплилась душа, И, проникнутъ упосньемъ, Я шепталъ съ благогованьемъ: Боже мой! Кикъ короша!

Но чрезъ мигъ, предъ милымъ ликомъ Страстнымъ пламенемъ дыша, Задрожавъ въ восторгѣ дикомъ, Палъ я пицъ съ безумнымъ крикомъ; Чортъ возъми! Какъ хороша!

и тщетно все.

Казалось мить: довольно я томился. Довольно мить, сказалъ я, милыхъ птъть! Мой день любви на втки закатился— И — Богъ съ нимъ! Пусть! Чего о немъ жалъть?

Пришла пора степеннаго раздумья; Довольно мить струной любви бренчать И титуломъ торжественнымъ безумья Ребяческую глупость величать!

Завътныхъ ласкъ вовъкъ неудостоенъ, Я началъ жить безъ тайныхъ сердца смутъ, Безстрастно-твердъ, безрадостно-спокоенъ.... Что счастье? — Вздоръ! — Безъ счастія живутъ.

Я забываль минувшіл страданья, — И молодость отправя въ темну двль, ей сказаль: прости — не до свиданья! Ньгь, — мнь тебя, напрасная, не жаль.

Я оціннать и тишь уединенья, Отрадный сонть и благодатный трудть, В въ тайный часть слезами вдохновенья Я доливалть мой жизненный сосудть.

Безъ бурнаго, мучительнаго пылу Я созерцалъ всъ міра красоты, И тихую высматривалъ могилу, Вънокъ и кресть.... И вдругъ явилась ты!

Н долго я упорствоваль безмолвно, Предъ чувствами разсудка ставиль грань. И къ сердцу я взываль: ну, полно, полно! Не стыдно-ли? — Уймись-же! Перестань!

И холодомъ притворнаго безстрастья Я отвічаль вниманью твоему;

И пинетно вое в треше папо ер на У попада умете тата но всем И тиретно вое пода на каме незиврщи Луча върм татата и спаваналия бълга.

УЖИНЪ У КАРДИНАЛА РИШЕЛЬЕ.

мната въ гостинний на дорогв изъ Парижа въ Рюзль, гдв одится загородный донъ Кардинала-Министра. Въ камина веденъ огонь. Пожелой человвкъ сидитъ у ванина и просушитъ измокшую свою одежду. Это — Гоше, незначительный Паский ремесленникъ изъ улицы Сев-Дени. Отъ премени до ремени видны проблески молнів и слышны раскаты грома.

Гоше. (одина)

Какая буря! Чортъ возьми! Досадно! Вотъ и остановка! Вотъ такъ-то съ бѣдными людьми Всегда бываетъ: все неловко, Все не подъ стать, вездѣ бѣда. Самъ Богъ немилостивъ къ нимъ — да! Гдѣ нужно вёдро — плетъ имъ бурю. Знать не для бѣдныхъ созданъ свѣтъ!

(молил и громв)

Ишь — какъ блестить, грежить! — Да нъть!
Ужь в глаза себъ зажмурю
И уши наглухо затину,
А до Рюзля допырну,
Хоть въ море обратись дорога!
Чай, мулъ мой отдохнулъ немного
Теперь въ конюшить — свъжихъ силъ
Себъ подбавилъ. Въ самонъ дълъ
Къ чему-жь заранъ в унылъ?
Въдь къ сроку буду-жь я въ Рюзлъ!
(входить проъзжей въ мокрой одежедъ)

Незнакомецъ. (не видя Гош

Э! Время терпитъ. Отдохну Въ гостинницъ.

(подойдя къ камину и увидя Гоше)

Ахъ, извините!

Я думаль: я одинъ здъсь....

Го ш в.

Ну,
Такъ что-жь такое? — Стулъ берите,
И сядемъ вмъстъ у огня.
Въдь вы проъзжій здъсь, я — тоже.
Вы не помъха для меня.
Притомъ, я тотчасъ ъду....

Нъзнакомицъ.

Force!

Въ такую бурю?

(въ сторону)

Какъ онъ милъ И простъ и въжливъ въ обращень ф!

Гошв.

Что-жь ділать? Я-бы не спішнль, Когда-бъ не крайность. Приглашенье Такое важное! Вовікъ Не ожидаль.... да воть — поди-же! Да придвигайте стуль поближе!

Незнакомецъ (съ сторону)

Уже-ли знатный человъкъ? Въ немъ вовсе нътъ дворянской спъси. Я думалъ — онъ изъ нашей смъси Простонародной.

Гоше.

Я спѣшу Въ Рюэль, — и васъ сказать прошу: Куда вашъ путь?

HESHARONEUX.

Да и — туда-же —

Въ Рюмъ. Приточъ скажу ванъ даже — И и но праймости почти.

Гошк.

Такъ вотъ — наиз витетт-бъ по пути! Я — человтиъ неперемонный, — И если вы такъ блигоскионны....

НЕЗНАКОМЕЦЪ (СБ сторому) Когда-бъ онъ знагъ, кто я! (СБ служь)

Весьма

Пріятно ваше предложенье; Но — этой бури кутерьма Меня пугаеть. Приглашенье, Сказали вы, торошить вась. Меня-жь въ Рюэль влечеть приказъ. Я тороплюсь по тяжкой службъ, Которой силъ нъть выносить. А вы?... Могу-ли вась спросить?...

Гош Е.

Да какъ сказать-то вамъ? — По дружбѣ Недавней, новой для меня. Въ Рюэлъ, съ нынъшняго дня, Какимъ-то случаемъ, мит тёмнымъ, Попасть я долженъ въ знатный кругъ.

Незнакомецъ.

Позвольте.... Быть боюсь нескромнымъ Черезъ такой вопросъ.... Вашъ другъ.... Онъ кто такой?

Гошв.

Не бойтесь! — Тайны Тутъ нъту. Это такъ — случайно Все вышло. Переходъ мой быстръ.

Незнакомецъ.

Такъ кто-же?...

Гошв.

Кардиналъ-Министръ, Самъ Ришелье. Да.

Незнакомецъ (встаеть)

Извините!

А я такъ запросто.... т. п.

Гош в.

Силите!

Все вздоръ! Не лѣзть-же мнѣ въ Князья Иль Графы! — Выслушайте: я Мъщанъ лишь знаю — нашу братью, И не якшался въкъ со знатью. Куда митя? — Боже упаси! У Герцоговъ Монморанси Служили, правда, поварами Отецъ и дъдъ мой: вотъ вся связь Моя со знатными домами — И та злой казнью прервалась Надъ Герцогомъ. — Я просто — скудный Ремесленникъ Парижскій. Тутъ, Я говорю вамъ, случай чудный — И только. Вдругъ мив подаютъ Записку. Развернулъ: зовутъ Меня.... не знаю — видно нуженъ Я Кардиналу сталъ... на ужинъ Къ нему сегодня. Боже мой! Все закружилось въ околодкъ; Кричатъ, разинулись всѣ глотки: «Смотрите! Экой въдь какой Гоше — счастливецъ-то на свътъ!» Я одурћаъ. Жена и дъти Засуетились, и сейчасъ

Давай мит туалеть мой ладить, Скоблить и чистить, мыть и гладить; Все приготовили какъ разъ. Гляжу: ну просто — чародъйство! Вы понимаете? У васъ, Быть можеть, также есть семейство, Которое васъ любить, ждеть....

Незнакомецъ.

Жена и дъти есть.

Гош в.

Ну вотъ —
Какъ насъ судьба во всемъ сближаетъ!
Такъ ваше сердце понимаетъ,
Что чувствуетъ теперь мое!
Да, — быть кому Господь назначилъ
Отцемъ.... Позвольте — какъ я началъ
Разсказъ-то? — Да! Мой фракъ, бѣльё —
Все приготовлено, и стёкла
Очковъ протерты — ну взглянуть,
Такъ любо! — Снарядился въ путь —
И вотъ — извольте! — все промокло
Насквозь. Чай, бѣдная жена
И дочери теперь въ тревогѣ.
Но а не стану на дорогѣ —

Нѣтъ, я до цѣли доберусь, Хоть мокрой курицей явлюсь На приглащенье Кардинала Съ нимъ ужинать. Такая честь, Вы согласитесь, вѣдь не мало И пользы можетъ мнѣ принесть Существенной: мои дѣлишки Поправятся, теперь нужда И недостатки, — а тогда, Надѣюсь, будутъ и излишки. Тогда и ближнимъ услужу, Жену, дѣтей принаряжу; — Гордиться — право, я не буду, И васъ, повѣръте, не забуду При случаѣ.

(подаеть незнакомцу руку)

Коль у Двора Упрочу я себть мъстечко — Въ виду имъйте человъчка! Однако мить пора, пора! Прощайте! Продолжать бестару Мить больше некогда. Я тау.

(Гоше надъваеть на себя верхнюю одежду, береть шляпу, встряхивается и опривляется, а между тымь незнакомець разсуждаеть самь сь собою)

- 149 -

Незнакомецъ.

Мит жаль его. Какой добрякъ!

За что погибнетъ онъ? — Конечно —

За вздоръ! И какъ безчеловъчно

Смъются! — Ужинать бъднякъ

Готовится и ожидаетъ

Великихъ милостей; семья

Его съ восторгомъ провожаетъ

Въ дорогу.... Боже мой! И я

Быть долженъ гибельнымъ орудьемъ

Подобныхъ дълъ! И правосудьемъ

Зовутъ ихъ! — Нътъ, — не потерплю!

Нътъ! Я его остановлю.

(промко, къ уходящему Гоше) Послушайте! эй, воротитесь!

 Γ о ш в (остановясь въ дверяхъ \mathbf{Ho} я сп \mathbf{tiny} .

Незнакочецъ.

Не торошитесь! Два слова выслушайте!

Гош в (возвращаясь)

Васъ слушаю.

- 130 -

Незнакомецъ.

Душа мол

Полна невольнымъ къ вамъ участьемъ. Не думайте, что васъ за счастьемъ Зовутъ въ Ризль! Па ужинъ тамъ Людскою кровыю хабом мъсятъ. Туда онасно яхать вамъ.

Гоше.

Что-жь мив тамъ будеть?

Незнакомецъ.

Васъ — повъсять.

Гош в.

О, это саншкомъ ужь.... За что?

Незнакомецъ.

Да такъ. Быть можетъ и за то, Что вы Монморанси жалѣли Казненнаго.

Гош Е.

О, слова нътъ! Жалълъ. Въдь мой отецъ и дъдъ При кухнъ Герцоговъ имъл

- 151 -

Мѣста и должность, и всегда
Превозносили ихъ. О, да!
Какъ не жальть? Притомъ казнённый
Такой былъ добрый, благосклонный
Къ намъ-бѣднякамъ.

Незнакомецъ.

Быть ножеть, въ слухъ Вы сожальми, хоть невольно!

Гошв.

Да, помнится, — но лишь при двухъ Иль трехъ пріятеляхъ.

Незнакомецъ.

Довольно --

И даже слишкомъ.

Гошв.

Не уже-ль Изъ этаго весь случай вышель? Я говориль тайкомъ.

Незнакомецъ.

Онъ слышалъ.

- 132 -

lour.

Издалека....

Незнакомецъ. Дошло въ Рюзль.

Гошк.

Помыуйте! Відь каждый дышить, Вадыхаеть....

> Незнакомецъ. Кардиналъ все слышитъ.

> > Гошв.

Да развъ страшенъ я ему?
Что мой ему ничтожный говоръ?
Я говорилъ лишь потому,
Что мой отецъ — любимый поваръ
Былъ Герцога. Поплакалъ я,
Ручей изъ глазъ невольно вытекъ.
А то миъ что? — Я не политикъ
И дълъ ихъ хитрыхъ не судья.
Что миъ политика? Да рухни
Она совсъмъ!

Незнакомецъ. А иногда

У Кардинала не чужда
Она ни поваровъ, ни кухни.
Онъ зорко смотритъ и туда,
И тамъ все чуетъ, слышитъ, видитъ.
Вы плакали: онъ ненавидитъ
И смъхъ, и слезы. Ни того,
Ни этаго, и ничего —
Не нужно.

Гошв.

Знаете его, Какъ видно, вы весьма подробно.

Незнакомецъ.

Да. Мит разсматривать удобно Его съ изрядной высоты При зрълищахъ его любимыхъ. Его трудовъ неутомимыхъ Я вникнулъ въ красныя черты.

Гош в.

Но кто-жь вы? Мит понять васъ грудио. Все это странно мит и чудно. Я столько вижу тутъ задачъ Мудреныхъ. Боже мой! — Откройтесь! Скажите: кто вы?

- 151 -

HESSIATONERS.

H - BALLEYS.

(Гощо т ужист отступаеть)

Ингь, это шичего, не бойтесь. В откроионность вышу в Вимъ жиличу топорь спосто. Авистингельно, сульба меня Сближноть съ вими. Я импо. Кака вы, признаше на Рюза. Вь одих и туже четя цель, Оть общей бури мы укрылись Въ одной гостиница, — и вотъ — Мы адысь сощинсь, разговоримсь, **И** — сердце сердцу вветь даетъ. Скажу, откинувь лицемврье, Мив кажотся, я вамъ довврье Къ собъ внушнав, и вы мив то-жь. При порвомъ вагляда узнаешь Инаго, и готовъ до гроба Вму служить. Семейны оба Мы съ вами, счастливы въ семьяхъ, И нь нобольших живемъ кругахъ — Въ простонародън, — но со знатью Подъ-часъ знакомять нашу братью. Воть вы на ужинъ собрались Баестящій, гдв межь господами

Сильть предполагали сами; Но — вы мечтено увлеклись, И были-бъ жертвой выродометва; Мон-жь со знатными знакометва Навъстны всемъ. Крованый путь Назначенъ мић судьбой моею: Предъ ними всв сгиблють шею -атунт иош ачин ачин жизжоло, аж-В Монян рабскими руками. Мы оба съ челядью въ смфен: Отецъ и дъдъ нашъ понарами У Герцоговъ Монморанси Служили; самъ и былъ въ работв При Герцогв, на эшафотв Ему служа въ последній разъ. Теперь въ Рюздь - вы исе сравните -Вы быть повышеннымъ симните; Туда-жь я призванъ вѣшать висъ. Но - патъ! Я лучие свиъ въ удинку Пойду! Ужь я давно хотъль Проситься въ чистую отстивну Отъ множества нечистыхъ двлъ. Злолбевъ истинилкъ не мило: Пусть ихъ-бы!... Обществу служить Въдь надо-жь чъмъ нибудь - и жить Съ семействомъ; но у Кирдинали

- 104 -

Таки прихоти пород,
Что а не въ силиъ... Отъ перод
Считаетъ это!... Подажайте
Сморий въ Паршех — из обративой путь,
А такъ и дальне выть инбуль.
И инсому но отпрывайте,
Что заме вы виделись со поод,
Ни дамо исправисту другу. —
Нас а погобну за услугу.
Калонтъ-паличь.

Готв.

(съ чувствоми поменмая вму руку) Списитель мой!

пистышно упплиется

ДВА КЛАДА.

Старый Янъ имълъ два клада Недоступныхъ никому, И одна была отрада Въ нихъ на старости ему.

Первый кладъ, что рыцарь въ латахъ, Былъ — окованный сундукъ, Гдъ чистъйшее въ дукатахъ Береглось отъ хищныхъ рукъ.

Кладъ второй была младая Свътлоликая жена, Чистотою — ангелъ рая, Обольщеньемъ — сатана.

- 138 -

Дво Голяондскіе алили — Гладин, гладин — у! — білді Грудь — епреорован вапа: Зубы — перли въ дво ридь.

II ціна таків бакта, ІІ не відан утрать, Посветить нев старалі серина Хилькъ дней своихъ знатъ.

Заберется-да на канджуво — Она причета вст прста, Пыда глотаетъ золотую, Золотитъ свои уста.

Все сочтеть, — сундукь закілный Закр'янить тройналь занивить, Водрожить — и, неправілный, Ускользаеть вонь тайнонгь.

Unit empressio assum the event cooch asperts, therebyers, of summers as exame it thank surpresses.

- 159 -

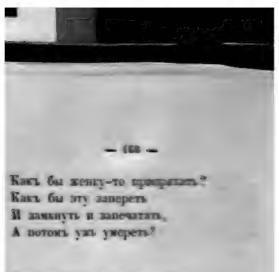
То, какъ цѣнный самородокъ, Кудри взвѣситъ на рукѣ, То возъметъ за подбородокъ Иль погладитъ по щекѣ.

Кладъ и этотъ цѣлъ — онъ видитъ, И старикъ безиѣрно радъ, Подрожитъ, и скорчасъ выдетъ, Но замкнетъ и этотъ кладъ.

Между тъмъ проходятъ годы, Онъ дряхлъетъ каждый мигъ, И могильный зовъ природы Слышитъ трепетный старикъ.

Жалко старому два клада Бросить въ мірѣ, — пріунылъ. Первый кладъ онъ въ уголъ сада Ночью снесъ и тамъ зарылъ.

Не ходи въ людскую руку! Спи тутъ! Дѣло рѣшево.... Но — куда другую штуку Скроешь? — Вотъ что мудремо.

Воть давай ее онь канкиз: «Душка! Эй, поди сходи! Жаль жих — будень горе жакизь: Я укру — тебь бъда!

Попаденть въ чужіе люди: Въдь тебя не сберегуть; Пухъ твоей лебяжьей груди Взоинуть и изорнуть.

Ты святальна отв сосідова?
Віда другіс-то мужая
Жена свенка и така, и адма....
Ука соссілна не то, что я!

The finite ment were members than atmost its names maps: if which a secret is underefor a neighbor as sample.

- 161 -

А умру: полобной чести Не дождешься никогда. Знаешь что? — Умремъ-ка вийсти! Смерть вёдь, право, не бёда.

Согласись, мой розанъ алый! Средство мной ужь найдено.» — Та въ отвътъ ему: пожалуй! Хоть умремъ — мнъ все равно. —

«Ну, такъ — завтра. Ты покайся Прежде мнѣ, открой себя: Вѣдь сосѣдъ-то нашъ, признайся, Подговаривалъ тебя?» —

Что таить, коль дело къ смерти? Я не отопрусь никакъ. — «Ишь соседи! Эки черти! Я ужь зналъ, что это такъ.

Онъ хотълъ тебя, какъ видно, Увезти: скажи, мой свътъ!» — Да: но мнъ казалось стыдно.... У него-жь деньжонокъ пътъ;

The partyweers Guesto,

Is a commercial moderatural

That y experience memore

Non-sero — we see moderatura.

when the continuous connected!

The the continuous one so vero!

Therefore to ever a tecpula,

A no to — year a-62 eco!»—

Успокойся-же, папаша! — Яну молина жена. Вспомии: вавтра участь мыша Будеть смертью рашена.

Ты и самъ, быть можеть, граменъ. Какъ моми ты запираль И замокъ тутъ быль приваженъ— Ты куда ходиль? — «Въ подваль» —

Можетъ, душенька какая Тамъ была.... признайся, хрычъ! Тяжкій грѣхъ такой скривая, Адской муки не накличь!

- 163 -

Въдь изъ аду ужь не выдешь! Что-жь тамъ было? — «Ну.... дитя».... Незаконное! — вотъ видишь! Говори-ка не шута!

Грѣшникъ! Богъ тебя накажетъ. — «Что ты, дурочка? — Мой сынъ Мной не прижитъ былъ, а нажитъ — Не отъ эдакихъ причинъ.»

Призадумалась въ кручинѣ Женка Яна; а супругъ Продолжалъ ей рѣчь о сынѣ, Разумъл свой сундумъ.

«Мой сынокъ въ пыли валялся, Былъ въ оковахъ, мерэъ энной; Часомъ звонко отзывался, Желтоглазый былъ такой;

Не гульбу имъль въ предметв, На подъемъ не лёгокъ быль, — И — ужь нътъ его на свътъ: Я его похоронилъ.

По висил сілтіка. — Образинся на ўзола сола Образинся на ўзола сола

Что туда ты смотрашь зорно? Подходими адруга жена. Тома — на углу кака будто горки; Не могиме-до тима видна?

Не сымока-и твой положена Тома, куда ты така вашинула? — Има замался — и встревожена, Помогана, рукой махнула.

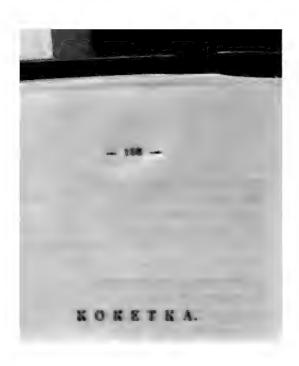
«Все зеим возмет». — И сани Им съ неа нъ нее пойденъ. Искай исв пойдутъ за нами: Ти исв порознъ, им — вдвоенъ.

Завтра комчинъ! - Но настало Бажье утро, Янъ глядитъ: Женки словно не бывало, Уголъ сада весь разрытъ.

Что-то хуже смерти хлада Онъ почувлъ и дрожитъ. Вдругъ пропали оба клада. На столъ письмо лежитъ.

Ужасъ кровь ему морозитъ.... То рука жены его: «Твой сосъдъ меня увозитъ Съ прахомъ сына твоего,»

Съ намой спаровного искусной
Она, вадыхая таксло,
Какъ-бы въ задуженности грустной,
Склонил тожное чело.
В присловась къ рукъ увыло
Головкой хитрово своей,
Прозрачны персты пропустила
Склоль волны дрежнопцихъ кудрей,
Храна средь бальнаго сіянья
Видъ соблазинтельный страданья!...
Но вихрежъ вдругъ увлечена,
Стръля молинами взглида,
Съ ижимъ отчаливемъ она
Летитъ въ Хариблу галонада,

Змено гнется въ пол-кольца,
Блеститъ, скользитъ, мелькаетъ, вьется
И звонко, бешено смется,
Глотая взорами сердца, —
И выотся въ ловкомъ безпорядке
И шепчутъ шорохомъ надеждъ
Глубокомысленныя складки
Ея взволиованныхъ одеждъ.

За что-жь прелестницу злословыю Ты предаешь, о злобный свыть? Добытъ трудомъ и купленъ кровью Вънокъ нелегкихъ ей побъдъ. Въ сей жизни горестной и скудной Она свершаеть подвигь трудной: Здъсь блъдность ей пужна была -И вотъ — она себя терзала, Лишалась пищи, сна не знала И оцетъ съ жалностью пила. Тамъ — въ силу новаго условья. Цвътъ лркой жизни и здоровья Ей быль потребень, — между тымы Она поблекла ужь совствъ: Тогда, съ заботой безкорыстной За трудъ хватаясь живописный, Она вст розы прошлыхъ летъ

На бываний образа спой брания. The committee of the co Волический свей пертрага, If ropyment mans appear Chrome designed supply or the same Св унавана линана права унира Victorial manerines controls the name inches to consider discussion. En openionamen sa visia --There are the present - the mayoure if an aymenormouse that, RECOGNISMENT THE PROPERTY IS HAVE Donners buriness to make. Rays anny - sepansis meats. Вз немь теританны паучать. Природы наждую ониоку, Бъ устана принаршили умабау. II ICTO BRANTS SHAP CHOOK Присвед година, премена разбой.

Что-же! — Погруженный на солершаноо : Слонать белининенных сусть, Ты линать-ть, томплика свёть, Кометин такиое правилано И опектит-та ги сго, Кома — сграданца — порощ **- 169 -**

Играла мералою корою Пустаго сердца твоего, И этотъ ледъ насквозь произала, Его дробила, какъ гроза, И эти дребезги бросала Тебъ-жь въ нечистые глаза? И ты-ль дашь место укоризне, Что колдовствомъ коварныхъ сплъ Она хоть тынь, хоть призракъ жизни Старалась вызвать изъ могилъ Хоть чемъ нибудь-соблазномъ, ложью, Поддельной въ этихъ персяхъ дрожью, Притворнымъ пламенемъ въ крови, Притравой жгучей сладострасты, Личиной муки, маской счастья, Каррикатурою любви?

QHA EBLIA JUEPA.

Опи была зобра. Опи вышев, часть пайбал, И мерались за глубниу больный души моей А же-из была добра част часна заправил. И на тако добра в благодарнить ед. Чего ценучениесть они перинасния. Чего прикучение герпіки: даже грусть, Грусть гайкую чась, гачапълъ — и между тънъ, какъ съ моего пера ился жаркій стихъ, излитый въ мукъ сладкой, з, лукавая, смъялась.... но украдкой; пакъ — не правда—ли? — она была добра?

обвинение.

И твой мит милый ликъ запечатленъ виной. Неотразимое готово обвиненье.

Да, — ты виновна предо мной Въ невольномъ, страшномъ похищеньи.

Однимъ сокровищемъ я въ мірѣ обладалъ,

Гордился имъ, надъ нимъ рыдалъ, Его таилъ отъ взоровъ свъта Въ непроницаемой глуши, Таилъ — подъ рубищемъ поэта На днъ измученной души. Ты унесла его лукаво;

На лоно счастія мнѣ голову склоня, Ты отняла на вѣки у меня Мое великое, единственное право: **То право** — некогда, кончая жизни путь,

Съ усмъщкой горькою на прошлое взглянуть, На все, что рокъ мнв въ мірв заповідаль, На все, что зналъ и проклялъ я, **В съ торжествомъ** сказать друзьямъ моимъ: друзья! Воть жизнь моя! Я счастія не въдаль. Теперь — застычньо я буду умирать. Начавъ минувшаго черты перебирать, Блаженства образъ я увижу Среди монхъ предсмертныхъ грезъ И мой последній часъ унижу Ло сожальныя и до слезъ, -И въ совъсти упрекъ родится безпокойный: Зачемъ я, счастья недостойный Сосудъ его въ устамъ горящимъ приближалъ? Зачемъ не умеръ я, въ тоске перегарая? Зачъмъ у неба похищаль Частицы божеского рад? И боязливо я взгляну на небеса,

И остывающей рукою

Слезами полные глаза.

Съ последнимъ трепетомъ прикрою

WHAT CHEMINIS! METERS. **Регусить ты нь счестве. Кикалі ших** In this - House in Bourses. Ermoonn: both and dividers oute. And — Differs: Action of the Conference of the C Annieno eta promina mannenataria: mediana THE WHOLL, THE THURSO, LEGISLES MALE. Вень пеньшить, осин чив виришь; The was authorise and Lineause AND A SHIP AND A PARTY BOOK TOWN M interior confiniation areas. Commente they are not morning and A include and a substitution again. The more consumers and MANDEL CHIMBING SOURCE & SOUNDAMENT OF # BY MADY ANY WIN F -- IN THE

Я-бы медлиль какъ тебв угодно, Или шелъ скоръй ужь заодно, Для меня-же это все равно: И спѣту и медлю я безплодно. Не свожу я глазъ съ очей твоихъ, Слушая твоихъ мечтаній сказки; Кажется, съ устами вийсти, глазки Мить твои разсказывають ихъ; Кажется, я слушаю глазами, Понимая этотъ милый бредъ Не умомъ, но сердцемъ прошлыхъ лѣтъ, И подъ-часъ расхлынулся-бъ слезами. Но — довольно! Ихъ давно ужь нътъ. Понимаю этотъ лепетъ странный: Онъ проникнутъ нъгой и огнемъ; Понимаю — рѣчь идетъ о иемъ.... Имени не нужно.... без-имянный! Онъ — да, онъ... кого, твой ищетъ взоръ Тамъ и завсь. Всв свойства неземныя Ты ему приписываещь.... Вздоръ! Все пустое! — За мечты златыя, Можетъ быть, заплатишь ты потомъ Горькою существенностью.... «Что-же? Не открыть-ли истину ей?» - Боже! Нѣтъ! Мнѣ жаль. Пускай хоть райскимъ сномъ Насладится! — Нътъ! — И между прочимъ

Думаю: храни ее, Творецъ! Что-же я такое? — Не отепъ Аля нел, - однако-жь и не вотчимъ, И не бичъ. - Въ развитьи этихъ льтъ Надъ кипучимъ жизненнымъ истокомъ Ощипать очарованья цвътъ Ледлнымъ, убійственнымъ урокомъ! И урокъ подъйствуетъ-ли? Иътъ! Онъ ее напрасно лишь помучить. Осени повъритъ-ли весна? Мить-ль учить? - Есть мачиха: она Жизнію зовется — та научить; — И кивая головой тогда, Я разсказъ мечтательницы милой Слушаю, и шопотомъ: да, да — Говорю, — а та съ растущей силой Продолжаетъ — дальше, дальше всё.... Слышится, какъ сердце у неё Разбиваетъ юныхъ персей крепость. И изъ устъ разказчицы блажной Чудная, прекрасная нельпость Неудержной катится волной.

къ бывшимъ со-ученикамъ.

(по случаю прівъда стараю наставника.)

сть край, гдѣ природа свой ликъ величавый вычаеть суровымъ, сосновымъ вынцомъ, и сныгомъ напудривъ столыти дубравы, выдомъ землю скрыпляетъ, а небо свинцомъ; — есть край, гдѣ касаясь твореній начала, разсышйся камень, прохваченный мхомъ, горчитъ надъ разинутой пастью провала Оскаленнымъ зубомъ иль голымъ ребромъ, — гаѣ въ скудной оправѣ, во впадинѣ тёмной, средь камней сѣдыхъ и нахмуренныхъ горъ, сверкаетъ нашъ яхонтъ прозрачный, огромный — одно изъ великихъ, родимыхъ озёръ, гаѣ лирой Державинъ бряцалъ златострунной, гаѣ воетъ Кивача «алмазна гора»,

Гді вызваны громы работы чугунной,
Какъ молотомъ Божьниъ, десницей Петра,
Гді слідь свой онъ врізаль межь дубомъ и сосной,
Когда онъ Россію плотиль и коваль —
Державный нашъ плотникъ, кузнець візиценосный,
Что въ ділі творенья Творцу помогаль.
Въ краю томъ, но волі святой Провидіння,
Намъ было блаженное дітство дано,
И въ душу намъ пало зерно просміщенья
И правды сердечной живое зерно.

Съ тъхъ поръ не однажды весна распахнулась II снова зима пролегла на Руси; Не разъ вокругъ солнца земля поверпулась, -А сколько вращалась кругомъ на оси! --II много мы съ ней и на ней перемчались Въ сугубомъ движены — по жизни — впередъ: Иные ужь съ пылкими днями разстались, И къ осени дъю, и жатва идетъ. Представимъ-же колосъ отъ нивы янтарной, Который дороже весеннихъ цвътовъ! Признательность, други, души благодарной — Одинъ изъ прекрасныхъ, чистъйшихъ илодовт Предъ нами единый изъ съявшихъ съяв; На мигь предъ своими питомцами опъ: Созравния дати! Захватимъ же время Воздать ему вкупъ усердный поклонъ,

вивств съ глубокимъ привътомъ разсудка ку напръ сердечный привътъ принести в влатую иннуту сего промежутка жъ радостнымъ «здравствуй» и тихимъ «прости

нетайное признаніе.

Давно сроднивъ съ судьбой моей печальной Поэзіи заносчивую блажь, Всегда былъ радъ свой стихъ многострадальный Вамъ посвящать усердный чтитель вашъ.

И признаюсь: я быль небезкорыстень; — Туть быль разсчеть: я этимъ украшаль Непышный складъ мной выраженныхъ истинъ, И, славя васъ, себя я возвышалъ.

Что та, кого я славиль, не уронить Моей мечты — я въ томъ быль убъждень, И какъ поэтъ — всегда быль вами понять, И тъмъ всегда съ избыткомъ награжденъ.

ца! И на ту, кому самолюбиво Засть лучшихъ думъ моихъ посвящена, Зсегда могу я указать нелживо А съ гордостью воскликнуть: вотъ она!

Достоинство умѣлъ я безъ ошибки
Въ васъ оцѣпить, — къ тому-жь — скэзать-ли? — да!
Умѣлъ цѣнить и прелесть той улыбки,
Что съ вашихъ устъ слетала иногда.

И голосу сознанія послушенъ
Я чту въ себъ санъ вашего пъвца.
Скажу при всъкъ: я къ вамъ неравнодушенъ
И былъ, и семь, и буду до конца.

Нельщу себь: могу-ль я тутъ невидъть, Что я стою со всьми наравнь? Васъ любятъ всь. Холодностью обидъть Васъ можно-ли?... Но нътъ.... хотълось мнъ

Не то сказать.... Съ вниманьемъ постояннымъ Вамъ преданный и нынъ, такъ какъ встарь, Проникнутъ я къ вамъ чувствомъ без-имяннымъ, И потому невставленнымъ въ словарь.

О неих сманчать в могь-бы.... Но их чему-же То чувство мих, нака плода запретный прыть, Когда при вскув, и при резникомъ мужх, О немъ ногу в онкло говорить?

Опо не такъ безсмысленно, какъ служба Поклонивовъ, ласкателей, рабокъ; Опо не такъ безтренетно, какъ дружба; Оно не такъ опосно, какъ любовъ.

Омо мильй и братскаго сближенья И узъ родства, заложенныхъ въ крови; Оно теплий, изживе уваженья И — можеть быть — возвышений любви.

TOCKA.

Порою внезапно темньетъ душа, —
Тоска! — А Богъ знаетъ — откуда?
Осмотришь кругомъ свою жизнь: — хороша;
А къ сердцу воротишься: худо!

Все хочется плакать. Слезами средь бѣдъ Мы сердце недужное лѣчимъ. Горючія, гдѣ вы? — Горючихъ ужь нѣтъ! И радъ-бы поплакать, да не-чѣмъ.

Уже-ли пророческій сердца языкъ Сулитъ мит ударъ иль потерю? Нътъ, я отъ мечты суевърной отвыкъ, Предчувствіямъ темнымъ не върю. 181 -

Пътъ! — Это — не будущихъ бъдствій залоть; Не скорби градущей задатовъ; Не тайный на новое горе намёкъ; А старой печали остатовъ.

Причина ел позабыта давно:
Она лишь сама сохранилась,
Въ груди опустъюй упада на дно,
И тажь залегла, притандась, —

Уснула, — и тихо въ потемкахъ лежитъ;

Никто ел, скрытой, не видитъ;

А отдыхомъ силы она освъжитъ,

Проснется — и выглянетъ, выдетъ —

И душу обниметь. — Той-мрачной поры Пошель-бы разсвять ненастье, Съ людьми по твлился-бъ.... Они такъ добры; У нихъ наготовъ участье.

Іхъ много — и слишкомъ — къ утёхё моей.

Творецъ мой! Кому неизвъстно,

1то міръ твой такъ полонъ прекрасныхъ людей;

Что прочимъ становится тъсно?

Да думаю: нътъ! Пусть-же сердце мое
Хоть эта подруга голубитъ!
Она не мила мит; но гнать-ли ее
Тогда какъ она меня любитъ?

Ел ласка жестка, ел чаша горька,

Но есть въ ней и тайнал сладость;

Ел схватка крепка и рука не легка:

Что-жь делать? Она вёдь — не радость!

Останусь одинъ. Пусть никто изъ друзей Ее не осудитъ, не видитъ, И пусть ни единый изъ добрыхъ людей Насмъшкой ее не обидитъ!

THE SECTION OF

has depresent Lypsonoscome.

Tou set ventil — De vent sette fore milione understant E terreni spectare Tipomi set Hompere Austra prosessor ven Brace Lamontonia stra

- 187 -

Скрещены на персяхъ руки; Въ персяхъ сдержанъ тихій вздохъ; Робкій слухъ пріемлеть звуки: «Дъва! Сынъ твой будеть Богь!»

Этотъ юнопіа крылатый — Искупленія глашатай, Ангель, въстникъ торжества, Вістникъ тайны воплощенья, А предъ никъ — полна смиренья — Дъва — матерь Божества!

БЕЗУМНАЯ.

(посль пьиіл Віардо-Гарсіи.)

Ты сердца моего и слезъ и крови просишь, Пъвица дивная! — О пощади, молю. Грудь разрывается, когда ты произносишь: «Я все еще его, безумная, люблю.»

«Я все еще» — едва лишь три ты эти слова Взяла и вылила ихъ на душу мою — Я все предугадалъ: душа моя готова Уже заранъе къ послъднему: «люблю».

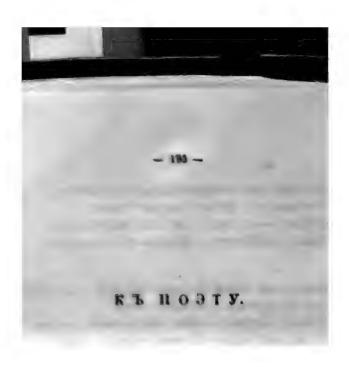
Еще не сказано: «люблю», — а ужь стократно Перегоръть вопросъ въ груди моей: кого? И ты отвътствуешь: «его». Тутъ все понятно; Не нужно имени — о да, его, его!

еще его».... Кружится умъ раздумьемъ.... я мысли.... Я жду слова — и ловлю: ная» — да, да! — И я твоимъ безумьемъ енъ, потрясенъ.... И наконецъ — «люблю».

ю». — Съ тобой весь міръ, природа, область Пога ь въ глубокое, безумное «люблю». гори «люблю»!... Нътъ, дай дохнуть немного! не хочу дышать — лишь повтори, молю.

«я все еще» — вновь началъ райскій голосъ.
 опять — «его» — я вздохъ въ груди давлю....
 ная» — дрожу.... мнѣ страшно.... дыбомъ волосъ....

ю» — хоть умереть отъ этого «люблю».

Полта! Не выбрайся сердечными тревогами! Не думай, что исдансь твой — вадохи любви! Ты призванть на землю всезиндущими Богоми, Чтобы изть и молиться, и изени свои Сливать съ безконечной гармоніей міра, И развым из прахіт сердца потрясать, И маску срывам съ земнаго кумпра, Візнать добрадітель, пороки ужасать.

За нетину бейся, страдай, подвизайся! На торжишть міра будь мраченть и дикть. П ежели хоченнь быть чистъ и великъ — до грязнаго счистья земли не касайся, П если оно тебъ просится въ грудь — Найди въ себъ силу его оттолкнуть!

Пой женъ свътлоских и дъвъ лъпокудрихъ, Но помии, что призракъ — земли красота! Люби ихъ, но слушай учителей мудрыхъ: Верховное благо — любовъ, да не та.

Когда-же ты женщину выше поставиль
Великой, безифрной небесъ высоты,
И славой, Творцу подобающей, славиль
Земное творенье — накажешься ты,
Накажешься тяжко святымъ правосудьемъ
Чрезъ женщину-жь.... Стой! Не ропщи на нее:
Ея назначенье — быть только орудьемъ
Сей казни, воздать за безумье твое.
Смирись-же! Творецъ тебъ милость даруетъ
И въ казни: блестя милосердыя лучемъ,
Десница Господня тебя наказуетъ
Тобою-же избраннымъ, свътлымъ бичемъ.

Все в никисть в тренициять

Передь никъ, Всесимень опть.

Посмотрите, такъ опъ Биспроть —
Сей коменій михління! —

Липенрання уместопъв

Листопинне систопъ

Листопинне систопъ

Листопинне систопъ

Листопинне систопъ

Листоп притъ питъ сето

Вг не демнітть чит моли

Вългой бездопиній призв

Въ тайният чинны запраєть

Вт почести тапрытъ

Воли винотъ сто багтаній

Ин плиная зе трищев

- 193 -

II не чають щедрой платы — Имъ извъстно: онъ не дастъ. Нътъ; — усердно и охотно, Безкорыстно, безрасчетно, Злату рабствующій міръ Чтить великій свой кумиръ. Хладный идолъ смотритъ грозно, Не кивая никому, А рабы религіозно Покланяются ему. Люди знаютъ: это — сила! Свойство-жь силы - мять и рвать; Чтобъ она ихъ не крушила, Не ломала, не душила — Надо честь ей воздавать; — И признательность развита Въ бъдномъ смертномъ до того, Что коль Крезъ летитъ сердито, Но не топчетъ въ прахъ его Колесницей лучезарной — Ужь несчастный умилёнъ, И приносить благодарный Не-топтателю поклонъ.

ГОРЕМЫЧНАЯ.

Жаль инт тебя, моя пташечка бъдная: Цълую ночь ты не спишь, Глазки въ слезахъ, — изнуренная, блъдная, Все ты въ раздумън сидишь;

Жаль мнѣ; вѣдь даромъ средь горя безплоднаго Сердце твое изойдетъ.

Ждешь ты, голубушка, мужа негоднаго, Третій ужь за полночь бьетъ.

Думаешь ты, пригорюнась, несчастная, Лютой убита тоской:

Ночь такъ темна и погода ненастная — Нътъ-ли бъды съ нимъ какой? —

Ждешь ты напрасно: на ноченьку пирную Принялъ онъ дружескій зовъ;

- ь онъ съ друзьями схватясь въ безкозырную, Гнетъ королей, да тузовъ —
- тъ ихъ. «Поставлю-жь я карточку новую, Думаетъ — ну-ка, жена,
- помоги мнтв!» Вскрылъ даму бубновую, Смотритъ: убита она.
- ь!» И рука его трепетно сжатая Карту завътную мнеть.
- мощи натъ; изманила, проилятая! Полно!» — И, бладный, встаеть,
- етъ идти онъ.... Какъ можно? Да кстати-ли? Вспомни-ка рысь старины!
- ь лишь починъ, восклицаютъ пріятели, Развѣ бонщься жены?
- ть онъ идетъ! Въдь не во-время явится Та ему страху задастъ!
- ь вѣдь не свой братъ! Съ женою управиться, Братцы, не каждый гораздъ.
- люди вольные. Пусть его тащится! Намъ-ли такой по плечу? —
- ь онъ: «да что мнѣ жена за указчица? Вздоръ! — говоритъ — не хочу!
- , раззадорили кровь молодецкую! Что миѣ жена?» — И пошелъ:
 - Что миѣ жена?» И пошелъ:
- тъ еще! Пусть убирается въ детскую! Я ведь детей ей завелъ —

Долгъ свой пеполнилъ я, даромъ что смолоду Съ вами немало кутилъ;

Ну, и забочусь: не мрутъ они съ голоду, По міру ихъ не пустилъ;

Сыты, одъты; покон приличные;

Что миъ тамъ женская блажь? - -

Вотъ онъ! — Векричали друзья закадычные, — Нашъ еще другъ-го, все нашъ! —

Стали разгуливать по столу чэрочки.

Мало-ли женъ есть? - кричатъ, -

Мало-ли? Гей, вы — красотки-сударочки! — Вотъ онъ гдѣ — твой сопостатъ,

Мужъ твой, губитель твой! Вотъ какъ заботится Онъ о женъ своей тамъ!

Можетъ быть, пьяный, онъ съ бранью воротится; Можетъ, дастъ волю рукамъ. —

Ты-жь, ожидая такого сожителя, Мнѣ отвѣчаешь, стеня:

«Такъ суждено: полюбила губителя — Пусть-же онъ губитъ меня!»

ЗВБЗДОЧЕТЪ.

островв Гюэнв, близь Копенгагена, находилась обсерваторія собраге, устроенняя для него Королемъ Фридрихомъ II. Злібсь неннтый астрономъ занимался наблюденіями въ теченіц двади льтъ. По смерти Фридриха Тихобраге долженъ быль цемать гаго пристанища. Черезъ 50 льтъ и следовъ огромнаго зданія прваторін уже не было, но остался еще одинъ старецъ, котоі показывалъ любопытнымъ мъсто, гдв то зданіе находилось, и разсказывалъ объ астрономъ, котораго помицлъ.)

Супротивъ столицы Датской Есть неважный островокъ. Жилъ тамъ въ хижинъ рыбацкой Съдовласый старичекъ — Старъ, престаръ. — Прітажихъ двое, Путешественники что-ль, Кличутъ стараго: позволь Слово молвить! — «Что такое?» — Ты въдь здъщній старожилъ; Объясни-жь намъ: здъсь — каменья —

Следъ какого-то строенья. Что туть было? Кто туть жиль? -«Разсказать вамъ? — Гмъ! — Пожалуй! Человъкъ и здъсь бывалой. Быль туть, видите, дворець!» Старецъ молвилъ наконецъ. — Какъ? Дворецъ? — «Ну, да, чертоги Съ башней. Было тутъ тревоги, Выло всякаго труда При постройкъ. Самъ тогда Здесь Король быть удостоиль; Фридрихъ нашъ второй и строидъ Все своей казною». — Вотъ! Кто-же жиль туть? — «Звіздочёть. Весь дворецъ съ огромной башней Былъ ему что кровъ домашній; Я прислуживалъ ему: --Выросъ я въ простонародствъ, А ужь тутъ и въ звѣздочётствѣ Пріучился кой-къ чему. Служба все была средь ночи. Часомъ спать хочу — нътъ мочи, А нельзя: звѣзда идетъ! Иногда. бывало, грезишь, А за нимъ туда-же льзещь: Ужь на то и звыздочёты!

Только онъ ее завидить -**Дъю кончено!** Тогда Просто наша та звъзда; Ужь, сердечная, не выдетъ Изъ подъ глазу — нетъ! Куда? Хоть съ другими вровень светить, А ужь онъ ее заметить И включить въ свой списокъ — да! Намъ бывало съ нимъ въ привычку Отъ поры и до поры Поименно перекличку Звіздамъ діздать и смотры. Былъ я словно какъ придверникъ Неба Божьяго, а самъ Что хозяинъ былъ онъ тапъ -Ужь не то, что какъ Коперникъ! Тотъ, вишь, выложилъ на планъ, Что земля вкругъ солнца ходить: Нътъ, шалитъ онъ, колобродитъ — Какъ не такъ! Держи карманъ! Вотъ! Въдь можно упереться Въ землю: какъ-же ей вертъться, Если человъкъ не пьянъ? Ну, вы сами посудите! Приступалъ я и къ нему — Звъздочету своему:

Воть, моль, батюшка, скажите! Не понасться-бы въ просакъ! Говорять и такъ и такъ; Мой и темный разумъ сметилъ, Что молва-то насъ мутить. Вѣдь — стоить? И онъ отвътиль Утвердительно: стоитъ. У него въдь какъ въ карманъ Было небо, лищь спросить; Онъ и самъ весь міръ на планв Росписаль: чему какъ быть. Я своими самъ глазами Видель планъ тотъ. Эхъ, дружки! Все круги, круги съ кружками, А въ кружкахъ опать иружки! Я кой-что — признаться стыдно — Хоть и поняль, да не вплоть; Ну, да где-жь намъ?... Такъ ужь видно Умудрилъ его Господь! Намъ спроста-то не въ примъту, Въ небъ, чай, круговъ не счесть; Смотришь такъ -- кажись, и нъту, А въдь стало быть, что есть. Да чего! Онъ зналъ на мили. Смерить весь до солнца путь И до мъсяца; смекнуть

ПЕРЕВОДЫ.

I.

стихи

вырезанные на чаше, сделанной изъ черена.

Не трепещи! Не помышляй,
Что отбыль духъ, во мив витавшій!
Виномъ сосудъ сей наполняй,
Сосудомъ скорби быть преставшій!
Теперь ужь стоповъ никакихъ
Изъ этой кости неизходитъ,
И симъ единымъ не походитъ
Она на черспы живыхъ.

Какъ ты, я жилъ, любилъ и шилъ — И умеръ я. Земля могилъ Тутъ - не спится; дашь глазамъ Чуть лишь волю: ть - къ звъздамъ! Все знакомки въды Не мало Я ихъ зналъ по именамъ. Да забыль теперь; — и входить Дума въ голову: наводитъ, Чай, теперь свой зоркій глазъ Тамъ онъ, звіздочки, на васъ! На которую - не знаю.... Вотъ смотрю и выбираю, -А узнать дай силу Богъ -Такъ-бы вотъ и впился глазомъ, Чтобъ смотрать съ нимъ вмаста — разомъ; Можетъ, я-бъ ему подмогъ И отсюда!... Глупой мысли Не посмъйтесь, господа!» — И разсказчикъ смолкъ тогда; Двъ слезы съ ръсницъ нависли И слидись изподтишка По морщинамъ старика.

ПЕРЕВОДЫ.

I.

стихи

выръзанные на чашъ, сдъзанной изъ черена.

Не трепеци! Не помышлий,
Что отбыль духъ, во мий витавший!
Виномъ сосудъ сей наполний,
Сосудомъ скорби быть преставший!
Теперь ужь стоновъ никавихъ
Изъ этой кости неизходитъ,
И симъ единымъ не походитъ
Она на черспы живыхъ.

Какъ ты, я жилъ, любилъ и пиль — И умеръ я. Земля могилъ Живится прочими костями;
А п.... Вливай въ меня вино
И прикоснись ко мит устами —
Я не обижусь: все равно!
Въ утробт ямы безотзывной
Гнить было-бъ участью моей:
Твои-жь уста не такъ противны,
Какъ жала гробовыхъ червей.
Чтиъ по обычному наследью
Быть тварей ползающихъ ситдыю,
Не лучше-ли мит чашей быть,
Янтарнымъ наполняться токомъ,
Киптъ прозрачныхъ гроздій сокомъ,
Питьемъ боговъ тебя поить?

Бывало, средь бесёды шумной Сей черепъ шуткой остроумной Звенълъ. Теперь, какъ онъ утихъ, Пусть, если самъ остротъ не вержетъ, Тімъ, что въ немъ держится, поддержитъ Духъ остроумія въ другихъ! И что приличнёй для замёны Силъ мозга въ черепё пустомъ — Искрокипучей острой пёны, Клубимой пёнистымъ виномъ?

- 205 -

Вкушай-же пектаръ сей, понуда
Ты въ силахъ пить! Когда-жь отсюли
Уйдешь и ты, какъ всъ уйдуть,
Сыны другаго покольнья,
Быть можетъ, и твою изъ тлънья
Пустую голову врзьиутъ
И темъ-же неитаромъ излъчтъ.

И авльно! — Въ краткія меноменья Для насъ отсчитанныхъ годовъ Какъ скудно-жалки похомденья Сихъ человъческихъ головъ! Пускай червей отъ хипциой алости Спастись дадутъ имъ этотъ путь, И ихъ, хоть въ видъ мертвой кости, Употребятъ на что нибудь! H.

не обвиняй ее.

Нѣтъ! Падшей женщины не порицай открыто! Кто въдаетъ весь грузъ ея земнаго быта? Кто въдаетъ число ея голодныхъ дней? Печальныхъ опытовъ кто не бывалъ свидътель, Какъ вихръ несчастія колеблетъ добродътель И какъ несчастная вотще стремится къ ней? На въткъ дерева такъ капля дождевая Блеститъ, на ней держась и небо отражая, Но вътку покачнутъ — и капля сорвалась, И — до паденья — перлъ, она съ паденьемъ — грязъ.

Виновенъ ты, богачъ, виновны мы и злато. Та капля чистая, небесная когда-то, Въ грязи сохранена, — и чтобъ явилась вновь, Отъ праха отдълясь, принявъ свой видъ хрустальной, Она, блестящая, въ красъ первоначальной — Тутъ нуженъ солнца лучъ, тамъ надобна — любовь.

- 207 -

111.

HPOCLBA.

Не мечи изъ подъ разлицы
Страль разлицихъ на меня!
Подъ огнемъ тисей женицы
Ужь и такъ поверженъ и.
Ты красою всемогущей
Всахъ богаче въ сей страна —
Я-жь — несчастный, неимущий
Дай-же милостинку мив!

два зрълища.

Какъ въ дремлющемъ прудѣ подъ сѣнію древесной, У смертнаго въ душѣ два зрѣлища совмѣстны: Въ ней видимы — небесъ блистательный покровъ Съ его свѣтилами и дымкой облаковъ, — И типистое дно, гдѣ зѣлья коренятся И гады черные во мракѣ шевелятся.

-- 400 --

٧.

кольпрель и могила.

э колыбель. Вокругь пикропъ кисейный матери качанье. Легий сиять. первал. Восторгъ благогонъйный, то свътлый ликъ манденця окруженъ.

Дернъ вокругъ. Падъ нею ила гнетел. этикъ бълыхъ родъ, медалемихъ пчемей э. Лишь земиръ съ листиотъ переплениется, за прозвенитъ залетия, перей

Колыбель! Вы объ въ высъ меттанья е нашъ духъ отъ праза дольникъ мъстъ. и. Вы обѣ полны сна, покол, упованья; Надъ этой — ангелъ-мать; надъ тою — Божій кресть.

Вы объ блещете зарей и обновленьемъ; Въ объихъ скрытъ залогъ невъдомыхъ чудесъ. Та вводитъ въ этотъ міръ млоденца съ пробужденьемъ. Та соннаго беретъ и вводитъ въ дверъ небесъ.

- 911 -

VI.

AHLENP N WYYYKHRICH

Надъ колыбелью вигель ясимй Съ главой поникшею стопль, И, минлось, онь свой ликь преврисний Въ чертахъ мляденци самерщиль

«Пойдемъ со мной, мой двойникъ нъжний!» Сказалъ онъ: «стоитъ-ли труди Тебъ вступать въ сей міръ мизелини!» Пойдемъ со мной — туди! гуди!

Здѣсь горечь вийшана и из слими:н. Здѣсь рядоиъ — вёдро и грими, Восторги стонутъ, плачетъ радость, Къ улыбкъ примкнута слеза.

Здёсь счастья очерки неполны, Чуть свёть мелькиеть — ложится тёнь, — А тамъ — блаженства хлещутъ волны И беззакатный блещеть день.

Тамъ не услышишь о могилахъ
И не увидишь лютыхъ бурь,
Не будешь плакать — глазокъ милыхъ
Не притуманится лазурь.

Ты возлетишь со мной свободно: Не нужно дёлъ твоихъ судить; Святому Промыслу угодно Тебл отъ жизни пощадить.

Пусть люди въ траурѣ не ходятъ! Пускай изъ міра суеты Тебя улыбкою проводятъ, Какъ встрѣченъ былъ улыбкой ты.

Другимъ при плачѣ безутѣшномъ Пускай готовятъ гроба сѣнь!

- 213 -

Въ твоемъ-же возрасть безгръшномъ Послъдній день есть лучшій день.

И ангелъ, бълыми крылами Взиахнувъ, вознесся въ горній світъ; Надъ колыбелью-жь со слезами Склонилась мать.... Младенца нітъ.... VII.

къ миннъ.

Странно мнѣ, непостижимо!
Минна-ль то моя идетъ?
Какъ? — Она.... проходитъ мимо?
И меня не узнаетъ?
Съ свитой франтовъ выступаетъ —
И, тщеславія полна,
Гордо вѣеромъ играетъ....
Нѣтъ! да это не она!

Съ лѣтней шляпки перья вѣютъ — Подаренный мной нарядъ; Эти ленты, что алѣютъ: «Минна! Стыдно» — говорятъ.

И цвъты на ней.... Не я-ли Эти выростилъ цвъты? Прежде чъмъ опи завяли Измънила, Миниа, ты.

Съ этой вътреной толпою — Позабудь меня — иди! Въ этой бившейся тобою Я найду еще груди Благородныхъ силъ довольно Низкій твой обманъ стерпъть, И — хоть тягостно и больно — Безразсудную презръть.

Сердце Минны исказилось
Милымъ личикомъ.... о стыдъ! —
Но въдь прелесть — мигь — и скрылась;
Ненадеженъ розы видъ.
Гитады ласточками свиты
По весит до первыхъ выогъ:
Разнесутся волокиты —
И отринутъ върный другъ.

Красоты твоей развалинъ Представляется миѣ видъ. Взоръ твой, сумраченъ, печаленъ, На минувшее глядитъ: Тѣ, которые такъ жадно Поцѣлуй довили твой, — Глядъ — хохочутъ безпощадно Надъ отцвѣтшей красотой.

Сердце Минны исказилось
Этимъ личикомъ.... о стыдъ!
Но въдь прелесть — мигъ — и скрылась;
Прелесть розы отлетитъ.
Какъ тогда я смъхомъ гряну
Самъ въ глаза твоей судьбъ! —
Нътъ!... О нътъ! — Я горько стану,
Минна, плакать о тебъ.

VIII.

пусть.

Пусть пташекъ трель призывная Звучитъ въ кругу лѣсномъ! Щебечетъ птичка дивная Мнѣ въ горлышкѣ твоёмъ.

Пусть звізды хладно-яркія Сверкають въ небесахъ! Мніт двіт звітады — двіт жаркія Горять въ твоихъ глазахъ.

Пусть лилія — пусть вешилл Планительно растеть!

Mut лилія нездішняя Въ душі твоей цвітеть.

И пъсня та распъвная, Тъ звъзды, тъ мечты, И лилія душевная— Любовь! Все это ты!

IX.

ВСЕГЛА.

Когда въ моихъ объятіяхъ
Поешь ты пъсню сладкую,
Ты слышишь—ли, какъ мысль моя
Поетъ съ тобой украдкою.
Въ той пъсни зажигается
Мнъ счастія звъзда.
О пой, моя красавица —
Всегда, всегда!

Смѣешься ты: я радуюсь, Дрожу отъ упоенія; Съ души моей встревоженной Слетаютъ подозрѣнія. Подъ смѣхомъ не скрывается Коварство викогда. О смѣйся-же, красавица, Всегда, всегда, всегда!

Когда ты сномъ поконшься, Раскинута въ небрежности — Въ твоемъ дыханъи трепетномъ Я слышу шопотъ нѣжности. Грудь жаркая вздымается, И вскрыта иногда.... О спи, моя красавица, Всегда, всегда!

Промолвишь—ли: «люблю тебя» — Мнѣ кажется, прелестная, Тогда надъ головой моей Отверзлась твердь небесная. Твой взоръ воспламеняется И жжетъ меня тогда: Люби—жь меня, красавица, Всегда, всегда, всегда!

Вотъ все, чего мнѣ надобно Для жизни и для счастія,

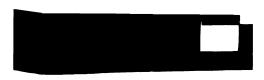
- 221 -

Для радостей души моей, Для изги сладострастія. Четыре лишь желанія Ты выполни мон: Пой пісни, смійся весело, Спи сладко и люби!

Дантъ! Старый Гибелинъ! Предъ этой маской, снятой, Страдалецъ, съ твоего безсмертнаго лица, Я робко прохожу, и, трепетомъ объятый, Я, мнится, вижу всю судьбу и жизнь пѣвца: Такъ сила генія и злая сила рока Вожгла свою печать въ твой строгій ликъ глубоко. Подъ узкой шапочкой, вдоль твоего чела Чертою рѣзкою морщина пролегла: Зэчѣмъ морщина та углублена такъ ѣдко? Безсонницъ ли она иль времени отмѣтка? Не въ униженьи—ли проклятій страшный гулъ, Изгнанникъ, ты навѣкъ въ устахъ своихъ замкнулъ?

Не долженъ-ли твоихъ последнихъ мыслей сшибки Въ улыбкъ устъ твоихъ я видеть и следить? Недаромъ къ симъ устамъ азвительность улыбки Смерть собственной рукой рышилась пригвоздить! Иль это надъ людьми усмѣшка сожалѣнья? О, ситися: гордый ситать суроваго презрънья Къ ничтожеству земли — тебъ приличенъ, Дантъ. Родился въ знойной ты Флоренціи, гигантъ, Гав острые кремни родной тебв дороги Отъ самыхъ дътскихъ дней тебъ язвили ноги, Гдв часто видвать ты, какъ при сіяньи дня Разыгрывалась вдругъ свиртная ртзня, И въ схваткахъ партіи успъхами мънялись — Тъ падали во прахъ, другіе поднимались. Ты тридцать летъ смотрелъ на адскіе костры, Гдв тлело столько жертвъ той огненной поры, -И было для твоихъ согражданъ жалкихъ слово «Отечество» --- лишь звукъ; его, взявъ съ вътра, сног Бросали на вътеръ. — И въ наши дни вполнъ Твое страданіе, о Дантъ, понятно миѣ; Понятно, отъ чего столь злобными глазами Смотръль ты на людей, гнушаясь ихъ дълами, И, непависти злой нося въ душѣ ядро, Такъ желчью пропиталъ ты сердце и перо: По нравамъ ты своей Флоренціи родимой, Художникъ, начерталъ рукой неумолимой

Картину страшную всей нечести земной Съ такою върностью и мощію такой, Что дъти малыя, когда скитальцемъ бъднымъ Ты мимо шелъ съ челомъ зеленовато-блъднымъ, Подавленный своей смертельною тоской, Подъ снетомъ твоего произительнаго вагляда Шептали: «вотъ онъ! вотъ — вернувшійся изъ ада!

OLTVBTERIE

стихотвореній II тома.

								страм.		
Туча .									1	
Пиръ.									4	
RILBTI									8	
Паденіе									11	
Слезы в										
Козаку-									19	
Къ жен		•							22	
Стихъ									30	
Морозъ									34	
Ръки .									37	
Земная	ты								40	
Тостъ .					٠.	•			43	

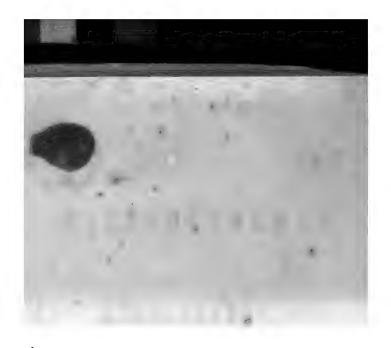
												C	pad.
Безуми	iad	4											188
Къ по	эту .	-	-		-								
Богача	= .					*						-	192
	ланая .												
	четъ .												
	7												1
Переводы.													
	-						22 D. 0.4	-4					
1.	Стихи,	_											
	ной изъ		-										203
II.	Не обы	anağ	e	9									206
III.	Просьба	a.			*	*							207
IV.	Два зрі	Блип	Įa.								4		208
V.													209
VI.	Ангелъ											. /	211
VII.	Къ Мин												214
VIII.	Пусть												217
IX.	Всегда												219
X.	Дантъ												222

CTHXOTBOPEHIA

в. ввивдикчова.

с. петербургъ.

1856.

печатать позволяется

съ тъмъ, чтобы по отпечатаніп было представлено въ Цевсурный Комптетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ. 13 Марта 1856 года.

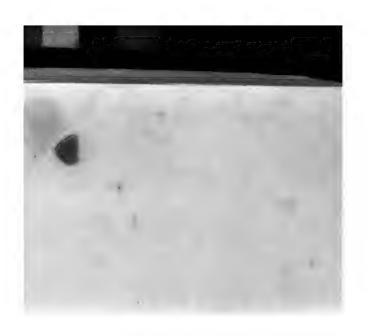
Ценсоръ В. Бекетовъ.

Tont III.

(1850-1856.)

Et j'ajoute à ma lyre une corde d'airain.

V. Hugo.

къ моей музъ.

Благодарю тебя: меня ты отрывала Отъ пошлости земной, и отряхая прахъ, Съ тобой моя душа все въ мірѣ забывала И сладко мучилась въ таинственныхъ трудахъ. Сначала озарять пиръ юности кипучей Влетала ты ко мнв въ златые дни забавъ, Гремя литаврами и бубнами созвучій, Покровы распахнувъ и дико разметавъ Густые волосы по обнаженной груди. Тебя такъ видели и осуждали люди Нескромность буйную. Порою твой уборъ Быль слишкомъ прихотливъ и оскорбляль ихъ взор: Сказали: онъ блестящъ не въ меру, онъ изысканъ, И амврой черезчуръ и мускусомъ напрысканъ, -И ты казалась имъ кокеткою пустой, Продажной прелестью, бездушной красотой. T. 111.

Міръ строгъ: онъ осудилъ твою младую шалость, Твой бышеный порывъ; твоихъ проступковъ малость Онъ въ преступление тяжелое вмѣныль; Ты скрылась отъ него и онъ тебя забыль. Но въ тишинъ, въ глуши меня ты не зобыла, И въ зредомъ возрасте мой уголъ посетила: Благодарю тебя! — Уже не молода Ты мит являешься, не такъ какъ въ тъ года --Одъта запросто, застегнута подъ шею, Безъ колецъ, безъ серёгъ, - но съ прежнею своею Улыбкой, лаской ты сидишь со мной въ тиши, И сладко видъть мнъ, что ты не безъ души, Что міръ тебя считаль прелестницей минутной Несправедливо... нътъ! Въ разгульности безпутной Не промотала ты святыхъ даровъ Творца; Ты не румянила и въ юности лица, Ты отъ природы такъ красна была, - и цъльный Кудрявый локонъ твой былъ локонъ неподдельный, И не носила ты пришпиленной косы Скрученной на прокатъ и взятой на часы. О нътъ, ты не была коксткою презрънной, И, можетъ быть, ко мнт въ пріязни неизминой. Переживя меня, старушкой доброй ты Положишь инт на гробъ последніе цветы.

لمردح

_ 3 _

ЧЕЛОВЪКЪ.

Много жизненныхъ вопросовъ Тыть рышивъ, что все пустякъ, Жилъ когда-то Грекъ-ниосонъ --Удивительный чудакъ. Онъ ходиль, какъ жэлкій нищій, Полу-нагъ и босикомъ, И питался грубой пищей, Сытъ былъ брошеннымъ кускомъ; Въ бочкъ жилъ; лучами солнца Освѣщаемъ и согрѣтъ, Онъ героя — Македонца, Покорившаго весь свътъ, И Царя и полу-бога Гордой просьбой удивиль: «Отодвинься, братъ, немного «Ты мнѣ солнце заслонилъ.»

О давно-минувин авта! Незапамятная старь! Днемъ, при полной силь свъта Дюгенъ зажегъ фонарь, И въ толит народа шумной Онъ вдеть, кругомъ глядитъ: Ищешь ты кого, безумный? -«Человака» — говоритъ. Строгій циникъ видълъ Грека И въ хитонъ, и въ плащъ, Но не видълъ человъка И искаль его вотше. Если-бъ шелъ онъ въ въкъ изъ въка Вплоть до нынашнихъ временъ -И донынъ человъка Все искаль-бы Ліогенъ!

Ходъ вѣковъ мы видимъ ясно;
Намъ исторіи скрижаль
Открываетъ безпристрастно
Дней давно-протекшихъ даль.
Что-жь тамъ? — Нѣсколько сокровищь,
Много хламу жизни сей,
Много тамъ людей-чудовищь,
Лже-людей, полу-людей;
Всюду брани, козни, ковы;
Видны: Римляншиъ суропый,

Грубый Скифъ и хитрый Грекъ; Миого-смертныхъ полудикихъ, Много малыхъ, горсть великихъ.... Гдъ-же просто — человъкъ?

Быль одинъ. Онъ шель безъ грома, Полонъ истины огнемъ. Можно было: «ecce homo!» Ситло вымолвить о немъ. Онъ на всехъ смотрелъ съ любовыо, Встхъ къ безсмертью, какъ на пиръ, Призывалъ, и чистой кровью Онъ своей опрыснуль міръ. Этотъ міръ быль имъ испуганъ; Онъ былъ схваченъ, былъ поруганъ, Былъ оплеванъ, былъ казненъ Оть ватаги фарисейской Смертью крестною злодъйской, И въ вънкъ терновомъ онъ Оцеть пиль средь смертной жажды.... «Человъкъ однако могъ Намъ явиться коть однажды?» — Нътъ, о люди, то былъ — Богъ!

ПЕРЕХОДЪ.

Видали-ль вы преображенный ликъ Жильца земли въ священный мигъ кончины Въ сей пополамъ распредъленный мигь, Гдъ жизнь глядитъ на объ половины?

Ужь край небесъ душт полуоткрытъ; Ея глаза туда ужь устремились, -А отражать ея безсмертный видъ Черты лица еще не разучились, —

И неземной въ нихъ отразился-бъ день Во всехъ лучахъ великаго сіянья,

Но тъ лучи еще сжимаетъ тънь Послъднаго предсмертнаго страданья.

Но вотъ — конецъ! — Спокоенъ сталъ больной. Спокоенъ врачъ. Сама прошла опасность — Опасность жить. Ръдъетъ мракъ земной И мертвый ликъ воспринимаетъ ясность.

Такъ надъ землей, глядишь, ни ночь, ни день; Но холодомъ вдругь утро засвѣжѣло, Прорѣзалась разсвѣтная ступень — И рѣшено сомнительное дѣло.

Всмотритесь въ ликъ отшедшаго туда Въ извъстный часъ: онъ ясностью своею Торжественно вамъ, кажется, тогда Готовъ сказать: «я понялъ! разумъю!

Узналъ! » — Устамъ какъ будто нарушать Не хочется святыню безглагольства, А на челъ оттиснута печать Всезнанія и въчнаго довольства.

Здѣсь, кажется, душа, разоблачась, Извиѣ глядитъ на это облаченье,

Чтобъ въ зеркаль своемъ въ последній разъ Последнихъ думъ проверить выраженье.

Но тавнье ждеть добычи — и летить Безсмертная, и бросивъ твло наше Она земнымъ стихіямъ говоритъ: Голодныя! возьмите: это ваше!

ЗВВЗДОЧКА.

День докученъ; днемъ мнѣ горько. Вотъ онъ гаснетъ.... вотъ угасъ.... На закатѣ меркнетъ зорька.... Вотъ и звѣздочка зажидась.

Заравствуй, ясная! — Откуда? И куда? — А я все тутъ. На земять все также худо,. Тъ же тернія растутъ.

Надъ землей подъемлясь круто Къ безпредѣльной вышищъ Что мелькаешь ты, какъ будто Все подмигиваешь мит?

Не съ блаженствомъ-ли граничинь Ты, привътная звъзда? И меня ты, миится, кличешь, Говоришь: «поди сюда!

- «Кругъ разумныхъ здѣсь созданій Полонъ міра и любви, Не заводитъ лютыхъ браней, Не купается въ крови.
- «Здѣсь не будешь горе мыкать; Здѣсь не то, что тамъ у васъ. Полно хмуриться да хныкать! Выѣзжай-ка въ добрый часъ!
- «Тутъ нетряская дорога, Легкій путь: ни грязь, ни пыль! Воли много, мѣста много.» — А далеко—ль? Сколько миль?

Охъ, далеко. Намъ знакомы Версты къ солнцу отъ земли,

А съ тобой и астрономы Расчитаться не могли.

Соблазнительнымъ мерцаньемъ Не мигай-же съ вышины: Благороднымъ разстояньемъ Мы съ тобой раздълены.

Сочетаньемъ кончить сдѣлку
Трудно; — мы должны вести
Вѣчно взглядовъ перестрѣлку
Между «здравствуй» и «прости»

Знаю звъздочку другую: Я хоть ту достать хочу — Не небесную — земную: Миъ и та не по плечу!

Также, можетъ быть, граничитъ Съ райскимъ счастьемъ та звъзда, Только та меня не кличетъ, Не мигнетъ: поди сюда!

Блещетъ мягче, ходитъ ниже — Вровень, кажется, со мной;

Но существенно не ближе Я и къ звъздочкъ земной.

И хоть также-бъ кончить сдёлку, Какъ съ тобой: съ ней въкъ вести Хоть бы взорокъ перестрелку Между «здравствуй» и «прости»!

послъ праздника.

авно быль праздникъ, и было такъ весело, шумно было такъ много прекрасныхъ тамъ дѣвъ свѣтл кудрыхъ, радостью общей и я увлекался безумно, авивъ бесѣду мужей и наставниковъ мудрыхъ.

ъ часомъ вдаепься невольно въ чужое веселье, іудто-бы счастливъ, и будто-бы сызнова молодъ; послъ мелькнувшаго пира мив тяжко похмълье ъ душу врывается пуще язвительный холодъ.

юсять стыжусь я, зачтыть, измітняя порядку, ты школьникть, не во время я такть шалиль и фізавиле И совъстно, будто-бы съ жизни взяль гръшную взятку, Какъ будто неправо чужимъ я добромъ поживплся.

И голосъ упрека въ душѣ такъ произительно звонокъ И такъ повторяется тайнымъ, насмѣшливымъ эхомъ, Что если-бы слезы.... заплакалъ-бы я, какъ ребенокъ! — Нѣтъ! Снова смѣюсь я, но горькимъ мучительнымъ смѣ-хомъ.

выпущенная птичка.

Еще зеленѣющей вѣтки Не видно, — а птичка летитъ. «Откуда ты, птичка?» — Изъ клѣтки — Порхая она говоритъ.

«Пустили, какъ видно, на волю: Ты рада?» Съ вопросомъ я къ ней; «Чай, скучную, грустную долю Терпѣла ты въ клѣткѣ своей!»—

Нимало — щебечетъ мнѣ птичка, — Тамъ было отрадно, тепло; Меня спеленала привычка И весело время текло. Летучихъ подругъ было много Въ той клъткъ; мы вивстъ расли. Хоть насъ и держали тамъ строго, Да строго за то берегли.

Учились мы піть тамъ согласно И крылышкомъ ловко махать, И можемъ теперь безопасно По цізлому світу порхать. —

«Охъ, птичка, боюсь: съ непогодой Тебѣ нелегко совладать, Иль снова простишься съ свободой: Ловецъ тебя можетъ поймать.» —

Отъ бурь подъ привѣтною кровлей Спасусь я, — летунья въ отвѣть — А буду застигнута ловлей, Такъ въ этомъ бѣды еще нѣтъ.

Ловецъ меня върно не сгубитъ, Поймавъ меня въ съти свои: Въдь ловитъ, такъ стало онъ любитъ, А въсоздана для любви. —

- 17 -.

O. H LIUHER.

Заранствуй, діятел и притель Манкта угранста кими сцена, Муль доблествой служетель. Наша поста и представатель Сливата діалества предста:

Sours in agence, stance site.

There income cone there are sours.

It indeed there are never extra.

There is next and sours extra.

There is next and section cone.

In out man — recent mande Ore character products, or m На пиры — несъ кликъ свой пирный; Въ браняхъ — благовъстью лириой Доблесть храбрыхъ возвышалъ.

Несъ въ величьи онъ спокойномъ
Тяжесть дольняго креста; —
Пълъ-ли радость гимномъ стройнымъ —
Онъ глумленьемъ непристойнымъ
Не кривилъ свои уста; —

И не мнилъ онъ обезпечить
Беззаконный произволъ —
Въ Русскомъ словъ чужеръчить,
Рвать языкъ родной, увъчить
Богомъ данный намъ глаголъ; —

И надъ этой рѣчью кровной, Вилтной призваннымъ душамъ, Не былъ ввѣренъ судъ верховный Деракой стаѣ суесловной — Дѣлъ словесныхъ торгашамъ.

Грустныхъ новостей въ пучинъ Мы, поэтъ, погружены;

Но отъ прежнихъ лѣтъ донынѣ Честно-вѣренъ ты святынѣ Благородной старины.

И за то своимъ покровомъ Сохранилъ въ тебѣ Господь Эту силу — звучнымъ словомъ Вѣчно юнымъ, вѣчно—новымъ, Оживлять намъ духъ и плоть.

Помню: я еще мальчишкой Рылся въ книжкахъ, и межь нихъ За подкрэденною книжкой Поэтическою вспышкой Зэжигалъ меня твой стихъ;

Слухъ и сердце онъ ледъялъ, — И отъ слова твоего, Отъ съменъ тъхъ, что ты съялъ, Ароматъ библейскій въялъ — Отзывъ неба самого.

Ты Кареліи природу Въ мѣткихъ либахъ очертилъ; Ты двітнадцатому году Въ родость Русскому народу Незабвеннымъ эхомъ былъ.

И теперь, на насълнив канулъ Браниый дождь — твоя пора Не ушла: ты вянгъ воспрянулъ, И по-русски первый грянулъ Православное «ура».

Средь болізненнаго віжа Живъ и здравъ ты: честь! хвала! Піснь живаго человіжа И до Серба и до Грека Христіанская дошла.

Крестъ—намъ сила; крестъ—нашъ разумъ. Къ намъ, друзья! — Изъ за креста
Мы весь міръ окинемъ глазомъ
И «на трехъ ударимъ разомъ
Со Христомъ и за Христа!»

извипешіе.

Винюсь предъ ангеломъ-ребенкомъ:

Случайно назвалъ я, шутя,
Очаровательнымъ бъсенкомъ
Игриво-бойкое дитя.
Она — (здъсь милая природа
Грамматикъ сказала: вонъ!
И потому «она — не «онъ»,
Ребенокъ женскаго былъ рода) —
Она, ушко свое склоня,
Когда молва до ней домчалась
Про эту дерзость, зачуралась,
Воскликнувъ трижды: «чуръ меня!» —
И тъмъ-же ангеломъ осталась.
О, если-бъ прежніе года

И прежній пыль!... Избави Боже!
Случись, что быль бы я моложе
И съ нею встрътилел-бъ, тогда
Отъ этихъ прелестей — бѣда! —
Страдать-бы крѣпко миѣ досталось,
И сердце полное огня
Стократъ кричало-бъ: «чуръ меня!» —
И все-бы адски бѣсновалось;
А нынѣ я, спокойно гордъ
Дерзнулъ, любуясь тѣмъ ребенкомъ,
Назвать и ангела бѣсенкомъ
Затѣмъ, что самъ я старый чортъ.

БАХУСЪ.

(Списокъ съ картины Рубенса, находящейся въ ИМПЕРАТОРСКОМЪ Эрмитажъ.)

Ухъ! какъ мощенъ онъ! Такаго
Не споишь, не свалишь съ ногъ:
Толстъ, а виду неземнаго
Не утратилъ; пьянъ, а строгъ.
Посмотрите, какъ онъ вержетъ
Взоромъ пламя изъ очей!
Какъ онъ гордо чашу держитъ, —
Самъ не смотритъ.... Кто тамъ? — Лей! —
Льютъ ему — и наклониласъ
Чаша на бокъ, и струя
Черезъ край перекатиласъ
И бъжитъ. Въ пизу дитя —

Мальчикъ. Стой! Не гибии влага Драгоцінная! Плутага Мигомъ голову свою Черезъ плечи опрокинулъ, Алый ротикъ свой разинулъ И подставиль подъ струю, И хватаетъ, шакъ въ просонкахъ Что-то лучше молока, Искры бъгають въ глазёнкахъ И багровъетъ щека. Тутъ другой мальчишка: еле На ногахъ; посоловъли У него глаза: нътъ силъ: Ужь и руки опустыль; Самъ себя не понимая, Смотритъ мутно. Негодяя Драть-бы, драть-бы за ушко! Ишь — безъ мъры натянулся! Вотъ — къ сторонкъ отвернулся, Грудь назадъ, впередъ брюшко — И.... безстыдинкъ! — Передъ вами Тутъ же съ пьяными глазами Тигръ на шаткихъ ужь ногахъ; Тамъ Вакханка взоръ свой жадный Нѣжитъ кистью виноградной, Съ дикой радостью въ очахъ.

- 23 -

Воть — взгляните на Силена: Съ губъ отвислыхъ брызжеть ийна; Словно чанъ раскрылъ онъ роть, И цёдя въ сей зѣвъ просторный Изъ амеоры трехведёрной Гроздій сокъ, — безъ смыслу дьеть, Глупо пьеть, — заранѣ бредіть, На ослѣ едва—ль доѣдетъ Онъ домой.... Дишь исполинъ Пьетъ, какъ слѣдуетъ, одинъ — Бахусъ Рубенса! — Избытокъ Черезъ край разумно льетъ И божественный напитокъ Онъ божественно и пьетъ.

Когда, въ пылу воображенья, Въ минуту сладкую поэть, Дрожа, въ припадкъ вдохновенья Творитъ красавицы портретъ — Ему съ земли до небосвода Открытъ орлиный произволъ; Его палитра — вся природа, Кисть — гармоническій глаголъ; Душа кипитъ, созданье зръетъ, И силой неба зажжено Подъ краской чувства пламенъстъ Широкой мысли полотно.

При блескѣ риомы искрометной Примецъ выспреннихъ даровъ Порою съ прелести завътной Срываетъ трепетный покровъ, Діаны перси обнажал Иль станъ богини красоты, И эти смълыя черты Сіяютъ, небо отражая; — А чернь во храмъ естества На этотъ свътъ, на эти тъни Глядитъ — и образъ божества Мараетъ грязью помышленій, — Межь тыкь, какъ съ чистою душой Друзья изящнаго искуства Благоговьють передъ той Разоблаченной красотой Въ восторгъ дъвственнаго чувства. Не такъ-ли солица свътлый шаръ Въ часы торжественнаго валета Нечистый извлекаеть паръ Изъ зыби сираднаго болота? Но то-же соляще, облаковъ Раздвинувъ пологъ, въ мигь возстанья Подъежаеть паръ базгоуханья Изъ чаши утреннихъ цаттовъ.

островъ.

Плывутъ мореходцы — и вдругъ озадаченъ Ихъ взоръ выступающимъ краемъ земли; Подътхали: островъ! — Но онъ не означенъ На картъ; они этотъ островъ нашли, Открыли, — и въ ихъ онъ владънье по праву Поступитъ, усилитъ страны ихъ державу.

Пристали: тамъ бездна природы красотъ, Еще не страдавшихъ отъ силы воинской — Жемчужныя горы! Лъсами встаётъ Изъ гротовъ коралловыхъ мохъ исполинской. Какія растенья! Какіе цвъты! Такихъ еще, смертный, не видывалъ ты.

Тамъ почва долинъ и цвътныхъ междугорій Вся сшита изъ жизни, отжившей едва — Изъ раковинъ чудныхъ, изъ массъ инфузорій; Вглядишься въ пылинку: пылинка жива; Къ цвътку-ль — великану прохожій нагнулся: Крылатый цвътокъ мотылькомъ встрепенулся, —

Иль резвою птичкой, и птичка летить
И звонко несется къ небеснымъ преддверьямъ,
И лучъ всепалящаго солнца скользитъ
По радужнымъ крыльямъ, по огненнымъ перьямъ;
Пришлецъ вдругъ испуганъ извитой змѣёй:
То стебель ползучій блеснулъ чешуёй.

И видно, какъ всходитъ, — и слышно, какъ дыпит Тамъ каждая травка и каждый лѣсокъ; Тамъ дерево жизни вѣтвями колышетъ И каплетъ изъ трещинъ живительный сокъ И брызжетъ, — и тутъ же другое съ нимъ рядомъ То дерево смерти съ убійственнымъ ядомъ.

И радъ мореходецъ. «Хвала мнѣ и честь!»
Онъ мыслить. — «Вотъ новость для нашего вѣка —
Земля неизвѣстная! Все на ней есть
И — слава Всевышнему! — нѣтъ человѣка!
Еще здѣсь дороги себѣ не просѣкъ
Мой ближній» — такъ мыслитъ и радъ человѣкъ.

«А если тамъ, дальше, и водятся люди
На островъ этомъ — прижмемъ дикарей!
Заспорятъ: жельзо направимъ имъ въ груди
И сдвинемъ ихъ глубже — въ берлоги звърей,
И выстрълы будутъ на воиль ихъ отвътомъ;
Причемъ озаримъ ихъ Евангельскимъ свътомъ.

Встрѣчал здѣсь новыл тѣни и свѣть Потомъ пусть картины здѣсь пишегъ художникъ, Трудится ученый, и тощій поэтъ, Бѣснуясь, восходитъ на шаткій треножникъ! Намъ надобно дѣло: все прочее — блажь. Намъ надо во-первыхъ, чтобъ островъ былъ нашъ.

Мы срѣжемъ мохнатыя лѣса опушки;
Здѣсь будетъ дорога; тутъ станетъ нашъ флотъ;
Тамъ выстроимъ крѣпость и выставимъ пушки, —
И если отсюда сосѣдъ подойдетъ,
Какъ силы его не явились—бы крѣпки,
Отъ вражьей армады останутся щепки.

Какую торговлю мы туть заведемъ! Давай потомъ вздить и въ даль и къ сосъдямъ! Какихъ имъ диковинъ съ собой навеземъ! Съ какимъ небывально товарцемъ подъёдемъ! Вотъ новая пряность Европ'я на пиръ!
Вотъ новые яды! Пусть кущаетъ міръ!» —

Земля подъ ногами гостей шевелится, Крехтитъ или охаетъ: тягостно ей Подъ новымъ животнымъ, пришедшимъ селиться Средь выросшихъ дико на персяхъ у ней Животно-кристалловъ, животно-растеній, Полу-минералловъ, полу-прозябеній.

А гости мечтаютъ: «хозяева мы. Безъ насъ — тутъ дремала пустая природа, И солнце безъ насъ не умалило-бъ тьмы, Безъ пошлинъ сіяя, блестя безъ дохода, Въ безплодномъ вѣнцѣ неразумныхъ лучей. Что солнце, гдѣ нѣтъ человѣка очей?» —

Но прежде, чѣмъ здѣсь пришлецы утвердились, Другаго народа плывуть корабли. Прибывшіе въ право владѣнья вступились. У первыхъ съ послѣдними споры пошли. «Сей берегъ впервые не нами-ли встрѣченъ?» — Конечно, — да нами онъ прежде замѣченъ. —

И воть — забъльли еще паруса,
И націп новой явились пришельцы:
Постойте! — Прівзжихъ гудятъ голоса, —
По праву природы не мы—ль здёсь владъльцы?
Въ сосъдствъ тутъ наша земля-материкъ.
Оторванный лоскутъ ея здёсь возникъ. —

Въ три царства пошли донесенья, какъ надо, Объ островъ чудномъ; проснулись Дворы; Толкуютъ о найденномъ вновь Эльдорадо, Гдъ золото прыщетъ изъ каждой горы; Волной красноръчья хлеснули Палаты, И тонкіе скачутъ на събздъ дипломаты.

Съвзжаются: сколько ума въ головахъ!
Какая премудрость у нихъ въ договорахъ!
А тамъ между твиъ въ ихъ родимыхъ земляхъ
Готовятся флоты, и пушки, и порохъ —
На случай. Все было средь твхъ уже дней,
Гдв эта премудрость казалась върнъй.

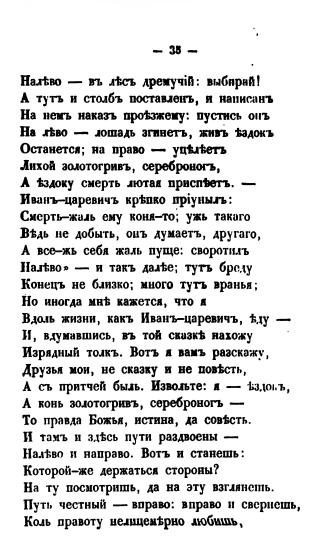
Лишь древность сѣдая, плѣняясь витійствомъ Рѣчей плутоватыхъ, имъ вѣрить могла; А впрочемъ и древле все тѣмъ-же убійствомъ, Войной нареченнымъ, рѣшались дѣла,

И мѣсто давали губительнымъ сценамъ Аенны со Спартой и Римъ съ Кареагеномъ.

И вотъ за пленительный островъ борьба Какъ разъ-бы кровавымъ котломъ закипела, Но страшное зло отвратила судьба, И лютая вспыхнуть война не успела: Готъ островъ пловучій, подъ бурный разгуль, Эднажды средь яростныхъ волнъ потонуль, —

Иль, сорванъ могучимъ крыломъ урагана Съ подводной, его подпиравшей, скалы, Умчался въ безвъстную даль океана, И скрылся навъки за тучами мглы; — А тамъ еще длились и толки, и споры, Готовились пушки и шли договоры.

Мить памятно: какъ былъ ребенкомъ я — Любилъ я сказки; вечеркомъ поранть И прыгъ въ постель, совствить не для спанья, А разсказать чтобы успъла няня Мить сказку. Та, бывало, и начитъ Мить про Иванъ—царевича: «ну вотъ» — Старушка говоритъ — «путемъ—дорогой И тдетъ нашъ Иванъ—царевичъ; конь Золотогривый и сереброногой — Дымъ изъ ушей, а изъ ноздрей огонь — Стремглавъ летитъ. Да вдругъ и раздвоилась Дорожка—то: одна тропа пустилась Направо, въ даль, черезъ гористый край; Другал—же тропинка своротилась

Да тутъ — бъда! Тутъ самъ себя погубинь И лишь конь безцѣннаго спасещь.

Такъ мив г ят Живи-жь, Направо — Да думаешь: чт Себя сгубить! — Да и давай валять ...

распутья.

ужь повернуть я

до небесъ....
я? Эво!
вернуль наліво,
лісь!

воспоминание о крымв.

Когда-то земли уголокъ золотой
Я видълъ на югъ Россіи.
Казалось, отъ въка въ ладу межь собой
Тамъ дольняго міра стихіи.
Тамъ яркое солице отъ лика земли
Сверкающихъ глазъ не отводитъ;
Тамъ море лазурною нитью вдали
Подъ самое небо подходитъ,
Вблизи-же цълуетъ раскатъ береговъ
И жмется у скалъ непробудныхъ,
А горы стоятъ въ серебръ облаковъ
Надъ глубыо долинъ изумрулныхъ.
Казалось, гармоніи въчной залогъ
Тамъ щедрой природы объятья;

Устани са тамъ, казалось, самъ Богъ
Въщаетъ всъмъ людамъ: вы — братья!
Тамъ голосъ любия подъ наитьемъ всъхъ благъ
П въ сердце-бъ злодъя проникнулъ!
И будь предо мной тамъ озлобленный врагъ —
Къ нему-бъ я невольно воскликнулъ:
«Прости! Ненавидъть тебя не могу,
Тебя презпрать не умъю» —
И кинулсъ-бъ я къ заклятому арагу
Съ любовно братской на шею!

И что же в вижу? — Плывуть корабли, Міръ стонеть отъ бранныхъ походовъ, И въ райскомъ ують родимой земли Устроилась бойня народовъ; — И гдь умягчился-бъ дикарь и злодьй -Свиртиствують добрые люди; Гдв зверь укротился-бъ, тамъ люди людей Привътствуютъ адрами въ груди, Кровавой вражды возжигають огни, Свищомъ оглушительно свищутъ, И сердца въ груди другъ у друга они Штыками и копьями ищутъ; Наводять ружья или пушки жерло, II глазъ человъческій мьтить Не въ образъ-ли Божій, коль матить въ чело, Гдь разумъ божественный свытить?

И это служители Богу креста!

На помощь убійству въ сраженьяхъ

Не встран они миролюбца-Христа,

Слепцы, призываютъ въ моленьяхъ?

И тамъ, где взвиваются пламя и дымъ,

Когда разгарается битва,

Не горькой-ли страшной насмешкой надъ Нимъ

Звучитъ эта злая молитва?

(Написано на смерть В. А. Каратычина.)

Его не стало.... Нѣтъ свѣтила Русской сцены — Первослужителя скорбящей Мельпомены. Плачь, Муза сирая: его ужь въ мірѣ нѣтъ. Фингалъ, Донской, Ермакъ, Лудовикъ, Лиръ, Гамлетъ, Цари, что изъ гробовъ имъ къ жизни вызывались, Вторичной смертію всѣ нынѣ въ немъ скончались. — Здѣсь ревностный деньщикъ великаго Петра, Тамъ бѣшеный игрокъ, ревнивый Мавръ вчера, Сегодня опъ — Король, вождь ратный иль посланникъ, А завтра — нищій, рабъ, безумецъ иль изгнанникъ, Тамъ въ пышной маитіи, а туть въ лохмотьяхъ весь, Но истинный артистъ вездѣ — и тамъ, и здѣсь,

Съ челомъ, отмъченнымъ печатію таланта; Вездъ въ немъ видълъ міръ глашатая—гиганта; Въ мгръ, исполненной и чувства, и ума, Вездъ онъ былъ нашъ Кинъ, нашъ Гаррикъ, наш Тальма.

Мит видится театръ. Вст полны ожиданья. Вдругъ — поднятъ занавъсъ — и взрывъ рукоплескань Раздался: это ты, ты вышель, исполинь! Обдуманъ каждый шагъ; ряды живыхъ картинъ — Его движенія и каждый взмахъ десницы; Въ бровяхъ — густая мгла, гроза — изъ подъ ръсницы Онъ страшенъ. На лицъ великость адскихъ мукъ. Въ его гортани мретъ глухихъ рыданій звукъ; Волнуемая грудь, всемъ слышимо, клокочетъ, И въ хохоть его отчаянье хохочетъ; Онъ бледенъ, - онъ дрожитъ - и пена на устакъ. И судорожно сжавъ въ трепещущихъ перстахъ Сосудъ съ отравою, онъ пьетъ.... Въ оцепенень в Следите вы его предсмертное томленье -Изнемогаетъ.... Палъ.... Такъ ломитъ кедръ гроза. Онъ паль; съ его чела вамъ смотритъ смерть въ глаза Спускають занавьсь. Какъ бурные порывы, Летятъ со всъхъ сторонъ и клики и призывы: «Его! Его! Пусть намъ онъ явится! Сюда!» Итть, люди, занавъсъ опущенъ навсегда;

Кулисы втиности задвинулись. Не выдеть! На этой сцент міръ его ужь не увидить. Нтть! — Смерть, которую такъ втрно онъ не разъ Во всемъ могуществт изображаль для васъ, Содълала его въ единый мигъ случайный Адептомъ высиреннимъ своей послъдней тайны.

Прости, собрать-артисть! Прости, со-человікь! Съ благословеніемъ нашъ просвіщенный віжъ На твой взираетъ прахъ несуевірнымъ окомъ И мыслить: ты служилъ на поприщі высокомъ, Трудился, изучалъ языкъ живыхъ страстей, Чтобъ намъ изображать природу и людей И возбуждать въ сердцахъ возвышенныя чувства; Ты жегъ свой еиміамъ на алтаръ искуства, И путь свой проходилъ, при кликахъ торжества, Земли родимой въ честь и въ славу Божества.

письма.

Посланія милой, блаженства уроки, Прелестныя буквы, волшебныя строки, Завѣтныя письма! — Я вами богать; Всегда васъ читаю, и снова читаю, И млѣю, и таю, и слезы глотаю, И знаю насквозь, наизусть, наугадъ.

Любуюсь я слогомъ сихъ нѣжныхъ посланій; Не вижу тутъ жалкихъ крючковъ препинаній; Въ узлахъ запятыхъ здѣсь не путаюсь я: Грамматику сердца лишь вижу святую, Ловлю недомольки, ошибки цѣлую И подпись безцѣнную: вѣчно твоя.

Бывало, посланникъ, являясь украдкой, Вручитъ мит пакетецъ, скртиленный облаткой. Глядь: вензель анакомый. На адресъ смотрю: Такъ ночеркъ неровенъ, такъ сизо чернило — И в не на мъстъ.... какъ все это мило! — «Такъ, — это отъ.... знаю»; а самъ ужь горю.

Отъ друга, отъ брата — бъгу, какъ отъ пуглаъ, Куда нибудь въ сумракъ, куда нибудь въ уголъ, Читаю.... тъ смотрятъ; я, духъ затая, Боюсь, что и мысль мою кто нибудь слышитъ; А тутъ мнъ вопросы: кто это къ вамъ пишетъ? — «Такъ — старый знакомый. Пустое, друзья.»

Въ глазахъ моихъ каждая строчка струится, И каждая буква, вгляжусь, шевелится, Прислушаюсь: дышитъ и шепчетъ: живи! Тутъ брызга съ пера — родъ нечаянной точки — Родимое пятнышко милой миѣ щёчки Такъ живо рисуетъ предъ окомъ любви.

Хранитесь, хранитесь, блаженства уроки, Безъ знаковъ, безъ точекъ — завътныя строки! Кто знаетъ? Быть можетъ, подъ рока грозой, Когда нибудь послъ на каждую строчку Сихъ тайныхъ посланій я грустную точку Поставлю тяжелой, сердечной слезой.

БЛАГОДАРЮ ВАСЪ ЗА ЦВЪТЫ.

(посв. М. Ө. Ш.)

Устранивъ высокопарность Поэтической мечты, Проще самой простоты, Приношу вамъ благодарность За роскошные цвѣты, Въ видѣ ноши ароматной, Усладительной вполнѣ, Съ вашей дачи благодатной Прилетѣвшіе ко мнѣ.

Здісь, средь красокъ дивной сміси Ярко блещеть гори-цвіть,

Подъ названьемъ «барской спѣси» Намъ извъстный съ давнихъ лътъ. Воть вербена — цвътъ волшебный: Онъ у древнихъ славенъ былъ; Чудо-дъйственно-цълебный На пирахъ онъ ихъ живилъ, Кипатиль ихъ духъ весельемъ, Дряхлыхъ старцевъ молодилъ, И подъ часъ любовнымъ зельемъ Въ кровь онъ Римскую входилъ. Чудный цвътъ! Въ немъ дышитъ древность; Жгучъ какъ пламя, алъ какъ кровь, Пламенветъ онъ, какъ ревность,. И сверкаетъ, какъ любовь. -Полны прелести и ласки Не Анютины-ли глазки Здъсь я вижу? — Хороши. Сколько нъги и души! Вотъ голубенькая крошка --Незабудка! Какъ я радъ! Незабвенье — сердца кладъ. Вотъ душистаго горошка Въетъ райскій ароматъ! Между флоксовъ, розъ и лилій Здъсь и ты, полей цвътокъ: Здравствуй, добрый мой Василій. **Милый Вася** — василекъ!

Я любуюсь, упиваюсь,
И признательнымъ стихомъ
За цвёты вамъ покланяюсь, —
И хотѣлъ—бы, чтобъ цвёткомъ
Хоть единымъ распустился
Этотъ стихъ, и вамъ явился
Хоть радушнымъ василькомъ; —
Но — перерванъ робкимъ вадохомъ —
Онъ боится, чуть живой,
Вамъ предстать чертополохомъ
Иль негодною травой.

кипарисъ.

На югѣ, гдѣ и лавръ съ оливой разрослись,
Манилъ къ себѣ мое вниманье кипарисъ.
Одѣтый въ темную задумчивую зелень
Молитвы шепчетъ онъ близь келій и молелень.
Порою — близь могилъ, спокойно—величавъ,
Онъ, бросивъ долу тѣнь, а рамена подъявъ
И къ небу вознося свой станъ пирамидальный,
Связуетъ горній свѣтъ со тьмой земли печальной:
Нѣмая проповѣдь! Усопшихъ здѣсь лишь прахъ,
Земля даетъ имъ тѣнь, а свѣтъ ихъ въ небесахъ. —
Но тотъ же кипарисъ—тамъ вѣрный стражъ кладбища—
Здѣсь входы украшалъ въ роскошныя жилища —
Въ чертоги богачей, и тутъ онъ былъ хорошъ.
Бывало, длинную аллею перейдёшь

Т вотъ — опъ съ розою махровою сталъ рядомъ, Ia прелесть обратясь могущественнымъ взглядомъ, --А гдъ цвътокъ любви свой сладкій аромать Гакъ неразборчиво всемъ предлагать быль радъ Інкующимъ гостямъ межь сивхомъ и игрою, Зуровый кипарисъ подъ жесткою корою Кранилъ свой оиміамъ, приличный Божеству; --Не дълая помъхъ земному торжеству, Энъ близь пирующихъ, какъ жрецъ, въ одеждъ тёмной: «Пируйте», говорилъ, «съ умфренностью скромной», На чаши пышныя недолговъчныхъ розъ Роняль изъ подъ кудрей святые перлы слёзъ, И полный таинствомъ глубокаго раздумья Порывы сдерживаль онъ пирнаго безумья, -И между тъмъ, какъ паръ цвътовъ со всъхъ сторонъ Лукаво дъйствовалъ на нервы дъвъ и жёнъ, Энъ въ страстный запахъ розъ и ароматъ лилейный Степенно вившиваль свой духъ благоговъйный, На краски жизни твнь накидываль слегка И вновь напоминаль, что къ жизни смерть близка, Что все покорствуеть предвичному условью, и при цвттахъ любви дышаль онъ той любовью, Которою дыша сомкнулъ свои уста Распятый на тебъ, о дерево Креста!

Такт принажетом, както примения.

В стате-ракуму гумно примения.

В стате-ракуму гумно примения.

В споито стар, вистемния.

В подобние пунко-приме

Тико в киненто то станува.

Тикония «пости Шту примени.

Тикония «пости Шту примени.

В станувания униракуми.

В станувания униракуми.

В станувания инф примения.

Что ни сделаю — все съ прорежою Иль съ заплаткою неприглядною. Вспомнишь прошлое: были случан — Сердце юное поразнъжится, Забурлять въ уме мысли жгучія, И одна изъ нихъ въ душу връжется И займеть она всю головушку -Мысль про тайную ласку дружнюю, Аль про девушку, аль про вдовушку, Аль — на гръхъ-бъду — про замужнюю. Да какъ жаркое сердце свяжется Съ этой думкою полюбовною — Вся вселенная тебъ кажется Софьей Павловной, Ольгой Львовною; Всюду прелести совершенныя, Всюду милыя, да прекрасныя, Ненаглядныя, незабвенныя! Въ небъ Лидіи очи ясныя Во звіздахъ тебі зажигаются, Вътерокъ звенитъ Маши голосомъ, Вътки дерева завиваются Насти локоновъ мягкимъ волосомъ: Стихъ горитъ въ умѣ съ риомой бѣшеной — Стихъ откованный сердца молотомъ; На людей глядишь, какъ помъщанный; Мишуру даютъ — платишь золотомъ.

Mas municol Due premieral Charme alter mours in pearspenant Съявно Лаго толь пачной ревирсти!. the inclimate or with vite crounts Developmentalists, duscriptioners i renganza trai - Cama craput THE MANDEY WHILLIS STREET, MANDEY THE Substituted in Newschild

тем или малиновый, — честь малиновый, Merade results resistant his intermittees; The ethicity among the outhoused. (The relevant many) described themselves Compression, comme, calministrations, tremment over acoust a F The rises confidence contributed to MOUNTS USERS OF APPLY ARMED Rain and Mirmin By Holonogramian' He transferences retain to Josephilia. Or Special Management, in Cambril Basements. Chicama as in aminima. Manufactured the second Thyraics moves, feelin graphin' idea a communa rec procession - -I can be at the statement from the same he many thank — though including

6% recommended to the state of the state of

А она въ ответъ полушопотомъ: Не узналь меня, мой возлюбленный! А все та-же я, только смолоду Я жила съ тобой въ женской прелести, Но прибавилось въ жизни холоду — И осунулись бабы челюсти; Цъювать меня не потянешься Счастья дать тебь не могущую, Да за то во мнъ не обманешься, Говорю тебъ правду сущую, И служу тебъ върной парою, И угрюмая, и суровая, За тобой хожу бабой старою, А за мной идетъ баба новая: Въ бълизнъ она появляется, И суха, суха — одић косточки, А пдетъ она — ухиыляется, А коса у ней вийсто тросточки. То не та коса благовонная, Что обвитая лентой тонкою И тройнымъ жгутомъ заплетённая Гордо держится подъ гребенкою, Что сущить, крушить сердце юноши, Что - корона диемъ самопышная, А разсыплется ко полуночи -Покрывало сбрось: вещь излишняя!

Для двоихъ тутъ есть чемъ закутаться, Да останется — сердцу ярому Чемъ на векъ еще перепутаться И веревку свить мужу старому. То не та коса! — Какъ свистящая Сабля острая, круто-гнутая, То коса всехъ косъ всекосящая; Съ той косой вдетъ баба лютая. Нетъ кудрей у ней — нечемъ встряхивать, Толова у ней безволосзя, Лишь косой вертеть, да помахивать, Любитъ бабушка та курносая.

прежде и теперь.

Я не люблю воспоминаній — нѣтъ! О, если-бъ все, все сердце позабыло! Пересмотрѣвъ ряды минувшихъ лѣтъ, Я думаю: зачѣмъ все это было?

Прошедшее за мною, какъ эмѣя, Шипя, ползетъ. Его я проклинаю. Все, что узналъ, ношу какъ бремя я И говорю: зачѣмъ я это знаю?

Подъ разума критической лозой Вся жизнь моя мит кажется ощибкой. На что смотрель я прежде со слезой, Теперь смотрю съ насмышливой улыбкой.

Tipoes uters cross a automoreus epopulares.

Tipoes uters cross en formacionemecrato epopulare de man, una sunt unimario menenumares.

Tomore canonera: «sunt sun foam myno!»

А для чего жились—бы в забыть
Миношней — Ченда серишина стать наложе
И на бъединись выполнять же томе,
Вся ступности былис цинтирить, —

Восциянно вниво святом ушинивов. П инотина чисти бироши За ниса продить и свястичничесть вочношья. В святом умбичества гуши.

Вись волого посе вписть з побить. В собить все от заметь запь побить!... Всещний все от заправить.

н. б. вележеву.

(при посылкъ собранія стихотвореній.)

Блюститель перваго условья
Всёхъ паслажденій жизни сей,
Вы — докторъ нашъ, вы — стражъ здоровья,
И святъ вашъ подвигъ средь людей.
Я — стихотворецъ, и на лирѣ
Дапо пграть мнѣ въ этомъ мірѣ —
Въ сей скудной сферѣ бытія,
Гдѣ мы живемъ, томимся, тужимъ; —
Но пе гармоніи—ль мы служимъ,
Почтенный докторъ, вы и я?
Впикаетъ въ тайны механизма
Тълесныхъ силъ вашъ зоркій взглядъ,

Фияда шини строина организма Regal uncergomen un ner, Tools man and, us are usmous roll, Пристронев из жини поряжеских, Sherman attenue apapears Il resonance minutes. Somethy; the reporter appropriate myste Сориалидинета на насъ. — A a mency on pometion around И цесь сантил на изривай стихъ E constitues, during was caused Кого выбъ, общущиный чъ типи, Вотность и кини и жирово auty homosestact on co 🗗 нась — ны плодиками гропила **М**исть, и — вишь самен ин пробъ — Клого предъ вашими степнями Мое гобраные ринясь и стопсь, the engineers want unput, some pitates, the mores endine at King son pengural banun utru-Benigh divinial as industry with.

РАШЕЛЬ.

написано посль полеленій ся въ роляхъ Федры и Герміоны.)

Отъ береговъ тревожныхъ Сены Предвозвъщенная молвой Верховной жрицей Мельпомены Она явилась надъ Невой. Старикъ-Расинъ взрываетъ нъдра Своей могилы и глядитъ: Его истерзаниая Федра Въ вънцъ безсмертія стоитъ, Гнетома грузомъ украшеній, Преступной страстью сожжена, И средь неистовыхъ движеній Античной предести полна.

То, минтся, мраморъ въ изваньи Пигмаліоновски-живой Томится въ страстиомъ истязаньи Предъ изумленною толной. Наъ жаркихъ устъ волной итвучей Течетъ ръчей волшебный складъ, То металически-гремучій Онъ, раздробленный въ прахъ летучій, Кипитъ и бъетъ, какъ водонадъ, — То, просъкаясь знойнымъ крикомъ, Клокочетъ онъ въ избыткъ силъ, — То замираетъ въ гулъ дикомъ И въетъ тапиствомъ могилъ.

Вотъ дивный образъ Герміоны! Какъ отголоски бурь въ глуши, Ппрокозвучны эти стоны Произенной ревностью души. Одинъ лишь разъ, и то ошибкой, Надежда вспыхнула на мигъ, И гордой Греческой улыбкой Дрекрасный озарился ликъ, — И вновь ударомъ тяжкой въсти Елены дщерь поражена — Вся пламенъстъ жаждой мести: Троянка ей предпочтена.

Какъ видъ подрытаго утёса, Что въ бездну моря смотритъ косо, Чело громадное склоня, Спокойно-страшенъ звукъ вопроса: «Орестъ! Ты любишь-ли меня?» Подъ скорбнымъ сердцемъ сжаты слёзы: «Отмсти! Возстань за свой кумиръ! Лети! Рази! Разрушь весь міръ!» Взоръ блещетъ молніей угрозы — Дрожи, дрожи, несчастный Пирръ! Въ глухихъ раскатахъ голосъ гитва Мретъ, адской гибелью гудя; Ужасна царственная дъва, Какъ Эвменида.... Уходя, Она, въ последнемъ вихре муки, Исполнясь мощи роковой, Змѣнсто взброшенныя руки Взвила налъ гифвиой головой ---II мчится — съ полотна текущей Картиной — статуей бъгущей — Богиней кары громовой.

И при захваченныхъ дыханьяхъ
Театра, полнаго огнемъ,
При громовыхъ рукоплесканьяхъ
Всего, что жизнью дышитъ въ немъ,

Зашевелился міръ могильный, Отверзлась гробовая сѣнь.... Рашель! Твоей игрой всесильной Мить арится вызванная тѣнь: Нашть трагикъ, раннею кончиной Отъ насъ оторванный, возсталъ, И устремивъ свой взоръ орлиный На твой тріумъъ, возтрепсталъ. Онъ близь тебя замѣтилъ мѣсто, Гдѣ—бъ ты могла узрѣть его Въ лицѣ Тезея, иль Ореста, Иль Ипполита твоего.

BLIOMEECA PACTERIE.

- гвенного слабостью въ дольній прахъ повержено Зъще престывается,
- огученть деревонъ на пути поддержано На него кабирается.
- Растенье гибкое вервые перевлётного Кражій стволь опутало.
- фильмось въ мошному, листьевъ тканью плотною Всю вору закутало;
- (са зъще къмерену суровону, Химих зипровител:
- съ јура на вечеро, съ вочи на утру возому
 Гуше вое становител. —
- тока ота вышено було-ба не закисало, Са превотно раским воса,
 - эти премяжето важениям, перевымых Аз потока зага рипусма

Винат каскодомт лиственнымь: въ воздухт разбраз

Стеблей кисть богатал,

Какъ волосъ всклокоченныхъ, гребнемъ непричёсания Густота косматая,

Свѣсилась, качается; — дерево-жь, навыочено Этой тяжкой ношею,

Наклонилось, сгорбилось; кажется, намучено Долей нехорошею.

Больно, грустно дереву, къ небу вмѣстѣ съ братья Нѣкогда подъятому,

А теперь согбенному, душными объятьями Безнокойно сжатому.

А відь съ лаской, кажется, съ дружбою, съ любов То растенье стелется

По стволу арежечнему, словно плотью-кровію Съ нимъ радушно ділится:

Отъ чего-жь здъсь видими участь невеселая, Съ горемъ неразлучнол?

Ахъ, — есть ляски горькія, есть любовь тяжелая И пріязнь докучная.

_ 65 _

ТРИ ВЛАСТИ РИМА.

Городъ вѣчный! Городъ славный! Представитель всѣхъ властей! Вождь когда-то своенравный, Мощный царь самоуправный Всѣхъ подлунныхъ областей! Римъ — отчизна Сципіоновъ, Римъ — метатель легіоновъ, Римъ — величья образецъ, Въ дивной кузницѣ законовъ Съ страшнымъ молотомъ кузнецъ! Полонъ силы исполинской Ты рубилъ весь міръ съ плеча ІІ являлъ въ рукѣ вониской Всемогущество меча.

т. т.

Что-же? Съ влистно теливой Какъ судьба тебя веля? Не твоинъ-т, Ринъ великой, Лошадь консуломъ была? Не средь этаго-ль Сената -By cear reprort sucunity this Круга распутанца, жрица разврата Межь сепаторовъ силълъ? II не глой-и вънценосный Царь-птвунъ звонко-голосный Шеки красиль и былагь, И, рядясь женообразно, Средь всеобщаго соблазна Гордо за-мужъ выходяль. Хохотолъ, и пъль, и пиль, И при пъсняхъ, и при съехъ Жегь тебя, и для потван, Въ Тибръ твой смирия пыль, Неложженнаго тошкть. И стръляя въ ускользиченихъ, Добивалъ недотонуванихъ, Недостръзенныхъ транить? — Страшенъ быль ты, Рикъ великой, Но не спасся, сынъ временть, Ты отъ сили полужной Грозныхъ ствере выеменъ.

Изъ лѣсовъ въ твои границы
Гость косматый забѣжалъ —
И воскормленникъ волчицы
Подъ мечемъ медѣжымъ палъ.

Городъ въчный! Городъ славный! Крыпкій мечь твой, мечь державный --Не успыть гиганта спасть: Мечъ разсыпался на части, --Но въ замънъ стальной сей власти Ты явилъ другую власть. Невещественная сила — Сила Римскаго Двора Ключъ отъ рая захватила У Апостола Петра. Новый Римъ сталъ съ небомъ рядомъ, Сталъ онъ пастыремъ земли, Цтлый міръ ему быль стадомъ, И паслись съ поникшимъ ваглядомъ Въ этой паствъ короли, И клонясь челомъ къ подножью Властелина своего. Съ праха туфли у него Принимали милость Божью, Иль тряслись морозной дрожью Полъ анавемой его.

Гробъ Господень указуи, И греми, и торжествуи, Онъ сказаль Европъ: встань! Кресть на плечи! мечь во длашь! П Европа шла на брань Въ Азио, подобно стаду, Гибиуть съ върою итмой Подъ мечемъ и подъ чумой. Мнится, Папа, взявъ громаду Всей Европы въ перегибъ, Эту ношу къ небу вскинулъ, И на Азію низринулъ II объ гробъ Христовъ разшибъ: Но разшибенное тыо, Изпълясь, закипъю Новой жизнію, — а онъ Самъ собой быль изнурёнъ — Этотъ Римъ. — Съ грозой знакомый Міръ узрыть свой тщетный страхъ: Неумъстны Божьи громы Въ человъческихъ рукахъ. Предъ очами свъта, явно, Римскихъ Папъ въ тройномъ вънцъ -Пировалъ развратъ державной Въ грязномъ Борджіа лиць. Долго въ пасть любостяжаній Римъ хваталъ земныя дани

И тучных отъ дольнихъ благь, За даянья отпирая Для дающихъ двери рая — Все молчало: всталъ монахъ, Слабый ратникъ Августинской, Противъ силы исполинской, И сильнъй была, чъмъ мечъ, Ополчившагося рачь, --И, ревнуя къ Божьей славъ, Рекъ онъ: «Божыо благодать Пастырь душъ людскихъ не въ правѣ Грѣшнымъ людямъ продавать.» Полный гитва, полный страха Римъ заслышалъ рѣчь монаха, И проклятьемъ громовымъ Грозно грянулъ онъ надъ нимъ; Но неправды обличитель Вновь возсталь, чтобы сказать: «Намъ Божественный Учитель Не даль права проклинать».

Городъ въчный! — Чъмъ-же пынъ — Новой властію какой — Ты мечемъ иль все-святыней Покоряешь міръ людской? —

Выть! паквать вышь ужь и чувст Примымъ зъ миросё на сульба: Ворсілля ясщь впруства, Вансть инишенти из тебф. Въ Кинтолій спой всечтиць He punks he Isoca wears, II безементы півшиой Полу-мертного измушть. Tool rurares - Maneu-Anneas Купага неба вдинеуль сибло Въ вупаль крана — въ твой замець. Браль онь творческій різень — **И** прієвля всѣ вичбы И величи печать Бъю-праворния глибы Начина, ступра възначь; Кисть кваталь — и въ дивноиъ блески Гласъ: «да будетъ!» — эта кисть Превращала черезъ «рески Въ изумительное: «бысть». Здісь твой вічный трудь хранится, Перуджино ученикъ, Что писаль не кистью, мнится, Но молитвой Божій ликъ: Мнится, ангель, въл даской, Съ растворенной небомъ краской

Съ высоты къ нему спорхнулъ — И художникъ зачерпнулъ Смёсь изъ радугъ и тумана, И на стены Ватикана, Посвященный въ чудеса, Взялъ и бросилъ небеса.

Римъ! Ты много крови пролилъ II проклятій расточиль; Но Творецъ тебъ дозволилъ, Чтобъ, безсмертный, ты почилъ На изящномъ, на препрасномъ, Въ сферъ творческихъ чудесъ. Отдыхай подъ этимъ яснымъ Чуднымъ куполомъ небесъ! II показывай вселенной, Какъ непрочны всь мечи, Какъ опасенъ духъ надижними, -II учи ее, учи! Покажи ей съ умиленьемъ Santo padre ceoero, Какъ святымъ благословеньемъ Поднята рука его! Прахъ развалинъ Колизея Чужеземцу укажи:

Воть онъ - прахъ теперы! - скажи: Cana Bory! - Mupuo raka, Бойня дикая молчитъ. Какъ прекрасенъ этотъ видъ, Потому, что онъ печаленъ И безжизвенъ, — потому, Что безмоляный видъ развалинъ Такъ приличенъ здёсь всему, Въ чемъ, не въ честь былаго въка, Видно звърство человъка. Пылью древности своей, Римъ, о прошломъ проповъдуй, И о смерти тъхъ людей Наставительной бестлой Жить насъ въ мірь научи, Покажи свои три власти, II, смиривъ намъ злыя страсти, Наше сердце умягчи! Чтобъ открыть намъ благость Божыо. Дать намъ видъть Божество, -Покажи надъ бурной ложью Кроткихъ истинъ торжество!

мелочи жизни.

Есть муки непрерывныя: не видно, Не слышно ихъ; о нихъ не говорятъ. Скрывать ихъ трудно, открывать ихъ стыдно; Ихъ люди терпятъ, жмутся и молчатъ.

Зарыты въ мракъ душевнаго ненастья, Онъ не входятъ въ пъснь твою, пъвецъ. Ихъ благороднымъ именемъ несчастья Назвать нельзя: несчастіе — вънецъ —

Вънсцъ святой, надътый подъ грозою, По приговору Божьяго суда. Несчастье — тернъ, обрызнутый слезою Иль кровію, но грязью — никогда. Оно идетъ, какъ буря — въ тучахъ грозныхъ Съ величьемъ; — тутъ его и тъни нътъ. Тутъ — пошлость золъ и бъдъ мелко-занозныхъ — Вседненныхъ золъ и ежечасныхъ бъдъ.

Житейскій соръ! — Едва лишь пережиты — Один ушли, тѣ сыплютъ пылью вновь, — А на душѣ осадокъ ядовитый Отъ нихъ растетъ и проникаетъ въ кровь; —

Они язвятъ подобно насъкомымъ Н съ ними тщетна всякая борьба: Лишь вихремъ бурнымъ, молніей и громомъ Разпоситъ ихъ могучая судьба.

что-то булетъ?

предразсудковъ врагъ; но и не чуждъ гаданъи адъ тайной участью цвътущаго созданьи, ступающаго въ свътъ съ чувствительной душой сердцемъ трепетнымъ. Что будетъ? — Боже мой! то дъву юную ждетъ въ этомъ міръ строгомъ, огатомъ въ горестихъ, а въ радостихъ убогомъ? акой ей въ жизни путь судьбой опредълёнъ? то будетъ спутпикъ ей? Кто будетъ этотъ опъ? мит хотълось—бы не пошлые привъты й дать въ приданое, но добрые совтты, на далекій путь снабдить ее притомъ орожной граматой, хранительнымъ листомъ. О рокъ земной! Силгчись: рукою всемогущей съданью нъжному дай свътлый день грядущій! » —

Такъ съ теплой просьбою взываю я къ судьбѣ:
«Не изомни цвѣтка, врученнаго тебѣ!
«Злой бурей не обидь едва разцвѣтшей розы!»—
А тамъ, отъ тихихъ просьбъ переходя въ угрозы,
Я повелительно судьбѣ въ глаза смотрю,
И пальцемъ ей грозя: такъ помни-жь! — говорю,
Какъ будто-бы она должиа быть миѣ послушна,
А та на все глядитъ спокойно, равнодушно.

исходъ.

Се — Моисей повелъ народъ:
За нимъ — Египетскіе кони,
Громъ колесшицъ и шумъ погони;
Предъ нимъ лежитъ равнина водъ; —
И осуждая на разлуку
Волну съ волною, надъ челомъ
Великій Вождь подъемлетъ руку
Съ ея властительнымъ жезломъ:
И море, вспъиясь и отхлынувъ,
Сребромъ чешуйчатымъ звуча,
Какъ звърь взметэлось, пасть разинувъ,
Ијетиня гриву и рыча,
И грудь волнистую натужа,
Не зря, отколь идетъ гроза,

Вдругь на невъдомаго мужа Вперило мутиме глаза -И видатъ: цень съ да оброснить, ъ берегаять. Housen's one, cake Могущь, блист къ Іосичъ, И Бога полиъ, ка авиъ: Анкъ осіянъ выш ACKAM: Величье ли Не зыблеть вытръ его дежды; Подъ бурей тихо на плечахъ Лежатъ власы его льняные, И чудотворною рукой Подъять надъ бездною морской Жезлъ, обращавшійся во змія, И въ спорѣ пламени и мглы Ревутъ у ногъ его валы.

И се — небесной мощи полный Надъ бездной окомъ онъ блеснулъ, И моря трепетныя волны Жезломъ разящимъ расхлеснулъ — И вея пучина содрогнулась, И въ смертномъ ужасъ онз, Приветавъ съ дымлицагося дна И возстенавъ, перевернулась, И тожный вътеръ, въ двъ стъны И съ той и съ этой стороны

Валы ревущіе спирая,
Сдержаль ихъ крѣпкою уздой,
Проникъ до дна, и въ край изъ края
Пучину моря раздирая,
Широкой взрыль ее браздой,
И волны, въ трепетв испуга,
Свой тяжкій подавляя стонъ,
Взирають дико съ двухъ сторонъ,
Отодвигаясь другъ отъ друга,
И средь разверстой хляби водъ
Во слѣдъ Вождю грядетъ народъ, —
Грядетъ — суха его дорога;
Стихія стала вдругъ рабой:
Она узрѣла предъ собой
Того, который видълъ Бога.

Погоня въ слъдъ; но туча мглы Легла на вражескія силы; Отверзлись влажныя могилы; Освобожденные валы, Не видя надъ собой угрозы, Могущей всиять ихъ обратить. Стремглавъ спъщатъ совокупить Свои бушующія слёзы, И съ дикимъ ревомъ торжества Вступя въ стихійныя права —

Валимно-узнанные братья— Другь другу пинушев из объятья, И жадно единнуют съ грудыю грудь, Приям свой обычный путь.

> И прешель чреть хлябь морскую, И посибель эря враговъ, Изспь везноситъ таковую Сонмъ Израиля сыновъ:

«Воспоемъ въ Предвъчному: Славно-бо прославися! Ввергъ онъ въ море бурное И коня и всадника. Бысть мив во спасеніе Богъ мой — и избавися. Пойте Безконечному: Славно-бо прославися!

Кто тебя равнымъ, Боже, поставленъ? Хощень — и бурей дхиутъ небеса, Море висохиетъ, бури прославленъ! Диненъ во славъ творий мулеса! ٨

Онъ дохнетъ — и смерть готова. Кто на споръ съ нимъ стать возмогъ? Онъ могущъ; онъ брани Богъ; Имя Вѣчному — Егова. Онъ карающъ, святъ и благъ; Жнетъ враговъ его десница: Въ безднъ моря гибнетъ врагъ, Тонутъ конь и колесница; Онъ восхощетъ — и средь водъ Невредимъ его народъ.

Громъ въ Его длани; ликъ Его ясенъ; Солнце и звъзды — Его словеса; Кротокъ и грозенъ, благъ и ужасенъ: Дивенъ во славъ творяй чудеса!»

И въ веселіи великомъ
Со женами Маріамъ,
Оглашая воздухъ кликомъ,
Ударяетъ по струнамъ,
Въ силу Божьяго закона
Въщимъ разумомъ хитра
Мужа правды — Аарона
Вдохновенная сестра.
Хоръ гремитъ, текутъ напѣвы,

Раздается звонкій кликъ: «Богъ Израиля великъ!» Вторятъ жены, вторятъ дъвы, Вторятъ сердце и языкъ: Онъ великъ!

А исполненный святыни, Внемля звукамъ пѣсни сей, Въ предлежащія пустыни Тихо смотритъ Моисей.

- 83 -

ЛЕБЕДЬ.

Вътерокъ едва колышетъ
Воду въ сонныхъ берегахъ.
Статный лебедь тихо дышитъ
Въ шопотливыхъ камышахъ.
Грудь, какъ парусъ, пышно вздуга,
Бълоснъжна и чиста;
Шел, загнутая круто,
Гордо къ небу поднята, —
И проникнутъ упоеньемъ
Онъ, въ спокойной красотъ,
Надъ своимъ изображеньемъ
Опрокинутымъ въ водъ.

Что такъ важно, лебедь бѣлый, Ты глядинь по сторонамъ?

Иль свершиль ты подвигь смелый? Иль доставиль пользу намъ? «Нѣтъ, - я праздно, говорить онъ, Нѣжусь въ водномъ хрусталь, Но не даромъ я упитанъ Духомъ гордымъ на земль. Жизнь мою переплывая, Вѣчно вымытъ до бѣла, Я плыву — и грязь земная Не пятнаетъ мнѣ крыла. Отряхнусь — и сухъ я стану, Встрепенусь — и серебристъ, Запылюсь - я въ волны пряну, Окунусь — и снова чистъ. На брегу пустынно-дикомъ Человъка я встрѣчалъ Иль нестройнымъ, гнфвнымъ крикомъ, Иль таился и молчалъ, — И какъ голосъ мой чудесенъ Не узнаетъ онъ вовъкъ: Онъ не стоитъ сладкихъ пъсенъ -Злобный, жалкій человъкъ. Но — въ мигъ смертный, въ сладкой мукъ, Я, прильнувъ къ моимъ водамъ, Вдохновенной пъсни звуки Прямо небу передамъ.

Завъщаю, въ память свъту, Я не злато, не сребро, Но изъ крылій дамъ поэту Чудотворное перо, — И блаженный мой наследникъ Да почтитъ меня хвалой, И да будетъ онъ посредникъ Между небомъ и землёй! Туча думъ найдетъ: могучій То перо возьметъ — пора! И подъ мглою думной тучи Брызнутъ молніи созвучій Съ лебединаго пера. — Отъ груди моей остылой, Гав виталь летучій духъ, Въ изголовье дъвъ милой Я оставлю мягкій пухъ, -И когла любовь отгонитъ Сонъ отъ дъвственныхъ очей, На него слезу уронитъ **Д**ѣва въ сумракѣ ночей, Косъ вношихся змъями Этотъ пухъ переплететъ, Обовьеть его руками, И прильнетъ къ пему устами И къ груди его прижметъ,

И огнемъ ея дыханья Этотъ пухъ начнетъ дышать, И на персей колыханья Колыханьемъ отвъчать.

Я исчезну, — и средь влаги, Гдѣ нырялъ я, полнъ отваги, Не увидитъ міръ слѣда; Но на мѣстѣ, гдѣ плескаться Такъ любилъ я иногда, Будетъ тихо отражаться Ночи мирная звѣзда.

ГРУСТНАЯ ПЪСНЯ.

Плохо! Чъмъ живется доль,
Тъмъ живется хуже.
Пріютился-бъ въ горькой доль
Сердцемъ, — да къ кому-же?

Бродишь старымъ сиротою;
Вст мнт какъ-то чужды;
Какъ живу и что со мною —
Никому нттъ нужды.

Есть у Божьей церкви, съ краю, Тихая могила. Тамъ лежитъ одна — я знаю: Та меня любила. Не за то, чтобъ точно было Все во мих такъ мали, А за то меня добила, Что веня родила.

Пануренная, больная, Драхма, бывало, Тужинь, вщень ты, родная: «Гдв дита произло?»

А сынокъ твой одуркамй
Рыскагъ все по свъту;
Смотришь: нътъ его день пълый,
Да и къ ночи нъту.

Бъдной матери не спится;
Слезъ полна подушка:
«Мало-ль можетъ что случиться?»
Думаетъ старушка.

«Страшенъ ворогъ пеключимый Въ эдакую пору Не попался—ли родимый Аиходѣю—вору?

Не ограбили-ли сына? , ... Живъ-ли онъ желанный?» — Чу! Идетъ домой дѣтина, Словно окаянный —

Встрепанъ, блёденъ, смотритъ дико, Волосъ въ безпорядкѣ, — Самъ трясется вёсь.... поди-ка: Върно въ лихорадкѣ!

Да, онъ боленъ, онъ разслабленъ, Онъ ужаленъ змѣемъ, А пожалуй и ограбленъ — Только не злодѣемъ,

А разбойницей—злодъйкой,
 Ръзвою дъвчонкой,
 Съ черной бровью, съ бълой шейкой,
 Съ трелью ръчи звонкой.

Аншь закинула словечко — И поддѣла разомъ Изъ груди его сердечко, Изъ подъ шапки разумъ; Всю въ немъ душу возмутила Дъпвольскимъ соблазномъ, И домой его пустила Въ видъ безобразномъ.

А сама....и горя мало!
Жалости ни крошки!
Такъ и плящетъ съ къмъ йопало,
Только брызжутъ ножки.

Я-жь лежу, горю и таю, Думаю: кончина! Н за грудь себя хватаю — То-то дурачина!

Мать горюеть; слезы сжаты; Смотрить на больнаго; Говорить: напейся мяты Иль чайку груднаго!

Эхъ, родная! — отвъчаю: Что тутъ чай и мята, Гдъ отрады я не чаю, Гдъ душа измята? — **- 91** -

Чу! звонятъ. Гляжу: могила! И мой жребій понятъ. Лишь одна меня любила, Да и ту хоронятъ.

И замкнулася тоскою Жизнь моя блажная. Ты зовешь меня къ покою: Подожди, родная!

Подумвень, из чему всё эти бури — Гроза страстей — Мий така мето съ тёхъ в Кака на тебя упаль мой бёдный взоръ И плавить сталь очей твоихъ въ дазури. Мий кажется — я така тебя люблю, Такъ хороно мий было-би съ тобою. Такъ по себъ, что я съ мосй судьбою Поладил-бы и на душу мою Сошла-бы та спокойная отрада, То тихое ловольство добрьехъ душъ. Которато не тросой, не нарушь — И шичего ужь болёт не наде!

я з н а **1**0.

Я знаю: томлюсь я напрасно; Я знаю: люблю я безплодно; Ея равнодушье мнѣ ясно, Ей сердце мое — неугодно.

Я нѣжныя пѣсни слагаю, А ей и внимать недосужно; Ей, всѣми любимой, я знаю, Мое поклоненье не нужно.

Рѣшенье судьбы неизмѣнно. Не также-ль средь жизненной битвы Мы молимся небу смиренно, — А нужны-ли небу молитвы?

the season and the season of the seasons of the seasons and the seasons of the se

A to the second of the second

CMBHTECH!

Еще недавно мы знакомы, Но я ужь долженъ вамъ сказать, Что вы усвоили пріёмы, Чамъ можно сердце потерзать; Вы вникли въ милое искуство Пощекотать больное чувство, Что-бъ послъ, подъ его огнемъ, Свои фантазін на немъ Съ прегармоническимъ расчётомъ Такъ ловко, върно, какъ по нотамъ, Слегка разыгрывать, смѣясь: Вездъ вамъ музыка далась! Вы проходили эту гамму, -И съ страшной злостью васъ любя, Въ угоду вамъ, я самъ себя Готовъ поднять на эпиграмму.

Смограть ужь подию мих, комещее Да, — сомняюсь чистоперации.

Мон мечты — анахроннять.

О, смейтесь, смейтесь смехона выверення быть забанняють. В правде-дь — чувства такъ сметом. Простите! Я вернусь къ разочну.... Когда-жь мы встрътимся опять — Мы обратимъ все это въ шутку И будемъ вукстъ хохотать.

ВОСПОМИНАНІЕ

(посвящено налияти Жуковскаго и Пушкина.)

И Жуковскій отлетьть отъ міра;
Кончена молитва этой жизни;
Пережить онъ нами — чулный старецъ
Вѣчно-юный. — Онъ быль представитель
Чистаго стремленія души
Къ неземной, божественной отчизнѣ;
Взоръ его сіяль тѣмъ кроткимъ свѣтомъ,
При которомъ такъ просторно мыслямъ.
Такъ отрадно сердцу, такъ тепло;
На челѣ задумчивость святая
Тихо почивала; райской гостьей
Прилетала на уста поэта
Мирная улыбка, чтобъ на нихъ
Отдохнуть подъ свѣжей гѣнью грустм —
т. Ш.

Въстини другого пазначенъя,

На мид его изпечетавиной.

Ръм его запистично текла

Нав душевной глубши, подъемиеъ

Дегамать паромъ мощнаго вулкана,

Въ думу погруженнаго, который

Скрыть свой пламень из потаенныхъ издрахъ,

Чтобъ земли напрасно не полебля,

Винь слегка даминичен диханьенъ

Возивщить ей о великой сплв. Самовластно сжавшей свой порывъ. -Гивимъ зичкомъ памекать о громъ. Намъ песлышномъ. — Помию в собранья Поль его гостепримнымъ кровомъ Вечеры Субботнія: равою Напавивали гости и являлся . hu » — черноку правый, огнеокій, Пламенный Оприна создатель, й его веселый, грожкій хохотъ Часто быль шаговь его предтечей: Ивтий умъ сверкаль въ его разсказв; виих ытдэк выплавирутовы Іливинансь пепрерывно: губы, I не менямия, жизненими движеньемъ **Минати враилю киплаестя** урной мисан. Часто какой влостью

Остріе играющаго слова
Оправляль онъ; но и этой влости
Было прямодушіе основой —
Благородство творческой души,
— Мучниой, тревожимой, язвимой
Низкими явленьями сей жизни.

Какъ теперь гляжу на нихъ обоихъ --Па того и этого. Одина Весь проникнутъ тапиствомъ мечтанья, Не легко могъ ладить съ этой жизныо, Съ этою существенностью, гдв Иногда вифилють въ преступленые И мечту святую. Оторваться Трудно было жертвоносцу Музы Отъ завътной думы, отъ примания Тайной мысли — даже и тогда, Какъ бываль онъ въ чинной раме света, Гав поэту надо спрятать душу, Чтобъ спастись порою отъ насмѣшки Жалкой и тупой, но ядовитой. Въ міръ, гдъ и добродътель даже Невсегда терпима и умъстна, Въ этомъ мірѣ, гдѣ она должна Время знать и появляться кстати, Неизбъжны тяжкія боренья Для души, прекраснымъ увлеченной.

Но праеть Уплина могь за то
Ладить самы съ собою: нь глубинт
Теплой втры, съ глазу на слазь съ серднеть.
Будуни асили сей миналь гостемь,
Онь умъть и адесь, нь гостемь, быть домь, —
И ступисиный правъ земной невяющи
Въ мининой ширинт души поэта
Долженъ быль ръсть и усспеться,
Разръшнася нь тупанъ пропрачино,
Озаренный радугой фанталій.
Страсть его нь молитву обращалась,
Въ онизамъ и жертву Божеству.

А другой — стать властельномъ жизни
Былъ способенъ, сплой кръпкой воли
Отръшиться отъ мечты порою
И взглянуть на вещи мъткимъ взоромъ,
Проницающимъ и самый камень,
Свътомъ называемый: за то
Совладать съ собою было трудно
Этому гиганту; — съ бурнымъ чувствомъ —
Съ этимъ Африканскимъ ураганомъ —
Снъ себя не могъ преодолъть.

но вемное разкое несходство на поэтовъ — ихъ не удаляло.

Другъ отъ друга: общій признакъ Бога — Вдохновенье (') — ставило ихъ рядомъ Подъ одно божественное знамя, Братской дружбой руки ихъ смыкая. — Отъ чего-жь, я думаю порой, Межь людьми горятъ вражда и злоба? Ратники несходныхъ вёръ и мнёній, Разныхъ силъ, въ вооруженьяхъ разныхъ — Развё не должны они, какъ братья, Узнавать другъ друга по призванью, Ясному въ значеньи человѣка? Не одно-ль надъ ними вѣетъ знамя — Божье знамя? Не къ одной-ли битвѣ Противъ зла — единаго врага — Ополчилъ ихъ вѣчный Вождь небесный?

Помню: уѣзжая въ край далекій, Гдѣ ждала невѣста молодая Нашего Жуковскаго, онъ молвилъ:

- •Вотъ нашелъ я Музу на землъ.
- ∢Бду къ ней подъ золотое небо.
- «Тамъ я кончу поприще земное.

^(°) Выраженіе Пушкина въ разговоръ киптопродавца съ поэтомъ.

«Веневнийте обо жий Простите!»
Она укалев. Кного доей прогувляють.
Така — на Гермина — заку-родной
Волему принятелю, за отчинай
Милееро, поперато мина. Русския,
Волемили она, чан миную душу
Ига споий почениений души
Перевила на доступное ших слию, —
Така — на бестай са мущешних—Гонероха

Жиль онь, и божественные стария
Воспріемля вішіе разсказы,
Отражаль ихъ напъ въ волисбныхъ звукахъ
Русскаго гензаметра и віяль
Въ серлие наше Греческою жизнью.
Такъ себя онь продолжаль и вончиль.

Тоть — кничей, прежде отлетьний
Въ лучшій піръ, безаременного смертью
Сорванъ быль, когда поэта геній
Імшь вподні развиль свою мегучесть.
Онь широкнять, львинькі перессокомъ
Въ вічность перенесся, до конца
Вірный быстроті своихъ динженій.
Вдругь сказаль онь: «кончено», — п бросивъ
Науъ свой прахъ, душой воспринуль къ небу
Этоть — отъ своихъ единоземцевъ
Въ удаленья — долго испарался,

Чистымъ воздымаясь онизамомъ.
Онъ, вдали, какъ призракъ свётоносный, Болте и болте терялся
Въ глубинт безоблачнаго неба,
И къкъ звукъ, Эоловою арфой
Изнесенный, замирая сладко,
Утихалъ онъ, — и — конца не слышно:
Онъ, и исчезая, продолжился.

Тота хотіль какь будто-бъ — самой смертью Вдругь расторгнуть візную преграду, Что живых отъ мертвых отділяеть, — Распахнуть намъ настежь эти двери И открыть надъ міромъ въ полномъ блескі Неба світозарнаго пучину. Этота, мнится, возносясь, хотіль лишь Отодвинуть только край завісы, Между небомъ и землей простертой, Чтобъ не вдругь сіяціемъ безмірнымъ Поразить намъ нёмощныя очи, Къ сумраку привыкшія земному.

И его не стало.... Нѣтъ обоихъ! Ихъ не стало; но святые звуки Лпръ ихъ сладкострунныхъ вѣчно живы. Томъ намъ въ душу пламенные ямбы

Мечеть, и упругий сталью слива Провода глубокія бразды По сердцамъ, оледенъть готимить, Вспихиваеть почку, обжигая Кории закосићење, и зерва Вбрасываеть имеля пладитворнов П живаго, трепетнаго чувства Ва этота прака, побъти вызывае Чидной жизне изъ зодольной грани Этоть — двется внучения слезвии Жаркими, истекцими изъ сердца, Глт горить огонь неугасимый, Но въ земной прохладной атмосферъ Освъжавсь, падають онь, Какъ роса, на грудь зечли несчаптной, Чтобъ ее, изсохшую, увлажить, Умягчить и утолить ей жажду, **А** потомъ онъ восходять снова Легкимъ паромъ, сифизаннымъ съ дыханьемъ Ими орошенныхъ здабовъ дольнихъ И цвитовъ, въ свое родное небо --Къ въчному истоку своему.

СНОВИДВНІЕ.

(Написано послъ посъщенія Гостилиць.)

Мит видтася сопт. — упонтельный сонъ.

Мна снилось: изъ пыли враждебной

Чрезъ море и сушу я былъ унесенъ

И замокъ предсталъ мнѣ волшебный.

Красиво смотрѣлъ онъ съ своей высоты

На прелесть природы окрестной;

Лаская его обнимали цвъты

При блескъ лазури небесной.

Въ фонтанахъ, въ каскадахъ, подъ солица лучемъ Вода говордиво ръзвилась,

То била изъ грота студенымъ ключемъ,

То озеромъ свътлымъ ложилась, -

И пичка, азлетая, весслую трель
Въ пространстит небесъ выводила.
А из водномъ потокт играла ворель
И стерлядь степенно ходила. —
Роскопниле виды со встат такъ сторонъ
Являщсь несытому артимо;
Приятию вивали и всень и влёнъ
Втилии съ отрадною тинно.
Розумный владъецъ все самъ насадилъ,
Самъ доброй рукою посталъ,

Н каждый изсохийй сучекть отдалиль

И сважной заботой ходиль онъ окресть,

Призыву хозяйства послушно, —

И чудные виды планительных масть

Указываль гостю радушно. Все было прекрасно! Но лучше всего, Что тамъ озаряла денница,

Н лучше встать видовъ, и замка того, Была того замка цэрица.

живой, христіанской, святой теплоты Являюсь въ очахъ ея много,

И кроткаго лика сілли черты
Глубокою върою въ Бога,

И ясно ея выражало чело
Дѣлъ добрыхъ прекрасную повѣсть,

И сердцу при ней становилось тепло,

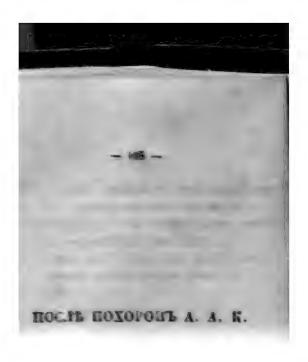
Цълилась политвою совъсть.

Исчезнулъ мелькнувшій мит сладостный сопъ,

Но сердце его сохранило,—

И думаю: Боже! какъ дсенъ былъ онъ!

Да полно во снъ-ль это было?

ниель отв нашей кутерьмы.

то полоронный мы.

ть: ень жиль.... Но жить нужна снаровка,

к жиль и лайствоваль неловко,

мальчи осредся цалый валь —

, рашиль такелый человать!

з всемъ сасеобразно мыслиль:

то саать нь чудалить причислиль.

кжену нежай и лобра

гла могь — солнаться въ томъ пора! —

его гвориль рукой негибкой,

правиль притного ульбой,

иль соватомъ, доль благить

закив, но жесткихь и путимъ.

Послѣднее казалось и не нужно! Выслушивать мораль намъ недосужно; Иной его за это осудилъ, — Такъ и добромъ онъ намъ не угодилъ.

Онъ честенъ былъ; читалъ; любилъ науку, Поэзію; — себъ не грълъ онъ руку Чужимъ добромъ, когда и случай былъ ---Такой чудакъ! — Бывало, говорилъ, Что ежели на это покуситься, То надобно ему тъхъ благъ лишиться, Которыми онъ осчастливленъ такъ, Когда сидитъ за книгою: чудакъ! Поэтому, средь книгъ ему утъшныхъ, Доходовъ опъ, подъ именемъ безгръшныхъ Извъстныхъ намъ, какъ язвы избъгалъ, И, странностями полный, полагалъ, Что эдакъ за житейскую удобность Продашь души священную способность Высокимъ наслаждаться. — Противъ зла Его душа въ борьбъ изнемогла, И въ немъ еще задолго до могилы Разстроились всѣ жизненныя силы И мысли свътъ померкнулъ. Умеръ онъ: Немного лицъ къ обряду похоронъ Прівхало; — забыли иль не знали, И, можетъ быть, съ ужимкою сказали,

подумаешь — и какъ-то грус Да, точно, опъ былъ странен Порой тяжелъ, по — человъкъ По совъсти памъ не сказать, Что многое въ немъ было так И многое — глубоко-человъче

прометей.

Стянутъ цѣпію желѣзной Кто, съ безсмертьемъ на челѣ, Надъ рэзинутою бездной Пригвожденъ къ крутой скалѣ? То Юпитеромъ казнимый Съ похитительнаго дил — Прометей неукротимый, Тать небеснаго огня! Цѣпь изъ кузницы Вулкама Въ члены мощнаго Титана Вгрызлась; рѣзкое вольцо Сводитъ выгнутыя руки; Съ выраженьемъ гордой мукв Опрокинуто лицо;

TO DESCRIPTION OF THE PROPERTY OF THE PROPERTY

The street of the line of the

«Успокойся!» — вдругъ онъ слышитъ —
Точно воздухъ говоритъ, —
«Успокойся — и смиреньемъ
Гнѣвъ Юпитера смири!
Бѣдный узникъ! Говори,
Подѣлисъ твоимъ мученьемъ
Съ нами вольными: за что
Ты наказанъ, какъ никто
Изъ безсмертныхъ не наказанъ?
Ты узломъ желѣзнымъ связанъ
И прикованъ на землѣ
Къ этой сумрачной скалѣ.» —

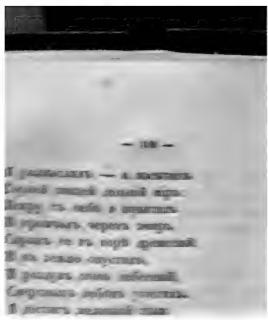
Вамъ доступно состраданье, — Началъ онъ, — внимайте-жь мнѣ, П мое повъствованье Скройте сердца въ глубинѣ! Межь богами, въ ихъ совътъ, Разъ Юпитеръ объявилъ, Что весь родъ людской на свътъ Изтребить онъ разсудилъ. «Родъ, подобный насъкомымъ! Люди! — рекъ онъ, — жалкій родъ! Я васъ молніей и громомъ Разражу съ моихъ высотъ. Недостойныя творенья! т. пп.

Незаметно въ васъ стремленья Къ свътлой области небесъ; Ньть въ васъ выспренняго чувства: Васъ не двигаютъ искуства; Весь вашъ міръ - дремучій ліст. Молча, сониъ боговъ безпласныхъ, Громоносному подвластныхъ, Симъ словамъ его внималъ. Всь склонились — и возсталь. О, какъ гивно, какъ сурово Онъ ваглянуль на мой порывъ! Онъ умолкъ, я началъ слово: Грозный! ты несправедливъ. Страшный замыслъ твой — обида Правосудью твоему: Ты-ли будешь врагъ ему? Грозный! Мать моя — Өемида Мић вложила въ плоть и кровь Къ правосудію любовь. Где-же жить оно посмветь, Гав-же место для него, Если правда онвиветь У престола твоего? — Насъкомому подобенъ Смертный въ свой короткій вѣкъ, По и къ творчеству способенъ Этотъ бренный человькь.

Вспомии міра малольтство! Силы спять еще въ зериь. Погоди! Найдется средство — И воздъйствують онв. —

Я сказалъ. Онъ сталъ ворочатъ Стрълы рдяныя въ рукахъ! Гнъвъ висълъ въ его бровяхъ: «Я готовъ мой громъ отсрочить!» Возгласилъ онъ — и возсталъ.

Громъ отсроченъ. Льется время.
Какъ спасти людское племя?
Непрерывно я искалъ.
Чъмъ въ суровой ихъ отчивив
Двигнуть смертныхъ къ высшей жизни?
И загадка для меня
Разръщилась: дать огня!
Дать огня имъ — кропику свъта —
Искру въ пеплъ и золъ —
И воспрянетъ разогръта
Жизнь иная на землъ.
Въ дольнемъ прахъ, въ дольнемъ хламъ
Искра та горъть нойдетъ,
И торжественное пламя
Небо заревомъ зальетъ.

Toma nome ministr — I was the semilar. SWITCHLAR BURGE CHICLER'S METALLY TROPPEDE R organy, night, recention. 113 The Figure 1984 Plante The state that which the Promot riconal moderate. Kori in rahm unjusia. Cargonalik manjara Mangada. Kurs merios munus, prise B MANNER LANGUETTA KLE. Bods an impain tyoning migh Legick more apporture Spaceards: By park that when theres; Возменуль капень поль паков. Банень из провы строновлися; MURROUPS OF SUPERIOR OFFICER.

- 117 -

И паря надъ темнымъ дномъ Въ море вдался волнорѣзомъ Літсь, прохваченный жельзомъ, Окрыленный полотномъ. Лиръ серебряныя струны Гимнъ воспъли небесамъ. И въ восторгв стали юны Старцы, внявъ ихъ голосамъ. Вотъ за что я на терзанье Пригвожденъ къ скалъ земной! Эти пъпи — наказанье За высокій подвигь мой. Мит предвъдънье внушало, Что меня постигнетъ казнь, Но меня не удержала Мукъ предвидънныхъ боязнь, И съ Юпитерова свода Жребій мой меня послаль, Чтобъ для блага смертныхъ рода Я, безсмертный, пострадаль. -

Полный муки непрерывной Такъ въщалъ страдалецъ дивный, И внимая ръчи той Нимъм легкія на воль

Officero and continued to the Harmon and and Aymod, II no ama Oponeros.

Rese oponeromente strepaore, Cetama yere manuelle ata, Utaman ure referere.

НЪСКОЛЬКО СЛОВЪ О КРЫЛОВЪ

(при воздвигнутом в ему памятникт.)

Довольно и бѣглаго взгляда:

Возсѣлъ — вы узнали безъ словъ —

Средь зелени Љѣтняго Сада

Отлитый изъ бронзы Крыловъ, —

И видимо въ думѣ глубокъ онъ,

И что̀—бъ то за дума была —

Подслушать навѣсился локонъ

На умную складку чела.

Разогнута книга; страницу

Открылъ себѣ дѣдушка нашъ,

И ловко на льва иль лисицу

Нэмѣченъ его карандашъ. —

У ногъ баснописца во славѣ

Разсыпанъ звѣрей его міръ:

Квартеть въ его полномъ составъ, Ворона, добывшая сыръ, И львы и болотныя твари, Истухъ надъ жемчужнымъ зерномъ, Мартышекъ лукавыя хари, Барашки съ пушистымъ рупомъ. Не вся-ль тутъ животность предстала, Металломъ себя облила И группами вкругъ пьедестала Къ ногамъ чародъя дегла?

Вы помните, люди: межь вами Жилъ этотъ маститый старикъ, Правдивыхъ уроковъ словами И жизненнымъ смысломъ великъ. Какъ мъткій быль взглядь его ясень! Какія вамъ истины онъ Развертываль въ образахъ басенъ, На притчи Творцемъ умудрёнъ! Умъль-же онъ истины эти Въ такую одежду облечь, Что разомъ смекали и дъти О чемъ ведетъ дъдушка ръчь. Представиль онъ матушкт-Руси Разсказъ про гусиныхъ дътей. П слушали глупые гусп ---Потомки великихъ гусей.

- 121 -

При басит его о состать Состав на состав кивалъ, А притчу о Мишкъ-медвъдъ Съ улыбкой самъ Мишка читаль. Пріятно и всімъ безобидно Жилъ дъдушка, правду рубя. Иной.... да въдь было-же стыдно Узнать въ побасенкъ себя! И кто предъявилъ-бы, что колки Намеки его на волковъ, Тогъ самъ напросился-бы въ волки, Признался-бъ, что самь онъ таковъ. Онъ создалъ особое царство, Гдѣ умнаго дѣда перо Карало и злость и коварство, Вънчая святое добро. То царство звъринаго рода: Все левъ иль орелъ его царь, Какой-нибудь слонъ — воевода, Плутовка-лиса — секретарь; Тамъ жадная щука — исправникъ, А съ парой предлинныхъ ушей Всеобщій знакомець — наставникъ, И набранъ совътъ изъ мышей. Въдь, кажется, все небылицы: Съ котломъ тамъ дружится горшокъ И сшитый изъ старой тряпицы

BI seminara moverta misposa : Такъ есть говорящих режин II въ споря съ ручьенть полоща II слино вака на -- человани Такть кимин, пруды конорить. Кажись, басполноски усвящих Hero as namera mpt a mira. Подужаены — старень нестроиль Какой частастическій свыть, А после, когда оглидишься Въ дъйствительномъ міръ кругомъ -Всей мъткости правды дивишься Захваченной деда стихомъ, И бездну житейскаго толка Найдешь въ его складныхъ ръчахъ. Увидишь двуногаго волка Съ лгненкомъ на двухъ-же ногахъ; Тамъ въ перьяхъ павлиньихъ по модъ Воронья распущена спъсь, А вотъ и осель въ огородь: «Здорово, прінтель, ты здъсь.» Увидишь тахъ въ горькихъ утахахъ, А эту въ почетной тоскъ: Безаубую быку въ оръхахъ II плянущихъ рыбъ на пескъ, — II взоръ наблюдательный встрѣтитъ Там в -- рыльце из пушку, такъ -- судыо,

Довольно и бъглаго взгляда: Возскаъ — вы узнали безъ словъ -Средь зелени Лѣтняго Сада Отлитый изъ бронзы Крыловъ, ---И станутъ мелькать мимоходомъ Предъ ликомъ пъвца своего Съ текущимъ въ аллев народомъ Холячія басни его: Пойдутъ въ человъческихъ лицахъ Козлы, обезьяны въ очкахъ; Подъбдутъ и львы въ колесницахъ На скачущихъ бурно коняхъ; Примчатся въ каретахъ кукушки, Рогатые звъри придутъ, На памятникъ дъда лягушки, Вздуваясь, лористъ наведутъ, —

И въ Клодта живыхъ изванныхт Увидять подобыя свои, И въ сладостныхъ дамъ замѣчаньяхъ Раздастел: «mais oui, c'est joli.» Порой подойдеть къ великану И стрый качтанъ съ бородой И скажеть другому кафтану: «Митюха! сынишко-то мой Читаетъ про Мишку, Мартышку Давно ужь, — понятливъ, хоть малъ: На память всю вызубрилъ книжку, Что этотъ старикъ написалъ.» — О, если-бъ былъ въ силахъ нагнуться Безсмертный народу въ привътъ! О, если-бъ хоть могь улыбнуться Задумчивый бронзовый дѣдъ! Нътъ, — тою-жь все думою полный Надъ группой звърпныхъ головъ Зримъ будетъ недвижный, безмолвный Изъ бронзы отлитый Крыловъ.

люнисій и филоксенъ.

Вступаетъ — на диво и смъхъ Сирэкузамъ — Тиранъ-Діонисій въ служители Музамъ: Онъ лиру хватаетъ, онъ пишетъ стихи; — Но Музы не любятъ тирановъ холодныхъ: Творитъ онъ лишь груды рапсодій негодныхъ, Исполненныхъ вялой, сухой чепухи.

Читаетъ. Въ собраньи всё внемлютъ съ боязнью. Зѣвать запретилъ онъ подъ смертною казнью, Лишь плакать дозволилъ, а тё наконецъ Зѣвоту съ такимъ напряженьемъ глотаютъ, Что крупныя слезы изъ глазъ выступаютъ, И видя тё слезы доволенъ пѣвецъ:

Воть, думаеть, тропуль! — Окончилось чтеме Кругомъ восклицанья, хвалы, одобренье — «Прекрасно!» — И новый служитель Каменъ, Чтобъ выслушать судъ анатока просизиденный, Зоветь — и приходить къ нему вдохновенный Творецъ диопрамбовъ, поэть — Филоксенъ.

«Я спова валетьть на Парнасскія выси

И создаль поэму» сказаль Діонисій.

«Прослушай — и мизнья не скрой своего!» —

И воть — онь читаеть. Тоть выслушаль строго
«Что? много—нь красоть и достоинствъ?—Немного.«А! Ты педоволень. Въ темницу его!»

Сказать. Отпели Филоксена въ темницу; Отъ ваоровъ поэта сокрыли денинцу П делго томплея несчастный. По вотъ Свободу ему волвращають, и снова Завутъ къ Дюнисио.» Слушай! Готова Другая поэма: тутъ бездна красотъ.»

И новой позмы, достопиствомъ бёдной, Онь слуппаеть чтенье, измученный, блёдный; Мутятся глаза его, хочется спать.
Тотъ кончилъ. «Ну что? Хорошо-ли?» — Ни слова
Ему Филоксенъ, — отвернулся сурово
И крикнулъ: Эй! Стража! Въ темницу опять!

ВЕЧЕРЪ ВЪ САДУ.

Солнце будто-бъ съ неохотой Свой прощальный мечетъ взглядъ, И червонной позолотой Обливаетъ темный садъ.

На скамейкѣ л у стѣнки Въ созерцаніи сижу, И игривыя оттѣнки Пышной зелени слѣжу:

Тамъ — виситъ густымъ развивомъ, Тамъ — такъ женственно-нѣжна, Тамъ — оранжевымъ отливомъ Отзывается она. Ароматъ разлитъ сиренью, И межь дремлющихъ вътвей Свътъ заигрываетъ съ тъныо, Уступая мъсто ей.

Что-то тамъ — въ дали — сквозь вътки Мнѣ мелькнуло, и потомъ Притаилось у бесъдки, Въ липахъ, въ сумракъ густомъ.

Что-бъ такое это было — Я не знаю, но оно Такъ легко, воздушно, мило И какъ снъгъ убълено.

Пронизавъ летучей струйкой Темный зелени покровъ, Стало тамъ оно статуйкой, Навайнной изъ паровъ.

Напрягаю взоръ нескромный: (Любопытство — спутникъ нашъ) Вотъ какой-то образъ тёмный Быстро движется туда-жъ.

Сумракъ гуще. Твердь одъта Сърыхъ тучекъ въ бахрамы. То былъ, мнится, ангелъ свъта, А за нимъ шелъ ангелъ тъмы, —

И тдѣ плотно листьевъ сѣгка Прижимается къ стѣиѣ, Скрыла встрѣчу ихъ бесѣдка Въ ароматной глубинѣ.

И стемитло все. Вст виды Въ смуглыхъ очеркахъ дрожатъ, И внесла звтада Киприды Яркій лучъ свой въ тихій садъ.

Все какой—то вѣетъ тайной, И, какъ дѣва изъ окна, Въ прорѣзъ тучки бѣлокрайной Смотритъ робкая луна, —

И какъ будто что ей видно, Что въ соблазнъ облечено, Вдругъ првжмурилась.... ей стыдно — И задернула окно. Чу! Тамъ шорохъ, шопотъ, депетъ....
То кольшутся листки.
Чу! Какой-то слышный тренетъ....
То ночные мотыльки.

Чу! Вздыхаютъ.... Вновь ошибка: Вѣтерокъ сквозитъ въ саду.
Чу! Лобзанье.... Это рыбка
Звонко плещется въ пруду.

Все какъ будто что играетъ Въ этомъ мракъ и потомъ Замираетъ, замираетъ Въ обаяніи почномъ, —

П потомъ — ни листъ, ии вѣтка
 Не качнется; ночь тиха;
 Садъ спокоенъ — и бесѣдка
 Тамъ — въ дали — темна, глуха.

поэзія.

Поэзія! — Нѣтъ, — ты не чадо міра; Нашъ дольній міръ родить тебя не могъ: Среди пучинъ предвѣчнаго эвира Въ день творчества въ тебя облекся Богъ.

Возникла ты до нашего начала,
Ты въ сѣменахъ хаоса началась,
Въ великомъ ты «да будетъ» прозвучала
И въ дивномъ «бысть» всемірно разлилась, —

И взятому подъ Божію опеку Средь райскихъ грезъ и первыхъ дней весны Ты первому явилась человъку Въ лицъ небесъ, природы и жены.

Отъ звъзднаго низшедилая чертога Къ жильну земли, въ младенческой тиши, Прямымъ была ты отраженьемъ Бога Въ его очахъ и въ зеркаль души.

Готовую нашли тебя народы.
Ты — лучшій даръ — алмазъ въ вѣнцѣ даровъ,
Сладчайшій звукъ въ симфоніи природы,
Разыгранный оркестромъ всѣхъ міровъ.

Палъ человъкъ, но и въ его паденъъ Все съ небомъ ты стоишь лицемъ къ лицу: Созданья ты къ Создателю стремленье, Живой порывъ творенія къ Творцу.

Тобою полнъ, смотря на міръ плачевный, На этотъ міръ, подавленный грѣхомъ, Поэтъ и царь державно-псалмо-пѣвный Гремѣлъ Давидъ пророческимъ стихомъ, —

И таинствомъ любви и искупленья Сказалась ты всѣмъ земнороднымъ вновь, Когда омыть вину грѣхопаденья Должна была святаго Агнца кровь.

Внушала ты Евангелистамъ строфы, Достойныя учениковъ Христа, The form of same factors in the control of the cont

I commin see, and the reflect to the first out of a more suppoation for several mount sections that I we see a committee that the

The secretary resident and the secretary residence of the secretary residen

И царственно ты блещень, торжествуя, Твой скипетръ—мысль, а сердце—твой престолъ.

Порою ты безмолвствуещь въ раздумы, Когда кругомъ всемірный поднятъ шумъ; Порой въ своемъ пнеическомъ безумыи Ты видишь то, чего не видитъ умъ.

На истину ты взоромъ неподкупнымъ Устремлена, но блескъ ея лучей Чтобъ умягчить и намъ явить доступнымъ Для заспанныхъ, бользненныхъ очей —

Его дробишь въ своей ты чудной призмѣ, И радуги кидая съ высоты, Въ своихъ мечтахъ, въ бреду, въ сомпамбулизмѣ Возносишься до провоззрѣнья ты.

Магнитный сонъ пройдетъ — и пробужденье Твое, поэтъ, печально и темно, И видишь ты свое произведенье, Не помня, какъ оно совершено.

ВСТРЪЧНОЕ

(собранію выпускных

На праздникъ жизни вдруг Прекрасныхъ, юныхъ дѣвъ На встрѣчу имъ моя дорог Меня ужь съ праздника ве Я имъ спѣшу сказать, поку Не разошлись мы: добрый Вы всѣ туда, а я оттуда; Пора домой мнѣ — отдохну Привѣтъ мой вамъ! Повесе.

отзывъ на вызовъ

(тъмъ-же дъенцамъ.)

жизни проходя средь терній, я привыкъ іно попирать колючую дорогу, вствую въ душт невольную тревогу, вокругъ меня колышется цвтникъ, ы юныя — земные херувимы эихъ движеніяхъ легки, неуловимы, гъ подобіемъ роскошнаго втнка этся вокругъ поэта—старика, лющійся кругъ существъ полуэеирныхъ птсенъ отъ меня и свтжихъ звуковъ лирныхъ, застерянный, смотрю, боясь дохнуть рнымъ холодомъ на ихъ цвтистый путь, на ихъ восторгъ — невинныхъ душть одежду сить невзначай угрюмой мысли ттиь. Мечту ихъ подломить или измять надежду И сумракомъ задеть ихъ восходящій день.... Нетъ! Нетъ, — не требуйте, цветущіл созданья, Отъ ослабелыхъ струнъ могучаго бряцанья! Все поле жизни вамъ в скоро уступлю, А самъ, какъ ветеранъ, ужь утомленный битвой, Безмолвно, съ тайною сердечною молитвой, Васъ, дети, трепетной рукой благословлю.

ШИСЬМО АБДЕЛЬ-КАДЕРА.

Зъ платну у Французовъ — сватило Алжира — Эмиръ знаменитый. Содержатъ Эмира Эни въ Амбуазъ, гдъ замка стана Сръпка и надежна, — и платнникъ, донынъ Тетавшій на бурномъ конъ по пустынъ, Уныло глядитъ въ амбразуру окна.

П вдругъ подъ — окномъ, какъ другая денница, Блестящая юной красою дъвица Несется на бъломъ Арабскомъ конъ, И взоръ — кол-нуръ — этотъ пламенникъ міра — Дъвицею брошенъ въ окно на Эмира: — И вспыхнула дъва, и рдъетъ въ огнъ.

И завтра опять проъзжаетъ, и снова Взглянула, краснъетъ. Не надобно слова:

Туть сердце открыто — смотри и читай! Управится конь, но съ отватою довкой — Нафадница съ поднятой гордо головкой — Его укрощаетъ: Эмиръ, замъчай!

И смотрить онъ, смотрить, съ улыбкой любуясь, Какъ милай скачеть, картинно рисулсь; Блеснуль въ его взоръ невольный привъть, Замъченный ею.... Какъ быстро и круто Она повернула! — Такая минута И въ сумракъ плъна для плънника — свътъ.

Онъ самъ уже ждеть ее завтра, и взгляды Кидаетъ въ окно, въ ожиданьи отрады, И свѣтлымъ явленьемъ утѣшенъ опять; Но ревностью зоркой подмѣчена скоро Цѣль выѣздовъ дѣвы, — и строгость надзора Спѣшила нѣмыя свиданья прервать.

Эмиръ съ этихъ поръ въ заключеньи два года
Не могъ ее видъть. Когда же свобода
Ему возвратилась, узналъ онъ потомъ,
Кто та, къмъ бывалъ онъ такъ радуемъ, плънный,
И въ память ей перстень прислалъ драгоцънный
Съ исполненнымъ кроткаго чувства письмомъ:

«Хвала тебь, — нишеть онь, — ангель прелестный! Аллахь да хранить въ тебь даръ свой небесный — Святую невинность! — О ангель любви! Прими безъ смущенья привъть иновърца! Въ очахъ твоихъ небо, ночь — въ области сердца: О, будь осторожна, въ молитвъ живи!

«О бёлая горлица! Бёлъ, какъ лилея, Твой конь Аравійскій, но ликъ твой бёлёв. Врага берегись: онъ и вкрэдчивъ и тихъ, Но хищенъ и лютъ, хоть прикрашенъ любовью; Неопытной дёвы ползя къ изголовью, Онъ дёвственныхъ прелестей жаждетъ твоихъ.

«Змій хочеть подкрасться и перси младыя Твои опозорить: отталкивай змія, Доколь Аллахъ не пошлеть, какъ жену, Тебя съ благодатью къ супружеской съни! Прими этотъ перстень на память мгновеній, Блеснувшихъ мнь радостью чистой въ пльну.

«Предъ хитрымъ соблазномъ, предъ низкимъ обманомъ— Сей перстень да будетъ тебъ талисманомъ! Сама-ль поколеблешься ты — и тогда Скажи себъ: нътъ! Быть хочу непреклонной. Истъ, сердце, ты лжещь; пыль мобви незаконной --Напитокъ позора и праздникъ стыда.

«И буди — свътило домашнато круга, Хранящая върность супругу супруга! Будь добрая матерь и чадамъ упрочь И радость, и счастье! — Когда не забудеть Священнаго долга — жить въ въчности будеть, Младая, Аллаха прекрасная дочь!»

И. А. ГОНЧАРОВУ

(передъ кругосоътнымъ его путешествіемъ.)

И оснащенъ, и замыслами полный, Уже готовъ фрегатъ твой растолкнуть Съдыхъ морей дымящияся волны И шаръ земной теченьемъ обогнуть.

Подъ бурями возмужествуй упрямо! Пусть валъ визжитъ у мощнаго руля! Вотъ Азія — міръ праотца Адама! Вотъ юная Колумбова земля!

И ты свершишь пловучіе затады Въ тъ древнія и новыя мъста, Гль въ небесахъ другія блещуть звъзды, Гль свъть лість созвъздіе Креста. Поклонъ ему! Взгляни, какъ тріумфаторъ, На сей трофей въ хоругвяхъ облаковъ, Пересъки и тропикъ и экваторъ — И отпируй сей праздникъ моряковъ!

И если-бы тебѣ подъ небесами Невѣдомыхъ энтиподовъ пришлосъ Переверстаться съ здѣшними друзьями Ногами въ ноги, головами врозь, —

То не роняй отрады помышленья, Что и вдали сердечный слышенъ гласъ, Что не одни лишь узы тяготънья Всемірнаго соединяютъ насъ.

Лети! — И что внушить тебѣ природа Тѣхъ чудныхъ странъ, — на пользу и добро Пусть передастъ, въ честь Русскаго народа, Намъ твой разсказъ и славное перо!

Прости! — Вернись и живо и здорово Въ суровые при-невскіе края, И радостно обнимутъ Гончарова И М—вы, и всё его друзья.

молитва.

«Спаси, Господи, люди твоя.»

Спаси, о Господи, людей — твое созданье! Благослови твое, о Боже, достоянье! Къ подножью твоего святаго алтаря Склоняясь, молимся за нашего Царя: Благослови Его въ Его дъяньяхъ дивныхъ, Побъды даруя Ему на сопротивныхъ! Престолъ Его твоимъ покровомъ осъни И жительство твое крестомъ твоимъ храни!

На искушенье глядя строго, Еще я могь идти съ нимъ въ бой! Еще не одряхлълъ я: много Во мив есть силъ владъть собой.

Тебя, о дивное созданье, Я видѣлъ, слышалъ — и стоялъ, И въ тотъ-же мигъ въ очарованьѣ Къ твоимъ ногамъ я не упалъ!

Ты пѣла: я ловилъ твой голосъ, Глоталъ последній звукъ его, И — сколько чувствъ во мнѣ боролось! — А я какъ будто ничего.

•Я — твой» — мит такъ хотвлось это Тебт сказать, рвалась душа, А я твердилъ, что вотъ ужь лето И что погода хороша, —

И отзывался я отвётно Другимъ на спросы кой-о-чемъ.... Не правда-ль? Не было замётно Безумья въ лепетё моемъ?

Я небылъ дерзокъ, вольнодуменъ? Со всъми въ общей полосъ — Не правда-ль? — не былъ я безуменъ, Но также жалокъ, глупъ, какъ всъ?

О, если-бъ съ дерзостью моею Тогда себъ я волю далъ — Къ тебъ-бъ я бросился на шею И какъ ребенокъ зарыдалъ!

И было-бъ всёхъ трудовъ труднёе, Хоть весь-бы міръ тогда созвать, Меня, какъ впившагося эмёя, Отъ персей милыхъ оторвать! И вмигъ за весь мой въкъ прошедшій Тогда стажаль-бы я вънецъ! Потомъ сказали-бъ: «сумасшедшій!« Свезли-бъ въ больницу — и конецъ.

Но иттъ! Донынт съ сердцемъ въ спортя и е утратилъ прежнихъ силъ, и — можетъ быть, себт на горе — Мой горькій разумъ сохранилъ.

- 149 -

РЕБЕНКУ.

Дитл! Твой милый, дѣтскій лепетъ И сладость взгляда твоего Меня кидаютъ въ жаръ и трепетъ — Я самъ не знаю — отъ чего. Зачѣмъ порывомъ нѣжной ласки Къ земному ангелу влекомъ, Твои заплаканные глазки Цѣлую жадно я тайкомъ? Не знаю....Такъ-ля? — Нѣтъ; я знаю: Сквозь ласку грѣшную мою Порой, мнѣ кажется, ласкаю Въ тебѣ я маменьку твою; Я, наклонясь къ малюткѣ — дочкѣ, Хочу схватить межь слезныхъ струй

На этой пухлой дітской шёчкі
Другой туть бывшій поцілуй,
Еще быть можеть неостылый....
То поцілуй святой любви
Той жизнедательницы милой,
Чья кровь, чья жизнь — въ твоей крови; —
И воть, какъ Божія росинка
На листьяхъ блідныхъ и сухихъ,
Твоя невинная слезинка
Осталась на губахъ моихъ.
Дитя! Прости мні святотатство!
Прости мні это воровство!
Чужое краду я богатство,
Чужое граблю торжество.

БЛАГОДАРЮ

Благодарю. — Когда ты такъ отрадно О чемъ-нибудь заводишь рѣчь свою, Въ твои слова я вслушиваюсь жадно И тѣ слова бездоннымъ сердцемъ пью. Слова, что ты такъ мило произносишь, Я въ стихъ вложивъ, пол-міра покорю, А ты мнѣ ихъ порою даромъ бросишь: Благодарю! Благодарю!

Поешь—ли ты? — При этихъ звукахъ илѣя Забудусь я въ раздумьи на часокъ; Миѣ соловья заморскаго милѣе Малиновки домашией голосокъ, — И каждый звукъ цѣню в, какъ находку, За каждый тонъ молитву в творю, За каждую серебряную нотку Благодарю — благодарю.

Подъ тишиной очей твоихъ лазурныхъ
Порой хочу я сердцемъ отдохнуть,
Забыть о дняхъ мучительныхъ и бурныхъ....
Но какъ-бы мит себя не обмануть?
Моя душа къ тебъ безумно рвется, —
И если я себя не усмирю,
То тутъ ужъ мит едва-ль сказать придется
«Благодарю, благодарю»?

Но если-бъ я твоимъ увлекся взоромъ

И поздній жаръ еще во мнѣ возникъ,

Ты на меня взгляни тогда съ укоромъ —

И я уймусь, опомнюсь въ тотъ-же мигъ,

И преклонюсь я къ твоему подножью,

Какъ старый грѣхъ, подползшій къ алтарю,

И на меня сведень ты милость Божью:

Благодарю! Благодарю!

любительницъ спокойствія.

Ты говоришь — спокойствие дороже Тебъ всего, всей прелести мірской, — И радъ-бы я быть въчно на сторожъ, Чтобъ охранять твой женственный покой, Чтобы неслись тревоги жизни мимо, А ты на нихъ смотръла-бы, шутя, Межь сладкихъ грезъ, легко, невозмутимо, Какъ милое, безпечное дитя.

Когда толпа рушителей покоя Со всёхъ сторонъ несносная шумитъ, Я надъ твоимъ успокоенъемъ стоя, Мигалъ-бы имъ: тсъ! Не шумите: спитъ. Но иногда, чтобъ цѣну лишь умножить Спокойствія въ глазахъ твоихъ, — тебя Порой я самъ желалъ-бы потревожить, Хотя-бъ навлекъ и гиѣвъ твой на себя.

Скажу: «проснись! Мит хочется лазури: Дай мит на мит взглянуть тебт въ глаза! Какъ ты спала? Не видълось ли бурн Тебт въ мечтахъ? Не снилась—ли гроза? И не было—ль неловко, душно, знойно Тебт во снт?» — И молвлю, митъ спустя: «Ну, Богъ съ тобой, мой ангелъ, спи спокойно! Усни опять, прелестное датя!»

просьва.

Ахъ, видитъ Богъ, какъ я тебя люблю, Ты-жь каждый разъ меня помучить рада; Пожалуста — не мучь меня, молю, Пожалуста — не мучь меня: не надо!

Прими подъ-часъ и пошлый мой привътъ, Избитое, изношенное слово!
Не хорошо? — Что-жь дълать? — Лучше нътраново?
Старо? — Увы! Что-жь въ этомъ міръ ново?

И самъ я старъ и полонъ стариной, А все тъснюсь въ сердечные страдальцы.... Пожалуста — не смъйся надо мной! На глупости смотри мои сквозь пальцы!

Но иногда, чтобъ ціну лишь умножить Спокойствія въ глазахъ твоихъ, — тебя Порой я самъ желаль-бы потревожить, Хотя-бъ навлекъ и гитять твой на себя.

Скажу: «проснись! Мит кочется зазури: Дай мит на мить ваганнуть тебт въ глаза! Какъ ты спала? Не видъюсь и бури Тебт въ мечтахъ? Не снилась—и гроза? И не было—ль неловко, душно, знойно Тебт во снт?» — И молвлю, мить спустя: «Ну, Богъ съ тобой, мой ангелъ, спи спокой Усин опять, прелестное датя!»

- # . _

Tre---

THE REAL PROPERTY AND ADDRESS OF THE PARTY ADDRESS OF THE PARTY AND ADD

Молчу-ли я? — Махни рукою: пусть! Дай мив молчать и отъ меня не требуй Моихъ стиховъ читанья наизусть: Забылъ — влянусь Юпитеромъ и Гебой!

Все, все забыль въ присутствін твоемъ. Аншь на тебя я жадный взглядъ мой брошу — Все вмигъ забыль; — и какъ я радъ притомъ, Что съ памяти свалилъ я эту ношу —

Весь этотъ грузъ! Мнѣ стало такъ легко. Я въ тотъ-же мигъ юпѣю, обновляюсь.... А все еще осталось далеко̀ До юности.... За то я и смиряюсь.

Мон мечты.... Я такъ умъренъ въ нихъ! Миъ подари вниманья мишь немножко, Да пусть ко миъ отъ щедрыхъ ласкъ твоихъ Церепадетъ крупица, капля, крошка!

Я въ замыслахъ не такъ высокопаренъ! Терпи меня, переноси меня: Богъ знаетъ какъ и то л благодаренъ!

DAHIN.

Была пора: я былъ безумно-молодъ, **Л** пылъ страстей мнѣ сердце разжигалъ; Когда-жь подъ-часъ суровый зимній холодъ Этъ ствера мнт въ душу проникалъ -И думаль: есть блаженный югь на свыть, Край светлыхъ горъ и золотыхъ долинъ, И радостно твердилъ я вместе съ Гете:

Dahin! - dahin!

Бывало, я близь дѣвы-чародѣйки Горълъ, нъмълъ, не находя ръчей, И между тымъ, какъ ниже былой шейки Не сміль склонить застінчивых очей — парушивъ строгій чинъ, из живым жороженьсяв Dabin — dahin.

па всехъ благъ житейскихъ выше се мить въ бреду минувшихъ дней.

жите въ бреду минувшихъ дней.

жиль тепло, а тамъ — все холодиъй, — И наконецъ все въ въчность укатилось, Упало въ прахъ съ заоблачныхъ вершинъ, И наконецъ — все это провалилось Dahin — dahin.

Исчезло все; не стало прежней прыти. Вокругь меня за счастьемъ всѣ бѣгутъ, Стремятся въ даль; я говорю: пдите! А я ужь радъ хоть—бы остаться тутъ — Страдать, но житъ.... А тутъ ужь надъ страдальи Съ косой скелетъ — всемірный властелинъ — Костлявымъ мнѣ указываетъ пальцемъ

Dahin - dahin.

къ отечеству и врагамъ его.

(1855 г.)

Русь — отчизна дорогая! Никому не уступлю: Я люблю тебя, родная, — Кръпко, пламенно люблю.

Въ духъ воиновъ-героевъ, Въ бранномъ мужествъ твоемъ И въ смиреньи послъ боевъ — Я люблю тебя во всемъ:

Въ снѣговой твоей природѣ, Въ православномъ алтарѣ, Въ нашемъ доблестномъ народѣ, Въ нашемъ Батюшкѣ-Царѣ, — И въ твоей святынт древней, Въ лонт храмовъ и гробницъ, Въ дымной, сумрачной деревит И въ сіяніи столицъ, —

Въ крепкомъ сив на жесткомъ ложе, И въ поездкахъ на тычке, Въ щедромъ барине-вельможе И смышленомъ мужичке, —

Въ Русской дъвъ свътлоокой Съ звонкой розсыпью въ ръчи, Въ Русской барынъ широкой, Въ Русской бабъ на печи, —

Въ Русской пѣсни залюбовной, Подсердечной, разлихой, И въ живой сорви-головной, Всеразгульно-плясовой, —

Въ Русской сказкѣ, въ Русской пляскѣ, Въ крикѣ, въ свистѣ ямщика, И въ хмѣльной съ присядкой тряскѣ Козачка и трепака, —

Въ чудномъ звонт колокольномъ На родной Москвт-ръкт, И въ родномъ громо-глагольномъ Мощномъ Русскомъ языкъ, —

И въ стихъ весело-правномъ. Бойкомъ, — стойкомъ, какъ ни бросъ, Шибкомъ, гибкомъ, плавномъ, славномъ, Прориемованномъ насквозъ, —

Въ томъ стихъ, гдъ складъ Нъмецкій Въ старину мы взяли въ долгъ, Чтобъ явить въ немъ молодецкій Русскій смыслъ и Русскій толкъ. —

Я люблю тебя, какъ царство, Русь за то, что ты съ плеча Ломишь Запада коварство, Върой-правдой горяча.

Я люблю тебл темъ пуще, Что прямая, какъ стрела, Прямотой своей могущей Ты Европъ не мила. — т. ш.

Что средь брани, въ стойкъ гвердой, Міру цілому ты въ слухъ, Безъ запосчивости гордой Проявила мирный духъ, —

Что отрекшись от стяжаній 11 вставая противъ зла За свои родныя грани, Лишь защитный мечъ взяла,

Что въ себѣ не заглушила Вопіющій пеба гласъ, И во брани не забыла Ты Распятаго за насъ.

Такъ, родная, — мы проклятья Не пошлемъ своимъ врагамъ, И подъ пушкой скажемъ: братья! Люди! Полно! Стыдно вамъ.

Не изъ трусости мы голосъ, Склонный къ миру подаемъ: Нътъ! Торчитъ нашъ каждый волосъ Иль штыкомъ или комьемъ. Пѣтъ! Мы стойки. Не Европа-ль Вся сознательно глядитъ, Какъ нашъ върный Севастополь Въ адскомъ пламени стоитъ?

Крѣпокъ каждый нашть иладенецъ; Каждый отрокъ годенъ въ строй; Каждый пахарь — ополченецъ; Каждый воинъ нашть — герой.

Голубица и орлица Наши въ Крымъ летятъ — ура! И дъвица, и вдовица — Милосердія сестра.

Наша каждая лазейка — Подойди: извергнеть громъ! Наша каждая копъйка За отечество ребромъ.

Чью не сломимъ мы гордыню, Лишь воздвигни Царь-отецъ Душъ Корниловскихъ твердыню И Нахимовскихъ сердецъ! Но ломая грудью груди, Русь, скажи своимъ врагамъ: Прекратите звърство, люди! Христіане! Стыдно вамъ.

Вы на поприщѣ ученья Не одинъ трудились годъ: Тутъ вѣка! — И просвѣщенья Это-ль выстраданный плодъ?

Въ дивныхъ общества проэктахъ Вы чрезъ высь идей прошли, И во всъхъ возможныхъ сектахъ Христіанство пережгли.

Иль для мелкаго гражданства Только есть святой уставъ, И святыня Христіанства Не годится для державъ?

Теплота любви и вѣры — Эта жизнь сердецъ людскихъ — Рэзвѣ съузила-бъ размѣры Дѣлъ державныхъ, иіровыхъ?

Рабъ, идя сквозь всё мытарства; Въ хладъ, хоть сердцемъ обогрѣтъ; Вы его несчастнъй, Царства, — Жалки вы: въ васъ сердца нѣтъ.

Что за чадомъ отуманенъ Цѣлый міръ въ разумный вѣкъ! Ты — Французъ! Ты — Англичанинъ! Гдѣ-жь межь вами человѣкъ?

Вы съ трибунъ, гдъ даръ витійства Человъчностью гремълъ, Прямо ринулись въ убійства, Въ грязный омутъ хищныхъ дълъ.

О наставники народовъ! О науки дивный плодъ! Послъ многихъ переходовъ Вотъ вашъ новый переходъ:

Изъ всемірныхъ филантроповъ, Гордой вольности сыновъ — Въ подкупныхъ бойцовъ-холоповъ II журнальныхъ хвастуновъ, —

Стой, отчизна дорогая! Стой! — И въ ранахъ, : Все молись, моя родная, Богу мира и любви! —

И дѣтей своихъ вѣнчая Высшей доблести вѣнцом Стой, чела не закрывая, Къ солнцу истины лицем

день и двъ ночи.

Днемъ небо такъ ярко: смотрѣлъ-бы, да больно; Поднимешь лишь къ солнцу взоръ грѣшныхъ очей—Слезятся и слѣпнутъ глаза, и невольно Склоняешь зѣницы на землю скорѣй Къ окрашеннымъ легкимъ разсѣяннымъ свѣтомъ И дольнею тѣнью облитымъ предметамъ. Вещественность жизни предъ нами тогда Вполнѣ выступаетъ; — ея череда! Кипятъ прозапческихъ дѣлъ обороты; Тутъ счеты, расчеты, заботы, работы; Отъ яснаго неба нашъ взоръ отвращенъ, И день нашъ труду и землѣ посвященъ.

Когда-же корона дневнаго убронства Съ чела утомленнаго неба сията, Рисуются легче; — намъ гла Лупа позволяетъ смотръть на И небо, сронивъ огневые уб Для взоровъ доступно, — и И плаваютъ въ нъгъ межь с Межь дремлющимъ небомъ в И небо и землю кругомъ об Сопутствуетъ взорамъ мечта Фантазіи легкой крылатая до Ей пища — прозрачная, лу

Порою-же ночи безлупная с Надъ міромъ простерта и г Вдругъ на небо взглянешь: Со мною глазъ на глазъ вселенная здѣсь, И, мнится, съ землею тутъ въ небѣ я весь, И самъ себѣ вижусь лишь черною тѣнью, Сталъ мыслью единой, — и жадному зрѣнью Насквозь отверзается этотъ чертогъ, Гдѣ въ огненныхъ буквахъ начертано: Èогъ. Когда читаю я съ удыбкой Написанное мной въ то врез Когда я молодъ былъ, — и Готова измѣнить и вычеркну Себя остановивъ, вдругъ спр Черты тъ исправлять имѣю—Порой мнѣ кажется что это

Ньть! Это онъ писаль. Пусть и отвътить онъ Ваъ прошлыхъ тъхъ временъ, изъ той туманной дали Чужаго-ли коснусь я дерзкою рукой? Нътъ! — Даже думаю въ невольномъ содроганьъ: Зачъмъ подъ давнею, забытою строкой Подписываю я свое именованье?

малое слово о великомъ.

На Руси, немножко дикой, И не то, чтобъ очень встарь, Былъ на царствъ Царь Великой: Ухъ, какой громадный Царь!

Также духомъ Онъ являлся, Какъ и тъломъ — исполинъ, Чудо-Царь! — Петромъ Онъ звался, Алексъевъ былъ Онъ сынъ.

Мнится, Богъ нарекъ, державу Давъ гиганту: Петръ еси — И на камени семъ славу Я созижду на Руси. Много дѣлъ, зѣло успѣшныхъ, Тѣмъ Царемъ совершено. Имъ заложено въ *Потъшныхъ* Войска дивнаго зерио.

Взяль топоръ — и первый ботикъ Онъ устроилъ, сколотилъ, И родилъ тотъ ботикъ — флотикъ, Этотъ флотикъ — флотъ родилъ.

Онъ за истину прямую Дерзость дерзкому прощалъ, А за ложъ, неправду злую Живота весьма лишалъ; — .

А иному напоминки Кой-о-чемъ, на чистоту, Дълалъ съ помощью дубинки Дома, въ дружескомъ быту.

Предъ закономъ Исполина Всѣ стояли на ряду; Сынъ — преступенъ: Опъ и сына Предалъ строгому суду.

А подъ совъсти порукой Правдой тычь не въ бровь, а въ глазъ, И, какъ Яковъ Долгорукой, Смъло рви Царевъ указъ!

Царь вспылить, но вмигь почусть Силу истины живой — И тебя Сить разцълустъ За порывъ правдивый твой.

И близь жаркой Царской груди Были люди хороши, Люди правды, чести люди, Люди сердие и души:

Другъ — Лефортъ, сердце-отвътный Вплоть до двери гробовой; Шереметевъ — мужъ совътный, Князь Голицынъ — боевой; —

Князь Голицынъ — другъ побѣдамъ, Личный недругъ Репнину, Предъ Царемъ за дѣло съ Шведомъ Тлжко впавшему въ вину.

- 178 -

Левенгаупта безъ пощады
Бьетъ Голицынъ, весь — война:
«Князь! Проси себъ награды!» —
Царь! Помилуй Репнина! —

Царь съ Даналычемъ велъ дружбу, А по службъ — все въ строку, Спуску нътъ; — самъ началъ службу Барабанщикомъ въ полку.

Подъ протекцією женской Не проскочишь въ верхній санъ! Царь и самъ Преображенской Сталъ недаромъ Капитанъ.

Нѣтъ! — Онъ бился подъ Азовомъ, Рыскалъ въ полѣ съ козакомъ, И съ тяжелымъ и суровымъ Бытомъ воина знакомъ.

Полиъ воинственной стихін, Онъ велёлъ о той порѣ Только думать о Россіи И недумать о Петрѣ. П лишь только отвоюеть — Свъжимъ лавромъ остнёнъ, Чинно Киллю рапортуетъ. Ромодановскому Онъ.

И вступая постепенно
Въ чинъ за чиномъ, говоримъ:
«Князъ-де милостивъ отмѣнно,
Право, я не заслужимъ.»

Въ это время Русь родная, Средь невъдънія тьмы, Чернокнижье проклиная, Книгъ боялась, какъ чумы,

Не давалась просвѣщенью, Проживала, какъ пришлось, И съ Славянской доброй лѣнью Все спускала на авось, —

И смотрѣла изъ пеленокъ, Отметаема людьми, Какъ подкинутый ребенокъ У Европы за дверъми. Какть-бы къ ней толкнуться въ двери И сказать ей нешутя, Что и мы, дескать, не звъри: Русь — законное дита?

Какъ-бы въ мудрость иноземцевъ Намъ проникнуть? — Думалъ Онъ. Дай, поучимся у Нъмцевъ! Только первый шагъ мудрёнъ.

Сердце бойко застучало — Всталъ Онъ, время не губя: «На Руси всему начало — Царь; — начну-же я съ себя!»

И съ ремесленной науки Началъ Онъ, и въ дълъ скоръ Кръпко въ царственныя руки Взялъ Онъ плотпичій топоръ.

Съ добрымъ дукомъ въ бодромъ тілів Славно плотничаетъ Царь; Тамъ успіль въ столярномъ ділів: Тамъ — глядишь — ужь и токарь. т. ш. Лапти, батюшка, плету; -

Только дёло плоховато, — Ковыряю, какъ могу, Черезъ пятое въ десято. «Дай-ка, я тё помогу!»

Сълъ. Продернетъ, — ст Знаетъ, гдъ и какъ проді И плететъ въ частоковыр Такъ что любо поглядѣть

Въ поле въ праздному вл Выйдетъ Онъ, найдетъ / **— 179 —**

И покинувъ царедворскій Штатъ, и чинъ, и скипетръ свой, Онъ повхалъ въ край заморскій: «Человъкъ-де я простой —

Петръ Михайловъ, плотникъ, слъсаръ, Подмастерье» — говоритъ; А на царствъ тамъ Князь-Кесаръ Ромодановскій сидитъ —

Өедоръ Юрьичъ. — Онъ въдь спроситъ Отъ Петра и то и сё, — И рапортомъ Онъ доноситъ Киязю-Кесарю про всё.

«Вотъ — Онъ пишетъ — дъло наше Подвигается; тружусь, — И о здравьи Вашемъ, Ваше Я Величество молюсь.»

И припишетъ вдругъ: «однако Все я знаю: не дури! Не грызи людей, собака! Худо будетъ, Князь — смотри! Навострившись у Голландцевъ, Загланувъ и въ Альбюнъ, У Цесарцевъ, Итальянцевъ Поучился также Онъ.

Сталъ Онъ мастеръ корабельный 11 на все гораздъ притомъ: Онъ и врачъ довольно дъльный, И хирургъ, и анатомъ,

Физикъ, химикъ — понемногу, И механикъ неплохой, — И въ обратную дорогу Снарядился Онъ домой.

Для уроковъ-же изустныхъ, Что Онъ Руси дать желалъ — Онъ учителей искусныхъ Ей изъ-за-моря прислалъ.

Полно втунѣ волочиться! Дворянинъ! Сади сынка Буквѣ, цилири учиться, Землемѣрію слегка\

- 181 -

Только все успъхи плохи И ученье ни къ чему. Русскій смотритъ: скоморохи Въ Нъмцахъ видятся ему, —

И учителямъ не хочетъ Върить, что ни говори; Нъмецъ — думаетъ — морочить: Все фигляры! штукари!

Все въ нихъ странно, не по-русски. Некрещеный все народъ! Носъ табачный, платья узки, Да и ходятъ безъ бородъ.

Какъ имъ върить? Кто порука? — И — не къ ночи говоря — Козни бъса — ихъ наука! Изурочили Царя.

И державный нашъ работникъ Посмотрълъ, похмурилъ взоръ, Снова вспомнилъ, что Онъ — плотникъ, Да и взялся за топоръ.

И давай рубить Онъ съ кория: Росконь прочь! Кафтанъ съ плеча! Прочь хоромы, пышность, дворня! Прочь в бархатъ и парча!

Раззолоченныя тряпки, Блестки — прочь! Все въ печь вались! Скидывай собольи шапки! Просто — Нъмцемъ нарядись!

Царь велѣлъ. Слова коротки. Простоты-жь примѣръ въ глазахъ: Самъ, подкинувъ Онъ подметки, Ходитъ въ старыхъ сапогахъ.

Изъ завѣтныхъ, тайныхъ горницъ, Изъ невѣдомыхъ свѣтлицъ
Вывесть велѣно затворницъ — И дѣвицъ и молодицъ.

Въ ассамблею! — Душегръйки Съ плечъ долой! Таковъ приказъ. Страхъ подумать: бълы шейки, Бълы плечи на показъ!

— 183 —

Да чето? — Пол-груди видно: Такъ и въ танецъ выходи! Идутъ, жиурятся.... такъ стыдно! Ручки къ глазкамъ — не гляди!

А приказу все послушно. Женки слезы трутъ платкомъ; Царь-же подчуетъ радушно Муженьковъ ихъ табакомъ.

Табакерки! Трубки! — Въ глотку Хоть не лѣзетъ, а тяни!

* Порошку возъми щепотку —
Въ носъ пихни, нюхни, чихни!

Тянутъ, нюхаютъ. Ну, зѣлье! Просто одурь отъ него. Эко знатное веселье! — А привыкнешь — ничего —

Самъ попросищь. — Въ плясъ Голландскій, Хоть не хочется, иди! Эй, ты тамъ, сынокъ дворянскій! Выходи-ка, выходи! Lieber Augustin — по звуку На Итмецкій ладъ кружи! Откружилъ — ступай въ науку! А научишься — служи!

Мало дома школьных храминъ — За границу повзжай! А воротишься — экзаменъ Царь задастъ: не оплошай!

Самъ допроситъ: выложь знанья — Цифирь, линіи, круги! А не сдержишь испытанья — И жениться не моги!

Не позволитъ! — Оглянулся: Онъ ужь тамъ — и снова весь — Мысль и дъло: — покачнулся, Задремалъ ты: Онъ ужь здъсь.

Тамъ нашелъ Онъ ключъ цѣлебный, Тамъ — серебряный рудникъ, Тамъ устроилъ домъ учебный, Тамъ богатствъ открылъ родникъ;

- 185 -

Тамъ взрываетъ камней груду,
Тамъ дворянъ зоветъ на смотръ, —
А межь тъмъ наука всюду,
И въ наукъ всюду Петръ —

Рыщетъ взглядомъ, сводитъ брови.... Тамъ — подъ Нарвой храбрый Шведъ Учитъ насъ цёною крови Трудной алгебрѣ побѣдъ.

Научились. Подъ Полтавой Воть Онъ грозенъ и могучъ! Голосъ — громъ; глаза — кровавый Выблескъ молніи изъ тучъ.

Врагъ разбитъ. Побъда наша! — И сподвижникъ близь Него — Князь Данилычъ Алексапіа, Славный Меньшиковъ Его.

Отъ добра пришлось и къ худу: Смѣлый Царь ветупилъ на Пруть, И — бѣда случись: отвеюду Злые Турки такъ и пруть. Окружили. Дѣло круто. Торжествуетъ сопостатъ, — И Великій пишетъ съ Прута Въ свой встревоженный Сенатъ:

«Не робъть! — Дъла плохія. Жизнь Петру не дорога. Что тутъ Петръ? Важна Россія. Петръ ей, такъ какъ вы, слуга.

«Только-бъ чести не нарушить! Противъ чести что коль самъ Скажетъ Петръ — Петра не слушать! То не Царь ужь скажетъ вамъ.

«Плѣнъ грозитъ. За выкупъ много Коль потребуютъ враги — Не давать! — Держаться строго! Деньгу крѣпко береги!»

Но спасаетъ Властелина И Супруга свосго Черна-бровь — Екатерина, Катя чудная Его

– 187 *–*

Хитрый путь она находить, Клонить къ миру Визиря, И изъ злой бѣды выводитъ Изумленнаго Царя.

Разъ, замътивъ захолустье, Лъсъ, болотный уголокъ, Глушь кругомъ, — при Невскомъ устьъ Заложилъ Онъ городокъ.

Шатокъ грунтъ, да съ боку море: Разхлеснемъ къ Европъ путь! Эта дверь не на затворъ. Дъло сладимъ какъ нибудь.

Нынче сказана граница, Завтра — срублены лѣса, Чрезъ десятокъ лѣтъ — столица, Черезъ сотню — чудеса!

Смерть смѣжила Царски очи; Но безсмертныя дѣла, По слѣды гигантской мочи Русь въ наслѣдье приняла. И Петровскую стихно Носимъ въ Русской мы Такъ, что матушку-Рос Хоть «Петровіей» зови!

А по имени любовно, Да по батюшкъ назвати Такъ и выйдетъ: «Русь Такъ извольте величать

Всюду думъ Его разса, И прекрасенъ надъ ръ Этотъ славный, мъдный

— 189 —

Подъ стопами исполина Золотыя письмена Зри: «Петру — Екатерина» — И пойми: Ему — Она!

И на ликъ Его взирая, Съ сладкимъ трепетомъ въ груди, Кончи: «Первому — Вторая» — И безъ шапки проходи!

христіанскія мысли

передъ битвами.

(вг дни св. Пасхи 1855 г.)

Готовясь въ бой съ врагомъ и ополчась на битву, Произнесемъ, друзья, смиренную молитву Къ Отцу и Богу силъ! Не станемъ возглашать, Что мы идемъ дъла святыя совершать! Не будемъ называть святыней пиръ кровавой, И славу Божію съ земною нашей славой Безумно смъшивать! — Подъ сънію Креста Во имя кроткое Спасителя—Христа Не могутъ ръзаться и грызться люди—братья, Не обновляя язвъ честнъйшаго Распятья, — И, можетъ быть, Тому, кто со креста поникъ Главою мирною, нашъ предпобъдный кликъ — Кликъ, съ именемъ Его, воинственно—разгульный, Подъ небомъ слышится насмъшкой богохульной:

Заченъ-же оскорблять Учителя любви, Ваывая къ Кроткому: «се ножъ! — Благослови, Да въ честь твою его поднимемъ на убійство!» Уймемъ такихъ молитвъ кощунственныхъ витійство! И на враговъ возставъ, къ Владыкѣ воззовемъ: «Прости, о Господи, мы много ихъ побьемъ!» О, просвъти своимъ небеснымъ правосудьемъ, Всевышній, ихъ и насъ! Мы служимъ лишь орудьемъ Къ явленію твоихъ таинственныхъ судебъ. Ты правду зришь одинъ, а бъдный смертный слепъ. Дай миръ намъ! Изжени духъ злобы и коварства, Волнующій враждой земныя наши царства! Въ нихъ братство водвори! Да съ именемъ Христа Не мечъ подъемлется на злыя состязанья, Но умиренныя смыкаются уста Божественнымъ ключемъ пасхальнаго лобзанья!

къ россіи.

Не унывай! Вст жребій земные
Измінчивы, — о дивная вт земляхт!
Твоихт враговт успітки временные
Пройдутт, какт дымт, — исчезнутт, яко прахт.
Все выноси, какт древле выносила
И сознавай, что вт Божьей правдіт сила,
А не вт сліпомт движеній страстей,
Не вт золотт, не вт праздничныхт гремушкахт,
Не вт штуцерахт, не вт дальнометныхт пушкахт
И не вт стінахт могучихт кріпостей.

Да, тяжело.... Но тяжельй бывало, А вышла ты, какъ Божій день, изъ тьмы; Терпъла ты и въ старину немало Различныхъ бурь и всякой кутерьны.

— 193 —

Оть юныхъ дней знаномая съ бъдами И встарь ты шла колючими путями, Грядущаго зародыши тая, И долгаго терптнія уроки Внесла въ свои таинственныя строки Суровая Исторія твоя.

Ты зачать быль оть удали Норманской (Коль къ твоему началу обращусь), И мощною утробою Славянской Ты быль носимъ, младенецъ чудный—Руссъ, И вызванный на свъть къ существованью, Европъ чуждъ, подъ Рюриковой дланью, Сперва лежаль ты пасынкомъ земли, Пріемышемъ страны Гиперборейской, Безвъстенъ, дикъ, за дверью Европейской, Гдъ дип твои невидимо текли.

И рано сталь знакомъ ты съ духомъ брани,
И прытокъ былъ реблческій разбѣгъ;
Подъ Игоремъ съ Древлянъ сбиралъ ты дани,
Подъ Цареградъ сводилъ тебя Олегъ,
И, какъ ведромъ водицу изъ колодца,
Зачернывалъ ты шанкой Новгородца
Днѣировскій валъ, — и, ловокъ въ чудесахъ,
Преградъ не зря ни въ камияхъ. ин въ утесъхъъ,

Свои ладън ты ставилъ на колесахъ И по-суху летълъ на парусахъ.

Ты подрасталь. Ужь сброшена неленка, Оставлена дитятей колыбель;
Ты на ногахъ: пора крестить ребенка!
И вотъ — Днъпра завътная купель
На Греческихъ крестинахъ разступилась,
И Русь въ нее съ молитвой погрузилась.
Кумиры — въ прахъ! Отрекся и отъ женъ
Креститель нашъ — Владиміръ — солнце наше,
Хоть и вздохнулъ: «зъло-бо женъ любяше,» —
И бракомъ сталъ съ единой сопряженъ.

И ввергнутъ былъ въ горнило испытаній Ты — отрокъ-Руссъ. Въ началѣ бытія На двѣсти лѣтъ въ огонь домашнихъ браней Тебя ввели удѣльные Князья: Олеговичъ, Всеславичъ, Ярославичъ, Мстиславичъ, Ростиславичъ, Изяславичъ, — Мозгъ нылъ въ костяхъ, трещала голова, — А тамъ налегъ двух-вѣковой твой баринъ Тебѣ на грудь — неистовый Татаринъ, А тамъ, какъ зиѣй, впилась въ теба Литва.

Тамъ Римъ хитрилъ; но върный православью
Ты не мънялъ восточнаго креста.
Отъ смутъ склонилъ тебя къ однодержавью
Твой Іоаннъ, рекомый «Калита».
Отбился ты и отъ змън Литовской,
И кръпнуть сталъ Великій Князь Московскій,
И осъненъ Всевышняго рукой,
Полки Князей въ едину рать устроивъ,
Отъ злыхъ Татаръ герой твой — вождь героевъ —
Святую Русь отстаивалъ Донской.

И первыми успѣхами вѣнчанна
Русь, освѣжась, протерла лишь глаза,
Какъ ей дались два мощныхъ Іоанна:
Тотъ — разумъ весь, сей — разумъ и гроза, —
И подъ грозой выдерживая опытъ,
Крѣпясь, молясь и не вдаваясь въ ропотъ,
На плаху Руссъ чело свое клонилъ,
А страшный Царь, кроваво-богомольный,
Терзая людъ и смирный и крамольный,
Тиранствовалъ, молился и казнилъ.

Лишь только духъ переводилъ — и снова Пытаемъ былъ ты, дътствующій Руссъ:

Подт умною опекой Годунова
Лишь выправиль ты бороду и усъ,
П стль-было съ указкою за книжку,
Какъ долженъ быль за Дмитрія взять Гриніку,
А въ слъдъ за тъмъ съ ватагою своей
Воръ Тушинскій козацкою тронивкой
На царство шелъ съ безстыдною Маринкой —
Сей Польскою пристяжкой лже-царей.

И то прошло. И наконецъ указанъ Россіи путь божественнымъ перстомъ: Се Михаилъ! На царство въ немъ помазанъ Романовыхъ благословенный домъ. И се — возсталъ гигантъ — образователь Родной земли, ея полу-создатель, Великій Петръ. Онъ внутрь и внѣ взглянулъ, И обнялъ Русь: «здорово — молъ, родная!» И всю ее отъ края и до края Встряхнулъ, качнулъ и всю перевернулъ, —

Обрилъ ее, переодълъ и въ школу Ее послалъ, всему понаучилъ; «Да будетъ!» — рекъ — и по его глаголу Творилось все, и Русскій получилъ Жизнь новую. Хоть Руси было тяжко, Поморщилась, покорчилась, бъднижка, За то потомъ какъ новая земля Явилась вдругъ, одълась юной славой, в Со Шведами схватилась подъ Полтавой И бойкаго зашибла Короля.

И побойчёй быль кое-кто, — и глядя
На Божій міръ, весь міръ онъ съ бою браль:
То быль большой, всезнаменитый Дядя,
Великій вождь, хоть маленькій капралъ;
Но съ малыхъ лётъ въ гимнастикѣ страданій
В Окрѣпшій Россъ не убоялся брани
Съ бичемъ всѣхъ царствъ, властителемъ властей:
Съ гигантомъ тѣмъ номѣрялся онъ въ силахъ,
Зажегъ Москву, и въ снѣговыхъ могилахъ
Угомонилъ непризванныхъ гостей.

И между тъмъ, какъ на скалахъ Елены Утихло то, что грозно было встарь, Торжественно въ стънахъ всесборной Выны Европъ судъ чинилъ нашъ бълый Царь, И гдъ Ему внимали такъ послушно — Нэшъ Судія судилъ великодушно.

Забыто все. Гдѣ благодарность намъ?

«Вы — варвары»! кричатъ сынамъ Россіи
Со всѣхъ сторонъ свирѣные витіи,
И врагъ летитъ по всѣмъ морскимъ волнамъ.

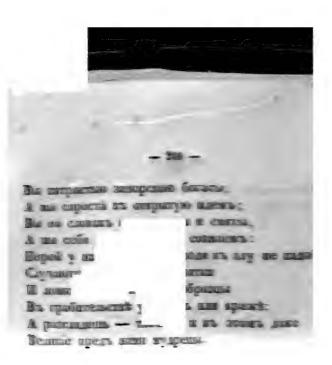
Вездъ ты шла особою дорогой,
Святая Русь: давно-ль средь кутерымы
На Западъ, охваченномъ тревогой
Качалось все? — Спокойны были мы; —
И нашъ Монархъ, чьей воли непреклонность
Дивила міръ, чтобъ поддержать законность,
По-рыцарски извлекъ свой честный мечъ:
За то-ль, что съ Нимъ мы были безкорыстны,
Для Запада мы стали ненавистны?
За то-ль хотятъ на гибель насъ обречь?

Въ пылу войны готовность наша къ миру Всёмъ видима, — и видимо, какъ есть, Что схватимъ мы последнюю секиру, Чтобъ отстоять земли родимой честь. Не хочетъ-ли Союзничество злое Насъ покарать за рыцарство былое, Намъ доказать, что нетъ священныхъ правъ, Что правота — игрушка въ дълъ націй,

Что честь знаменъ — добавокъ декорацій Въ комедіяхъ, въ трагедіяхъ державъ?

Намъ показать, что правый, честный путь Въ политикъ является порокомъ, И что людей и совъсть обмануть — Верхъ мудрости? — Нътъ! Мы имъ не повъримъ. Придетъ конецъ невзгодамъ и потерямъ, — Мы выдержимъ — и правда верхъ возьметъ. Межь дълъ людскихъ зла сколько-бъ ни кипъло — Отецъ всъхъ благъ свое проводитъ дъло, И Онъ одинъ уроки намъ даетъ.

Пусть насъ зовутъ врагами просвъщенья! Со всъхъ трибунъ пускай кричатъ, что мы — Противники всемірнаго движенья, Поклонники невъжественной тьмы! Неправда! Ложь! — Къ врагамъ готовы руку Мы протянуть: давайте намъ науку! Уймите свой несправедливый шумъ! Учите насъ: мы вамъ «спасибо» скажемъ; Отстали мы? Догонимъ — и докажемъ, Что хоть лънивъ, но смътливъ Русскій умъ.

Вы винеали пирово-керлых пумекъ
Громаннохъ бомо 5. 1 выставим ратъ.
Чтобъ имою ублютиенныхъ кантуннекъ
Величе России разстрънкъ.
Но — на палите проинхъ. Провытънье
Чретъ насъ насъ имихъ васъ поравитъ.
А неретъ насъ намихъ васъ поравитъ
Ч его насъ неби во миссияъ на воправитъ
Вейнемъ эперетъ 1 поставъ васъ пастанияъ
Величи текленнато интъ.

И зього явы съ той и цругой стихия. Ист запиха ворга запи на га памила. Сразять не мощь державную России,
А ваше-же къ ней привитое зло;
И кръпкіе въ любви благоговъйной
Мы предъ Царемъ сомкнемся въ кругъ семейной,
И всякъ сознай, и всякъ изъ насъ почуй
Свой честный долгъ!
— Царя сыны и слуги
— Ему свои откроемъ мы недуги
И скажемъ: вотъ! Родимый нашъ! Врачуй!

£ :

> И кто изъ насъ или нечестный воинъ, Иль гражданинъ, но не закона стражъ, Мы скажемъ: «Цары! Онъ Руси недостопнъ, Изринь его изъ круга: онъ не нашъ.» Твоя казна да будетъ намъ святыня! Се наша грудь — Отечества твердыня За тъмъ, что въ ней живутъ и Богъ и Царь, Любовь къ добру и пламенная въра! И долгъ и честь да будутъ наша сфера! Монархъ — Отецъ, Отечество — алтарь!

Не звіздъ однікть сіяньемть лучезаренть, Но рвеніемть кть добру страны родной, Сановникть нашть будь истинный Боярипть, Какть опть стопть въ стихахть Растопчиной! Руководись и правдой и наукой, И будь второй Князь Яковъ Долгорукой! Защитникъ будь вдовства и сиротства! Гнушайся всъмъ, что криво, низко, грязно! Будь въ дълъ чуждъ Аспазій, Фринъ соблазна, Друзей, связей, родства и кумовства!

И закипятъ гигантскія работы,
И выростетъ богатство изъ земли,
И явятся невиданные флоты,
Неслыханныхъ размтровъ корабли.
И милліоны всяческихъ орудій,
И явятся — на диво міру — люди, —
И скажетъ Царь: откройся свѣтъ во мглѣ
И мысли будь широкая дорога
Затѣмъ, что мысль есть проявленье Бога
И лучшая часть неба на земль!

Мы на Тебя глядимъ, о Царь, — и тягость Съ унылыхъ душъ снимаетъ этотъ взглядъ. Надъ Русью Ты — увънчанная благость, И за Тебя погибнуть каждый радъ. Не унывай, земля моя родная, И прошлое съ любовью вспоминая,

Смотри впередъ на предлежащій вѣкъ!

И вѣрь: твой врагъ вражду свою оплачетъ

И замолчитъ, уразумѣвъ, что значитъ

И Русскій Богъ, и Русскій человѣкъ.

послъдний пиръ.

«Великольные чертоги
На столько разстоять локтяхь.
Что глась въ трубы, въ ловецки рыги
Едва въ ихъ слышится концахь.
Надъ возвышенными стънами,
Какъ иебо, наклонился сводъ;
Между огромными столпами
Отворенъ въ нихъ къ утъхамъ входъ.»

Державцик.

Зачьмъ такъ озаренъ Таврическій дворецъ
Огнями яркими? — Въ немъ дивный Князь Тавриды,
Великольпный Князь, какъ Вавилонскій жрецъ,
Разставилъ чудеса и ждетъ Семирамиды, —
И самъ весь въ золоть, въ каменьяхъ дорогихъ —
Въ алмазахъ, яхоптахъ, рубицахъ, изумрудахъ,

Стоитъ въ преддверіи. Вся роскошь благь земныхъ Въ чертогъ у него. Не въ чашахъ, не въ сосудахъ Кипить и пенится янтарное вино, Но быеть живымъ ключемъ, клокочущимъ каскадомъ И падаетъ въ бассейнъ на мраморное дно. Чертогъ его глядитъ Армиды пышнымъ садомъ. Прозрачныхъ скалъ хребты воздвигнулись кругомъ; Въ кристаллахъ радужныхъ вислтъ утесовъ глыбы, И пущены плясать въ стекляный водоёмъ Волотоперыя, серебряныя рыбы. Тамъ живописный гротъ. Тамъ въ робкой полумгат Альетъ лучъ зари. Фонтаны, водопады Играють. Тамъ, дробясь въ граненомъ хрусталь, Сверкаютъ Божыкъ звъздъ и солнцевъ миріады. Ясминовъ, розъ кусты, тюльпанъ и гіацинтъ Свились. Дорожекъ съть ведетъ васъ въ лабиринтъ; Тамъ — изваянный ликъ: то ликъ Ел — безспертной Вемле-владычицы; въ подножіи порфиръ Своею надписью гласить на целый міръ: «Отчизны матери и мят премилосердой». — **И** се — величія и благости полна Грядетъ въ сіянін Державная — Она: Музыка грянула — и баловень судьбины, Встръчая Гостью, паль къ стопамъ Екатерины.

Предъ нимъ — Она, которой взоръ — Сей свъточъ власти безусловной —

Ему сілеть съ давнихъ поръ Лампадой милости верховной; Она - источникъ встхъ щедротъ; Она, которой весь народъ -Тълохранительная стража; Она — Хозяйка эрмитажа, Которой бойкое перо, Въ строкахъ, гдв дышуть умъ и вера Плѣняло колкаго Дидро И злаго демона — Вольтера; — На долгомъ царственномъ пути Она — сей ангелъ во плоти — Богополобная Фелипа. Съ орлинымъ окомъ голубица, Чьей громкой славой полонъ свътъ, Орловыхъ, Паниныхъ царица, Душа Румянцовскихъ побъдъ, Душа той школы исполинской, Гдъ крыльямъ давъ размахъ воинской Средь грома, пламени и мглы, Взвились Кутузовъ и Суворовъ -Сін питомцы бранныхъ споровъ, Событій будущихъ орлы, Къ Москво-Очаковскимъ работамъ Уже готовые бойцы, Съ Сиоленско-Рымникскимъ полётомъ

Гивзда Дунайскаго птенцы; — Она, кого отъ ствиъ столицы До отдаленнайшей границы, На всв концы отъ всвхъ началь, Прозваньемъ Матушки-Царицы Народъ любовно увънчалъ; — Она, чье царственное око Живило міръ лучемъ добра, -Она, постигшая глубоко И продолжившая Петра, Чьи благосклонные указы ---Бесьда матери съ дътьми, --Чьи наилучшіе алмазы Въ дълахъ блистали предъ людьми; -Во дни мноического въка Изъ подъ короны золотой Она, смотрѣвшая душой Такъ зорко въ душу человъка, И — благодать воз-благодать — Всегда умівшая воздать Врагу добромъ и дружбой другу, Низвергнуть зло, вознесть заслугу, Избрать достойныхъ, умягчить Законъ, — и съ скипетромъ въ десницъ, На тронъ, отъ услугъ Царицъ Услуги Царству отличить,

Порокъ подъ маской обнаружить, Смиренье, кротоеть въесть из обрадъ. И алость молны обезоружить Словами: «пусть ихъ говоратъ!

- «Пожалуй и молчать заставлю
- «Ихъ злоязычье.... но въ чену?
- «Я злости въ мысляят ихъ прибавле,
- «А скрытой мысли не уйму.
- «Подъ молчаливыхъ думъ покровомъ
- «Гивздится глубже тайный ядъ,
- «А мыслей, вывътренныхъ словомъ,
- Проходить скоро легкій чадъ. •

Предъ Нею — онъ, тотъ воинъ нѣкій, Чей конь заржалъ и полнъ огнемъ Сталъ плотно въ рядъ съ ея конемъ, Какъ будто сросся съ нимъ на вѣки, Когда тотъ всадникъ, тотъ смѣльчакъ, Ловя державной ласки знакъ, На всемъ скаку, во всю отвагу, Такъ ловко подалъ Ей на шпагу Кавалергардскій свой темлякъ; — Онъ — то послушникъ монастырской, Перепоясанный ремнемъ, То вдругъ — съ отвагой богатырской Вонтель въ полъ полъ отнемъ;

- 209 -

То изнурившійся въ суровомъ Пость, трудахъ полу-чернецъ, Апостольскихъ делній чтецъ, Витія въ преньи съ богословомъ, На храмномъ клиросъ пъвецъ, Пришлецъ изъ сферы деревенской, Гат такъ безвъстно онъ возникъ. Онъ — семинаріи Смоленской Незнаменитый ученикъ, Гав духъ честолюбиво-хитрой Олинъ лишь замыселъ таилъ: Когда, нибудь въ дыну кадилъ Блеснуть епископскою митрой, Когда сквозь весь Московскій звонъ, Онъ въ ризахъ выйдетъ на амвонъ, И будетъ тихо надъ соборомъ Свіщи и крестъ свой возносить. А клиросъ — пъть громаднымъ хоромъ И славу деспоту гласить; --То вдругъ — уклончивый придворный, Красавецъ — баловень Харитъ, Алкивіадъ, страстямъ покорный, -А тамъ -- заносчиво-упорный Занлывшій нітой сибарить, Престольныхъ милостей придверникъ, Своей хандры несчастный рабъ.

А тамъ - Румянцова сопериакъ. И полководецъ, и сатрапъ; -Онъ, разомъ выдвинувшій виды Аовольства, счастья, торжества Въ пути земнаго божества Отъ Петербурга до Тавриды, Когда повеюду свытлый рай Въ своихъ владеньяхъ созерцая. Светило севернаго края Текло туда — въ тотъ южный край. Гдѣ Князь Тавриды веси, грады Движеньемъ ока созидалъ, Гдь онъ Великую встрычаль И Крымскихъ скалъ и горъ громады Смолой и нефтью обливаль. И тъша царственныя очи, По берегамъ, во весь разгаръ, Воспламенялъ во мракъ ночи Увеселительный пожаръ — Пожаръ, что въ блескъ съ солицемъ споря. Весь юный край тотъ обнималь, И въ небесахъ и въ зыби моря Всесвътнымъ заревомъ сінлъ.

Тотъ путь былъ путь очарованья. Съ Невы къ Дивпру вдоль полотна

А тамь — одно лет Гласить: «оставимъ астр Твердить, что путь свой Вкругъ солнца движется Вкругъ насъ ты ходишь, И слаще, радостнъй и к И паче горияго свътло Земное солнце то текло.

И воть — въ своемъ дворць, Своей Монархинѣ вельможа бл Устроилъ пиршество. Нѣтъ и Созвѣздья люстръ горятъ на: Пушистый персикъ здѣсь поде На деревѣ родномъ. Съ оливо Здѣсь лавръ и тысячи тропич Красуются въ плодахъ, въ це Въ ихъ зслени звенитъ царя И птицы райскія по вѣткамъ

віатскій торгъ невольниками Смирны!
группы юныхъ дѣвъ, прекрасны и легки,
топамъ Монархини кладутъ свои вѣнки
свѣжихъ васильковъ и ландышей. Съ плафона
аютъ Геніи и Нимфы Геликона,
ы, Граціи — и неземной балетъ
тъ богинѣ душъ эфирный свой привѣтъ.
блещетъ, движется, — и въ хорѣ дружелюбномъ
эсятся слова, сліянны съ авукомъ трубнымъ,
а, которымъ Русь досѣль должна внимать
Невскихъ береговъ до бурныхъ волнъ Евксина:

- «Славься симъ, Екатерина!
- «Славься, нѣжная къ намъ мать!»

, конченъ. Палъ къ ногамъ разтроганной Царицы инъ, и въ слезахъ къ перстамъ Ея десницы залъ свои уста, колѣно-преклонёнъ. зе Великую благодарилъ здѣсь онъ, зъ Ея дары, за путь свой тріумфальный, зага жизни всей, за этотъ пиръ прощальный, зе... Онъ чувствовалъ, что дни къ концу летятъ, есть звѣздамъ предълъ и солнцу есть закатъ.

посланіе о визитахъ,

(къ М. Ө. Ш.)

Вы правы. Радъ я былъ сердечно
Отъ васъ услышаннымъ словамъ:
Визиты — варварство, конечно!
И такъ — не ѣду нынче къ вамъ, —
И, кстати, одержу побѣду
Надъ предразсудкомъ: ни къ кому
Въ сей свѣтлый праздникъ не поѣду
И самъ визитовъ не приму;
Святаго дия не поковеркавъ,
Схожу я утромъ только въ церковь,
Смиренно Богу помолюсь,
Потомъ, съ почтеньемъ къ генеральству,
Какъ должно, съѣзжу по начальству,
И крѣпко дома затворюсь.

Обычай истипно-безумный!
Китайскихъ правовъ образецъ!
День пълый по столяцъ шумной
Таскайся изъ конца въ конецъ!
Составивъ списокъ презэтъйный
Своимъ визитамъ, всюду будь —
На Сстрову и на Литейной,
Изволь въ Коломню заглянуть,
И на Пескахъ — и тамъ быть надо,
Будь у Таврическаго сада,
На Петербургской сторонъ,
Будь моря Финскаго на днъ,
Въ предълахъ рая, въ безднахъ ада,
На всъхъ планетахъ, на лунъ!

Влаженъ, коль слышишь: «нѣту дома,»
«Не принимаютъ.» — Какъ огня,
Какъ страшной молніи и грома,
Боишься длиннаго пріёма:
Изочтены минуты дня —
Нельзя терять ихъ; — полтораста
Еще осталось разныхъ мѣстъ,
Гдѣ надо быть, тогда какъ часто
Несносно-длишенъ переѣздъ.
Радъ просто никого не видѣть
И всѣхъ проклясть до одного,
Лишь только-бъ въ праздишкъ шикого

Своимъ забвеньемъ не обидътъ, —

Иншь только-бъ кинуть въ каждый домъ:

билетецъ съ загнутымъ усломъ,

Не видъть лицъ — сихъ адсинхъ пугалъ....

Что лица? — Дъло тутъ не въ томъ,

А вотъ въ чемъ: карточка и уголъ!

Лишь только-бъ карточку швырнуть,

Ее гдъ слъдуетъ удвоитъ.

И тутъ загнутъ, и тамъ загнутъ,

И совъсть, совъсть успоконть!

Ярлыкъ свой бросшъ, хлопъ дверьми:

Вотъ — на! — и чортъ тебя возъми!

Порою вѣтеръ, дождь и слякоть, А тутъ визиты предстоятъ; Бѣднякъ и празднику не радъ — Чего? Приходится хоть плакать. Вотъ онъ выходитъ на крыльцо, Зоветъ возницъ, въ карманахъ шаритъ.... Лицомъ хоть въ грязь онъ не ударитъ, Да грязь-то бъетъ ему въ лицо. Дорога — алъ, чернѣе ваксы; Пзвощикъ за уголъ скоръй На клячъ тощенькой свосй звернулъ — отъ столь-же тощей таксы, Грочгенной имъ въ чертахъ лица, Тъ нему ревущато съ крымыца. Забрызганъ съ перваго-же шага Півшком'в пускается біздняга, и очень радъ уже потомъ, Когда съ товарищемъ онъ въ паръ Хоть какъ-нибудь, тычкомъ, бочкомъ, На тряской держится гитарь: Такъ называютъ инструментъ Хоть звучный, но не музыкальный, Который въ жизни сей печальной Старинный получиль патенть На громкій чинъ и титулъ «дрожекъ», И поглядишь — дрожить, какъ листъ, Возсывь на этоть острый ножикь Поэть убогій иль артистъ. Я самъ.... Но сколь намъ ни привычно, Все-жь трогать личность - неприлично, Свою темъ более.... Именъ Не нужно здѣсь; — и такъ — N. N. Визитныхъ карточекъ навьюченъ Колодой целою, плыветъ, И тяжкимъ странствіемъ измученъ Къ дверямъ по лъстницъ ползетъ, Стучится съ робостью плебейской Или торжественно звонитъ: Дверь отперлась; привѣтъ лакейской Какъ-разъ въ ушахъ его гремитъ:

« Имфемъ честь, дескать, поздравить Васъ, сударь, съ праздвикомъ»; молчитт Пришленъ, иль глухо — м-мъ — мычитъ, Да карточку спышить оставить Иль росписаться, а рука Лакея, въ следъ за темъ приветомъ, И какъ-то тянется слегка, II шевелясь изподтишка Престранно дъйствуетъ при этомъ, Какъ будто ловитъ что-нибудь Перстами въ области воздушной, А гость тупой и равнодушный Радъ поскорфе ускользиуть, Чтобъ продолжить свой трудный путь; Онъ защититъ, покуда въ силахъ, Отъ наступательныхъ невзгодъ Кармана узкаго проходъ, Какъ Леонидъ при Өермопилахъ. О, мой герой! Впередъ! Впередъ! Вкругъ свъта въ даль по океану Плыви сквозь бурю, хладъ и тьму Подобно Куку, Магеллану Или Колумбу самому, II въ этой сферъ безграничной Для географіи столичной Трудись! — Ты можешь подъ шумокъ

Открыть среди такихъ прогулокъ "Иль неизвестный закоулокъ **Пль без-имянный островокъ, —** Полузнакомаго припомня, Что тамъ — у Покрова — живетъ, Узнать, что самая Коломня Есть островъ средь канавныхъ водъ, -Открыть полярныхъ странъ границы, Забраться въ Индію столицы, Сто разъ проъхать вверхъ и внизъ Черезъ Надежды Доброй мысъ. Тутъ филологъ для корнесловья Отыщетъ новыя условья, Найдетъ, что Русскій корень есть И слову чуждому визиты, Успѣвъ стократно произнесть Извощику: да ну-жь! вези-ты! Языкъ нашъ — ключъ заморскихъ словъ: Возстань, возврадуйся, Ш — овъ! Не такъ твои потомки глупы; Въ нихъ руссицизмъ твоей души; Твои родныя «мокроступы» И для визитовъ хороши. Зачемъ-же все въ чужой кумирив Молиться намъ? — Ш-овъ! Ты правъ, Хотя — увы! — въ твоей «ходырнъ»

Звукъ русскій ивсколько дыравъ. Тебя-ль не чтить намъ сердца вздохомъ Въ проездъ визитный бросивъ вагладъ И зря, какъ грозно-бородатъ Маркеръ трактирный съ «шаропёхомъ» Стоитъ, склонясь на «шарокатъ»? Но - я отвлекся отъ предмета, И кончить, кажется, пора. А чъмъ-же кончится все это? Да тъмъ, что нынче со двора Не тду я; останусь дома. Пускай весь міръ меня випитъ! Пусть все, что родственно, знакомо И близко мит, меня бранитъ! Я остаюсь. Прямымъ безумцемъ Довольно рыскалъ прежде я; Пускай считають вольнодумцемъ Меня почтенные друзья, А я подъ старость начинаю Съ благословеннаго «аминь»; Да только вотъ бъда: я знаю — Чуть день настанетъ — динь, динь, динь Мой колокольчикъ, — и покою Мнт не дадутъ; одинъ, другой, И тотъ, и тотъ, и нътъ отбою --Держись, Иванъ — служитель мой!

Ну, онъ не впустить, предположимъ; А все-же буду я тревожимъ Несноснымъ звономъ целый день: Ваняться деломъ какъ-то лень -И все помека! — Съ уголками Иванъ объими руками Начнетъ мнъ карточки сдавать, А тамъ еще, а тамъ опять. Какъ нескончаемая повъсть, Все это скучно; изорвешь Всъ эти листики, а все-жь Ворчитъ визитная-то совъсть, Ее не вдругь угомонишь: «Вотъ — вотъ — тебъ, а ты сидишь!» Неловко какъ-то, неспокойно. Ужь развъ такъ мив поступить. Какъ нѣкто — мужъ весьма достойный? Онъ въ праздникъ на-глухо забить Придумалъ дверь, и въ полной мъръ Чтобъ обезпечить свой покой, Своею-жь собственной рукой Онъ начерталъ и надпись къ двери: «Такой-то-де, склонивъ чело, Визитщикамъ поклонъ приноситъ II незвонить покорно проситъ — Уткалъ въ Царское-Село.»

THE STATE OF THE S

ЧЕСМЕНСКІЕ ТРОФЕИ.

Быль то вѣкъ Екатерины; Въ морѣ наши исполины Дали вновь урокъ чалмѣ; Налетѣвъ на сопостата, Нашей Матушки ребята Отличились при Чесмѣ.

Нашъ Орелъ изринулъ пламя — И поникло Турковъ знамя, Затрещала ихъ луна, Флотъ ихъ взорванъ — и во влагу Брошенъ въ снъдъ Архипелегу, Возмущенному до дна.

Провеслась лишь въсть побъды — Въликовали наши дъды, Въ гудъ пошли коловола, Пушки гаркнули въ столицъ; Слава Матушкъ-Царицъ! Храбрынъ дътушкамъ хвала!

Се добыча ихъ отваги:
Кораблей Турецкихъ одаги
Въ кръюсть вносятся — ура! —
И усвоенные кровно
Посвящаются любовно
Въчной памяти Петра.

Тамъ — Невы въ широкой рамѣ Есть гробница въ Божьемъ храмѣ; Подъ короной золотой Надъ завѣтной той гробницей Съ Римской шифрой — І (покой).

Тамъ — кузнецъ своей Державы, Дивный плотникъ русской славы, Что учась весь въкъ училъ, Съ топоромъ, съ дубинкой, съ ломомъ,

- 225 -

•Съ молоткомъ, съ огнемъ и громомъ, Сномъ глубокимъ опочилъ.

٦.

По Царицыну вельнью
Ть трофеи стали сынью
Надъ гробницею Того,
Чья вся жизнь была работа,
Кто отцемъ, творцемъ быль флота,
Возбудителемъ всего.

И гробница подъ навѣсомъ — Подъ густымъ знаменнымъ лѣсомъ — Говорила за Него....
Всюду честь воздать хотѣла Продолжительница дѣла Начинателю его.

Не умруть діла благія! — Тамъ соборив литургія Совершается надъ Нимъ; Тамъ — сановныя вст лица И сама Императрица Съ золотымъ Дворомъ своимъ.

И средь общаго выпманья для духовиаго въщанья т. и.

Вышель пастырь на амвонь: То быль онъ — медорьчивый Славный нахарь Божьей нивы, Слово-съятель — Платонъ, —

Тоть, что посохъ браль и стоя Передъ паствой, безъ налоя, Слухъ и сердце увлекалъ, И при страшно-судныхъ спросахъ Поднимая грозно посохъ, Имъ объ землю ударялъ.

Вотъ онъ вышелъ бросить слово При низпосланныхъ намъ снова Знакахъ Божьихъ благостынь, И изрекъ сначала строго Имя троичное Бога Съ утвердительнымъ «аминь.»

П безмолвье воцарилось.... Ждали вст: молчанье длилось. Мнилось — пастырь онтитать. Шопотъ въ слушателяхъ бродитъ: «Знать онъ слова не накодитъ, Даръ глагола отлетъль.»

Ждутъ.... п вдругъ — къ Турецкимъ стягамъ Обратясь, широкимъ шагомъ Онъ съ амвоннаго ковра Устремился на гробницу, И простеръ свою десницу Надъ останками Петра.

Вст невольно содрогнулись, И тайкомъ переглянулись, И поникшіе стоятъ.... Сквозь разлитый въ сферт храма Дымъ дрожащій онміама Сттны, видтлось, дрожатъ.

И простертою десницей Двигнутъ вскользь надъ той гробницей Строй знаменъ, какъ рядъ тѣней, Что вокругъ шатромъ сомкнулся, Зашатался, всколыхнулся И развѣялся надъ ней.

И надъ чествуемымъ прахомъ Ризы пастырской размахомъ Всколебалось пламя свѣчъ; Сѣнь, казалось, гробовая Потряслась — и громовая Излилась Платона рѣчь.

И програнуль гласъ витін:
«Петръ! Возстань! И виждь Россіи
Силу, доблесть, славу, честь!
Се трофен новой брани!
Морелюбенъ нашъ! Возстани
И услышь благую въсть!»

И межь тѣмъ, какъ словъ гремящихъ Мощь разила предстоящихъ, Произнесъ изъ нихъ одинъ Робкимъ шопотомъ, съ запинкой: Что онъ кличетъ? — Вѣдь съ дубинкой Встанетъ грозный исполинъ! (*)

^(*) Черта историческая. Бывшій при этомъ случай Гр В. Г. Разумовскій сказаль тихо окружавшимь его: «Чёго в его кличе? Якъ встапе, то всёмъ намъ достанется». (См. «Дя и замічательные люди пъ Россіи пъ половинѣ X VIII стольі гоч. Вейдемейера. С.П.6. 1846 г. изд. Эйперлията его. 93)

СТАНСЫ

по случаю мира.

Вражды народной конченъ пиръ. Пора на отдыхъ ратоборцамъ! Насталъ давно-желанный миръ, Насталъ — и слава миротворцамъ!

Довольно кровь людей лилась, О люди, люди! Вспомнить больно; Отъ адскихъ жерлъ земля тряслась И бъсы тъщились — довольцо! Довольно черены ломать, Въ собрать видъть душегубца, И знамя брани поднимать Во ими Бога-миролюбца!

За миръ помолимся Тому, Изъ чьей десницы все пріемлемъ, И вкупъ взмолимся Ему, Да въ лонъ мира не воздремлемъ!

Не время спать, о братья, — нѣтъ! Не обольщайтесь настоящимъ! Женихъ въ полунощи грядетъ: Блаженъ, кого найдетъ неспящимъ.

Царь, призывая васъ къ мольбѣ За этотъ миръ любви словами, Зоветъ васъ къ внутренней борьбѣ Со зломъ, съ домашними врагами.

Въ словахъ тѣхъ шлетъ Онъ Божью вѣсть. Не пророните въ нихъ ни звука! Слова тѣ: вѣра, доблесть, честь, Законы, милость и наука. Ты, малый труженикъ земли, Сознай, что въ дѣлѣ нѣтъ бездѣлки! Не мысли, что грѣхи твои Затѣмъ простительны, что мелки!

И ты, сановникъ, не гордись! Не мни, что злу ты недоступенъ, И неподкупнымъ не зовись, Коль только златомъ неподкупенъ!

Не лихоимецъ-ли и ты, Когда своей чиновной силой Кривишь судебныя черты За взглядъ просительницы милой?

Коль гнешь рычагъ вѣсовъ своихъ Нзъ старой дружбы, изъ участья, Иль по ходатайству большихъ, Или за взятку сладострастья? Венет труда свой ва благо обращай! Плуний силу ділать — ділай! Плуний слопоса — віщай, Грени глагодова правди смілой!

Наблется діло в тебі, О чувства и дукі зерно-метатель! Возстань и ты ка святой борьбі, Вити вонивій в писатель!

Возстану — не духа злобы полнъ.
Возстану — не буйвиль дечагогомъ,
Не мотилу двигителемъ волнъ.
Возгумилу ву гибеления тревогия —

133 година добрама возони. И заволя зай 1216-бы на прошесть онъ. Исто права этра и дебей И зо памию права будеть палоне!

Outers and courte resours

Thus so undertile security.

The or Sounds — young operates sour!

Bushing to confection and resource.

Увидишь язвы въ немъ; имъ данъ Лукавый ходъ по жиламъ царства, И противъ этихъ тайныхъ ранъ Нътъ у врачей земныхъ лъкарства.

Пороковъ мало-ль есть такихъ, Которыхъ ядъ пол-міра губитъ, Но судъ властей не судить ихъ И мечъ закона ихъ не рубитъ?

Ты видишь: бѣднаго лиша Послѣднихъ благъ въ послѣднемъ дѣлѣ, Ликуя, низкая душа Широко дремлетъ въ тучномъ тѣлѣ.

Пышнъй, вельможнъй всъхъ владыкъ, Добывъ чертогъ аристократа, Иной бездушный откупщикъ По горло тонстъ въ грудахъ злата.

Мы видимъ роскошь безъ границъ И океанъ долговъ бездонныхъ, Мужей, дошедшихъ до темпицъ Отъ раззорительницъ закопныхъ. Нерѣдко видимъ мы окрестъ И брачный торгъ — укоръ семействамъ, И юныхъ, жертвенныхъ невѣстъ, Закланныхъ дряхлымъ любодѣйствомъ.

Зримъ въ вертоградахъ золотыхъ, Среди цвътовъ, въ тъни смоковницъ, Любимцевъ счастія пустыхъ И ихъ блистательныхъ любовницъ.

Толпа спѣшитъ не въ храмъ Творца: Она спѣшитъ, воздѣвъ десницу, Златаго чествовать тельца Иль позлащенную телицу.

Но есть для васъ, сыны грѣха, Но есть для васъ, земли кумиры, И громъ и молнія стиха, И бичъ карающей сатиры, —

И есть комедіи арканъ, — И какъ босцъ, открывъ арену, Новъйшихъ дней Аристофанъ Клеона вытащитъ на сцену. Гласъ Божій, мнится, къ намъ воззвалъ, И указуетъ перстъ судьбины, Да встанетъ новый Ювеналъ И сдернетъ гнусныя личины!

I.

навздникъ.

Какъ легкая ладья, срываясь безопасно Съ докучныхъ береговъ, летитъ надъ глубиной И веслами обиявъ грудь моря сладострастно, Скользитъ и высится надъ пънистой волной, — Такъ бедуннъ, стремглавъ летя съ утеса, гонигъ Коия въ пустынную, невъдомую даль; Копыто конское въ пескъ сыпучемъ тонетъ Съ. шипъньемъ, какъ въ водъ калящаяся сталь, — И разсъкается песчаная пучина:

Ес мой гордый конь рветъ персями дельфина.

Все быстрѣе, все быстрѣй! Конь мой пышитъ; слѣдъ дымится; Выше, выше пыль клубится; Встрѣчный вѣтеръ все сильнѣй.

ча, мчится онъ — мой вороной — строптиво; его звъзда денницею горитъ; ръя строуса, по вътру въетъ грива, кутъ молніи изъ подъ его копытъ.

Тщетно пальма мнѣ кивая, Предлагаетъ тѣнь и плодъ: Лоно пальмы разрывая, Мчится бурный конь вперёдъ; Со стыдомъ она укрылась Въ свой оазисъ, притаилась, И въ дали изподтишка Водитъ шопотно листами, Насмѣхаясь надъ мечтами И отвагой ѣздока.

Конь — огонь. Сверкаютъ ноги. Пальмы! Прочь съ моей дороги! Здъсь мощный стража пустынь — утест, наъ за у Порой на всадника посматриваетъ скоса, И весь глубокими морщинами изрыть, То дразнить скокъ коня отзвучіями эха, То, средь зловѣщаго надъ бедунномъ смѣха, Тѣмъ эхомъ, въ слѣдъ ему, съ угрозой говорить:

«Сумазбродъ! Куда онъ мчится? Головъ его не скрыться Тамъ отъ знойныхъ стрълъ небесъ Ни подъ сочныхъ пальмъ листами, Ни подъ бълыми шатрами! Тамъ кругомъ одинъ навъсъ — Неба сводъ, да воздухъ жгучій; Тамъ ни облачка, ни тучи; Тамъ скаламъ лишь ночевать! Тамъ звъздамъ лишь кочевать!»

Я впередъ. Угрозы тщетны. Мчусь, упрямо-безотвътный. Оглянулся: гдъ-жь они — Тъ утесы? — Ихъ чуть видно Позади, вдали. Имъ стыдно: Тотъ за этимъ скрытъ въ тъни.

Конь — огонь. Сверкають ноги. Прочь, утесы! Прочь сь дорога! инъ, тѣ слова подслушавъ, встрепенулся; ь кинувъ на меня, подумалъ: «будетъ мой!» кулъ крыломъ—и въ слѣдъ за всадникомъ рванулся, жды прочертилъ кругъ черный надо мной; —

«Чую — каркалъ — запахъ яствы, Духъ добычи: будетъ трупъ! Глупъ тутъ конь и всадникъ глупъ. Тамъ коню не будетъ паствы, И проъзднаго пути Бздоку тамъ не найти! Кто попаль туда — не выдеть; Тамъ свой путь лишь вътеръ видитъ, Но терлется и тотъ, И следы едва лишь бросить -Самъ съ собою ихъ уноситъ Иль пескомъ ихъ замететъ. Тамъ шипятъ въ травѣ колючей Черный гадъ, да змъй гремучій. Тамъ лишь трупамъ ночевать, Хищнымъ птицамъ кочевать!»

калъ черный вранъ — и когти развернулись, ды съ глазу въ глазъ мы съ нимъ переглянулись, ке уступилъ? — Онъ! Взвился — отлетълъ. жо стрълой казнить его хотълъ; Но — глядь: ужь онъ висить на вътръ — гля—и Лишь тенное пятно усматриваеть око, П — меньше, меньше все.... Воть точки уго с П въ небъ наконецъ изтапла она.

> Конь — отонь. Сверкають поти. Птицы, враны! Прочь съ дороги!

Гуть изъ подъ солнца вдругъ, накъ лебель, по Всильнаетъ облако, летитъ на крыльяхъ бури, И также хочетъ тамъ промчаться — въ небесать. Какъ я несусь въ моей пустынѣ, на пескахъ, И надъ челомъ моимъ бълѣя въ небѣ чисточь, Грозитъ мнѣ заодно съ зловѣщимъ вѣтра свисточ

«Безразсудный! — Мчаться радь Самь куда — не разумфеть. Тамь оть жажды грудь изтафеть И уста перегорять. Влаги капли тамъ единой Изъ скупыхъ не брызнетъ тучъ На чело, гдѣ прахъ пустынный Ляжетъ слоемъ, сухъ и жгучъ. Тамъ серебрянаго слова Не проропитъ водный токъ.

- 241 -

Влескомъ утра золотаго Зарумяненный востокъ Тамъ едва лишь на былинку Брызгу влаги опустилъ — Тощій вътеръ ту росинку Ужь укралъ и проглотилъ.»

л ни къ чему. Я мчусь еще быстрѣе.

облако; — потъ каплетъ горячо

ла его, — оно все ниже, все слабѣе —

рому легло утесу на плечо.

улъ взоръ назадъ, ища его глазами,

лый сводъ небесъ лежалъ ужь между нами,

лмѣтить могъ, какъ злобное оно

ветъ въ бѣшенствѣ; потомъ пропоено

елчью зависти, и наконецъ чернѣетъ,

групъ, и на меня взглянуть уже не смѣетъ.

Конь — огонь. Сверкають поги. Облака! Долой съ дороги!

Осмотрѣлся я кругомъ
Взоромъ солнца во вселенной:
Пусто все въ пути моёмъ.
Я одинъ здѣсь, дерзновенный, —

И ни съ сихъ, ни съ тъхъ концовъ,
Ни съ земли, ни съ небосвода
Нътъ на споръ со мной гонцовъ.
Все здъсь тихо. Вся природа
Тяжко дремлетъ съ первыхъ дней.
Не бывало здъсь людей.
Здъсь въ глубокой летаргін
Неподвижныя стихін
Грудой сонною лежатъ,
Какъ стада, съ начала въка.
И при видъ человъка
Перепуганы дрожатъ.

Нѣтъ, — я не первый тутъ: пески здѣсь кѣмъ—то взри Вотъ рвы и насыпи: за ними, мнится, скрыты Въ засэдѣ хищники.... они добычи ждутъ.... Смотрю: и всадники и кони видны тутъ, Ужасной бѣлизной и тлѣніемъ одѣты. Я къ нимъ: недвижимы.... Зову: молчатъ.,.. Скелет И трупы лишь одни! — Здѣсь выгребъ ураганъ Засыпанный пескомъ когда—то караванъ. Вотъ смѣшанныхъ костей бѣльющая груда! Вотъ остовъ ѣздока на остовѣ верблюда Сидитъ, и по его ланитѣ костяной Изъ впадинъ, гдѣ глаза горѣли яркимъ взоромъ, Бѣжитъ сухой песокъ шипучею струёй — И глухо шепчетъ инѣ съ язвительнымъ укоромъ:

«Сумасшедшій бедуинъ!
Гдё ты, бёшеный, одинъ?
Надъ костями каравановъ
Здёсь ты въ царстве урагановъ.
Лютый вихрь тебя снесётъ!»—
Не боюсь. Лечу впередъ.

Конь — огонь. Сверкаютъ ноги. Трупы, кости! Прочь съ дороги!

ервый вдругь силачь — Духъ Африканскихъ странъется грозный царь пустыни — ураганъ. пь безднами песковъ онъ дышитъ полной грудью. гда уединенъ и пріученъ къ безлюдью, гдъвъ издали, что кто-то тамъ летитъ в другой — не онъ, Духъ бурный изумился, — двигаясь впередъ, на мъстъ закрутился, палъ въ раздумье онъ, и самъ себъ шумитъ:

го это изъ моихъ ничтожныхъ, младшихъ братій, ъ съ виду немощенъ, такой некрупной стати, знулъ топтать мои владънья? Какъ забрёлъ мъста, гдъ только мой владычитъ произволъ, я—властитель—царь?»—И съ шумомъ онъ рванулся, за меня столбомъ громаднымъ потянулся,

Приблизился но мив, и вида въ первый разъ Простаго смертнаго столь дерзостнымъ, отпранулъ, Валетьль - и съ высоты пятою въ зенлю грануль И изъ конца въ конецъ Аравно потрясъ, -И варугъ, какъ астребъ злой, схватилъ меня когтац Аыханьемъ жегъ меня, и пыльными врымами Меня обвертываль, и въ прахъ меня валиль, И снова взбрасываль, и вновь объ землю быль. И засыпаль пескомъ; но я не поддавался: Полураздавленный, я снова вырывался И схватывался съ нимъ — могучимъ. Сгоряча Его песчаные віющіеся клубомъ Я члены разгрызалъ остервенълымъ зубомъ. Четвертоваль его. Ужь въ образъ смерча Хотълъ онъ у меня уйти изъ подъ плеча. И, мной обхваченный въ пол-тъла, отбивался, Рванулся — по поламъ въ обхвать перервался — И рухнуль, — и гиганть, шумбвшій въ облакахъ. Упаль нь монмь ногамь огромнымь трупомь въ прахъ.

Часъ отдыха насталъ. Смотрю на группы звъздъ — И тъ, сверкая мнъ очами золотыми, Всъ на меня глядятъ: жилецъ подзвъздныхъ мъстъ Здъсь только я одинъ! Одинъ лишь я подъ цими! И прямо въ очи имъ какъ гордо я гляжу! Какой широкій вздохъ въ груди перевожу!

И грудыо, поднятой на этотъ вздохъ гигантскій Я, мнится, поглотилъ весь воздухъ Африканскій.

■ Какъ взору моему разгуливать легко!

▼ Какъ этотъ вольный взоръ хватаетъ далеко́!

- Простерся-бъ далье, когда-бы въ этомъ мір'я

■ Былъ глубже сводъ небесъ и горизонтъ былъ шире.

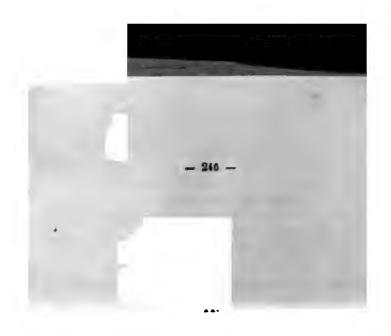
■ Какъ здѣсь обълтія раскинуть я могу!

• Раскидываю ихъ: въ ихъ пламенномъ кругу

До юга съ съвера, до запада съ востока
 Весь безпредъльный міръ улегся-бы широко.
 Я возвышаю мысль — и мчусь за нею самъ.
 Мысль выше... выше... вотъ—прильнула къ небесамт
 Пчела летитъ къ цвътку и жало водружаетъ,

А вибств съ нимъ въ цветокъ и сердце погружаетъ:

Такъ мысль мою едва я въ небѣ укрѣпилъ, Я въ небѣ виѣстѣ съ ней и душу утопилъ.

возвращение тяти.

«Дѣтки, ступайте къ часовнѣ нагорной! Дѣтки, скорѣй! — Торопитесь! Тамъ, предъ иконою ставъ чудотворной, Долго, усердно молитесь!

Тятя не ѣдетъ.... До страшной потери Долго-ль? — Хранимъ-ли онъ Богомъ? Въ лѣсѣ дремучемъ есть лютые авѣри; Есть и разбой по дорогамъ.»

За городъ дати къ часовит нагорной Кинулись мигомъ въ дорогу.

ъ предъ иконой они чудотворной Стали, и молятся Богу;

авть на колтни, головки склоняютть Низко — до праха земнаго, ячное имя Отца призываютть, Сына и Духа святаго.

Върую», «Отче» — прочли, да и снова, И «Богородицу» — тоже, Все наизусть до послъдняго слова, Все — и «Помилуй мя Боже».

и литанію божественной Дѣвѣ
 Старшій запѣлъ, и всей силой
 Прочіе вторятъ, и въ дѣтскомъ напѣвѣ
 Слышится: «тятю помилуй!»

Вдутъ. Колёса стучатъ по дорогъ. Грохотъ возовъ на раскатъ. Кинулись дъти въ веселой тревогъ: Тятя пріъхалъ нашъ, тятя!

Стой! — И купецъ выдетаетъ изъ брички;
Тъ къ нему въ обручъ объятій.

«Что, мон дътушки? Что, мон птички?

Что вы — скучали безъ тяти?

Мама здорова? Тётя здорова?

Лакомки, вотъ вамъ изюму!» —

Дъти кричатъ — не разслышищь ни слова:

Столько веселаго шуму.

Повздъ съ товаромъ купецъ отсыдаетъ, (Съ радостью рядомъ — отвага), Самъ-же дорогу съ дътьми продолжаетъ.... Вдругъ — изъ за лъсу ватага!

Вышли злодън: лохмотья покрыты Свъжими пятнами крови; Страшныя рожи не мыты, не бриты; Ножъ и кистень на-готовъ.

Вскрикнули дѣти; къ отцу въ перепутѣ
Лѣзутъ подъ полы шинели;
Нѣту лица на дрожащей прислугѣ —
Въ ужасъ всѣ помертвѣли.

«Все забирайте!» — Всплеснувши руками Никнетъ купецъ головою,

- 249 -

не творите дътей сиротами, Милую женку вдовою!»

злодін: одинъ отпрягаєть Добрую лошадь; тоть съ крикомъ эть денегь, ножомъ угрожаєть, Вопить въ неистовствів дикомъ. —

Н — Раздался вдругъ крикъ атамана.
 Прочь! — и отхлынула шайка.
 й купецъ! Умирать тебъ рано:
 Съ Богомъ — до дому ступай-ка! —

атаману поклонъ, а разбойникъ: Нътъ, говоритъ, ты на свътъ не остался-бъ, ты былъ-бы покойникъ, Если-бъ не добрыя дъти!

юклонись! — Я-бъ аршинною бритвой Самъ искрошилъ твое тъло, бъ не дътки съ своею молитвой! — Слушай, купчина, въ чемъ дъло:

ын мы, что ты ѣдещь, заранѣ; Мы ужь давно сосчитали Henry — 175 JED. Tank.
MITTELL. ENT.
LINE PLAN — THE D
IE MINIS MEDIAN

In the state of the same state

TO STATE OF THE STATE OF STATE

Ш.

РЫБКА.

Изъ родной подъ лѣсомъ хатки Вышла Зося: вздохи рвутся; Волосъ въ дикомъ безпорядкѣ; Слезы, слезы такъ и льются.

Вотъ знакомое озёрко! Вотъ и рѣчка! — Съ воплемъ муки Зося стала у пригорка И ломаетъ бѣлы руки. «Эй, і водныя жилицы!» Зося в. тетт — Спитазянки! Не от: Обольщ

Панъ, люби мною, Мнѣ въ любви взаимной клядся, А сосватался съ княжною, Надъ бѣдняжкой насмѣялся.

Пусть-же злой обманицикъ съ нею Раздъляетъ счастья долю; Но надъ горестью моею Я ругаться не позволю.

Жизпь на свътъ — ножъ мнъ вострый. Что мнъ жить? — Позоръ — пе шутка! Нимфы! Къ вамъ пду и въ сёстры.... Ахъ, прости, мой сынъ — малютка!»

И слезами захлебнулась, И зажавъ глаза руками, Зося съ берега рванулась И исчела подъ воднами. Гамъ — за лѣсомъ — домъ свѣтлѣетъ.
Подъѣзжаютъ гости къ дому.
Тамъ пируютъ; дворъ полнѣетъ;
Много блеску, шуму, грому.

Въ лъсъ малютку безъ пеленокъ

На рукахъ слуга выноситъ;

Рвется, мечется ребенокъ,
И визжитъ, и груди проситъ.

Хлопецъ жъ рѣчкѣ съ нимъ подходитъ, Гдѣ, раскинувшись бесѣдкой, Надъ водами зелень сводитъ
* Молодую вѣтку съ вѣткой.

«Бѣдный птенчикъ! Ужь испытанъ Имъ и голодъ. Злые люди! Гдѣ ты, Зося? — Говоритъ онъ: Зося! Дай ребенку груди!» —

Здієсь я — слышень въ тьмі подводной Чей-то шопоть, полный ласки: Я дрожу въ струт колодной; Мит песокъ набился въ глазки;

Lumine man money

Lumine man money

Lumine money line

Lumine money money

Lumine money

A TENNET !

Bedenen's marca denoration of the second of

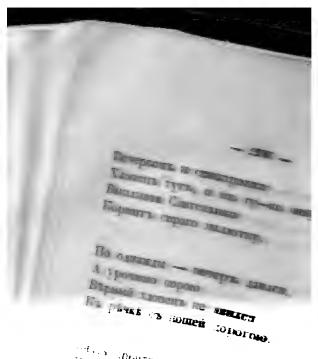
дать замеряности постои . Сереористия чент акой П женынгэ зать негой . уугъ — чешуйка разступилась.... до! — Слышенъ женскій голосъ; удь красавицы открылась, лова и длинный волосъ.

ъ тростникъ стыдливо кроясь, іодплыла она съ улыбкой: Кенскій бюстъ по самый поясъ, къ хвосту осталась рыбкой, —

И береть она ребенка, Къ бъюй груди прижимаетъ, Кормитъ бъднаго, и звонко — Люли, люли — припъваетъ.

Крошка смолкъ, вкусивъ роднова Молока живую струйку; Онъ — къ слугъ, а Зося снова Въ рыбыю прячется чешуйку.

Вдругъ — буль-буль — и рыбка снова Скрыта влаги тайниками; Только воздухъ съ дна ръчнова Тутъ подиллся пузыръками.

Пант, чие те зопотилет...

За потему за напа точана.

За потему за пританлет.

За потему за потему на пританлет.

Кант этин танингат заль канов. Энена Вотъ ужь авъзды! — И украдкой Добрый хлопецъ, сжавъ сердечко, Съ робкой выступилъ оглядкой — Къ ръчкъ.... гдъ-же ръчка?

Что за чудо? Гдв сгибался Свётлой рёчки токъ стекляный — Лишь оврагъ сухой остался, Ровъ безводный, грунтъ песчаный.

Панъ съ женой и ръчки влага — Все пропало безъ надежды; А у самаго оврага Чън-то брошены одежды.

Надо рвомъ скала крутая Встала глыбой посъдълой, Раздвоясь и представляя Видъ четы окаменѣлой.

Хлопецъ, будто околдованъ, Часъ, другой, стоялъ — безмолвный; Словно къ мъсту былъ прикованъ, Неподвижный, страха полный. т. ш.

ट्या द्वारा ।

Harris III

South Electronic Tourism.

IV.

АЛЬМАНЗОРЪ.

3

Таврамъ! Испанцы, разбивъ ихъ ограды,
 Ихъ давятъ подъ гнетомъ ярма.
 въ остались твердыни Гренады,
 Но — горе! Въ Гренадъ чума.

Альпухаръ геройски безстрашенъ Защитникъ ея — Альманзоръ, ь подступилъ ужь къ пятамъ ея башенъ, — И завтра — послъдній напоръ!

настало. Испанцы напали: Твердыни разсыпались въ прахъ, Я къ вамъ изъ Гренады — посланникъ съ дарами: Глуры! Мой даръ вамъ — чума.

«Я къ вамъ простираль зараженныя руки;
Мой ядъ будеть васъ пожирать.
Мои изучайте-жь вы корчи и муки:
Въдь въ нихъ-же и вамъ умирать!»

Онъ ринулся на земь, и кажется — хочетъ Обнять всъхъ Испанцевъ, сводя Средь судорогъ руки кольцомъ, и хохочетъ, Хохочетъ, смотря на вождя —

И стынетъ, — и взоръ свой онъ кровью налитый Со злобой навъкъ закатилъ, И рта не сомкнулъ онъ, и смъхъ ядовитый Къ устамъ искривленнымъ пристылъ.

Испанцы отъ горъ Альпухары въ тревогѣ
Помчались, и войска ихъ тьма
Средь страшныхъ мученій легла на дорогѣ,
И всѣхъ доканала чума.

тъ пусть узнаетъ, что царь побъждённый, Своихъ побъдителей зря, омъ быть хочетъ въ странъ ихъ законной, Вассаломъ другаго царя.» —

явилъ средь недавняго боя Всю силу меча своего, Сспанцы — и чтять въ немъ героя;

Ихъ вождь обнимаетъ его; —

Альманзоръ имъ лобзаньями платитъ, Отъ этого рвется къ тому, вождя ихъ то за руку схватитъ, То прянетъ на шею къ нему, —

- а кольни къ его онъ подножью, Развитымъ тюрбаномъ своимъ его ноги съ бользненной дрожью, И тянется въ пракъ за нимъ, --
- и ужасенъ Испанцамъ явился: Весь синій, взглянуль на враговъ; скаго хохота ротъ искривился, Изъ глазъ его брызнула кровь.
- те, Гауры: каковъ я! Предъ вами Въ лицъ моемъ — гибель сама.

А тамъ, какъ мертвыя возникнутъ въ опый день, — Ты, нежнымъ обо мне полна воспоминаньемъ, Сойди ко мне съ небесъ въ моей могилы тънь И разбуди меня добзаньемъ! —

И я подумаю, сознанія лишенть
 О мною проспанной глубокой, смертной ночи,
 Что лишь на митъ вздремнулъ, очами устремленъ
 Въ твои божественныя очи.

٠٧.

СОНЪ

застаться намъ назначено судьбой, върная, не хочень тяжкой мукт души моей — передъ разлукой злой Не говори мнъ о разлукъ!

тромъ роковымъ я долженъ провести о вечеръ весь, ловя любви усладу;

- наступитъ часъ послъдняго «прости» — Спрошу я пить: ты дай мив яду!

ъ къ моимъ устамъ, и передъ тѣмъ, какъ со ь мнѣ глаза завѣсой вѣчной ночи юслѣдній взоръ мой будетъ устремленъ Въ твои божественныя очи! И чрезъ батистовую ризу Оваловъ очерки сквозятъ.

Долой батисть! — И тоть спустился, И у ея лилейныхъ ногь Туманомъ дремлющимъ склубился И бъльмъ облакомъ прилёгъ.

Гдѣ Апеллесы, Клеомены?
Вотъ мраморъ — плоть! Смотрите: вотъ —
Изъ волнъ морскихъ, изъ чистой пѣны
Киприда новая встаётъ!

Но вмѣсто брызгъ отъ влаги зыбкой — Здѣсь перлъ, ея рожденный дномъ, Прильнулъ къ атласу шен гибкой Молочно-радужнымъ зерномъ.

Какіе гимны и сонеты
Въ строфахъ и риомахъ наготы
Здѣсь чудно сложены и спѣты
Волшебнымъ хоромъ красоты!

Какъ дальность моря зыби синей Подъ дрожню макительно из истоя,

- 267 -

Безбрежность сихъ волнистыхъ линій Неистощима для очей.

Но мигъ — и новая поэма: Съ блестящимъ зеркаломъ въ игрѣ Она султаншею гарема Сидитъ на шелковомъ коврѣ, —

Въ стекло посмотритъ — усмъхнется, Любуясь прелестью своей, Глядитъ — и зеркало смъется И жадно смотритъ въ очи ей.

Вотъ, какъ Грузинка, прихотливо Свой наргиле куритъ она, А ножка кинута на диво, И ножка съ ножкой скрещена.

Вотъ — Одалиска! Станъ послушный Изо̀гнутъ легкою дугой На зло стыдливости тщедушной И добродътели сухой.

Прочь Одалиски видъ лукавый! Прочь гибкость блещущей эмъи! Алмарт безт грани, безт оправы — Прекрасный образт безт любан.

И вотъ — она въ изнеможеньѣ, Ее лельють грезы сна, Предъ нею милое видънье.... Уста разомкнуты — блъдна, —

Къ объятьямъ призрака придвинувъ Въ восторгъ матющую грудь, Главу за плечи опрокинувъ, Она лежитъ.... нътъ силъ дохнуть....

Прозрачны вѣжды опустились, И какъ подъ дымкой облаковъ — Подъ ними въ вѣчность закатились Свѣтила черныя зрачковъ.

Не саванъ ей для погребенья — Нарядъ готовьте кружевной! Она мертва отъ упоенья. На смерть похожъ восторгъ земной.

Къ ея могилъ путь недальній:

режность сихъ волнистыхъ линій тощима для очей.

инть — и новая поэма: ілестящимъ зеркаломъ въ игрѣ султаншею гарема гтъ на шелковомъ коврѣ, —

текло посмотрить — усмъхнется, уясь прелестью своей, итъ — и зеркало смъется адно смотрить въ очи ей.

ь, какъ Грузинка, прихотливо і наргиле куритъ она, ожка кинута на диво, ожка съ ножкой скрещена.

ь — Одалиска! Станъ послушный гнутъ легкою дугой зло стыдливости тщедушной обродътели сухой.

чь Одалиски видъ лукавый!

ر ان ان ان

СТАРАЯ ПЪСНЯ ЮНАГО ВРЕМЕНИ.

Бывало — съ Розою вдвоемъ
Я по лъсу блуждаю,
Болтаю съ ней о томъ, о семъ,
О чемъ — и самъ не знаю.

Я былъ мальчишка; дни любви Еще миѣ не настали: Гдѣ Розѣ пѣли соловьи, Миѣ тамъ дрозды свистали.

*Вотъ, говорю, цвѣты! цвѣты! Трава млгка, кака комс.

Тамъ ей на вѣткѣ какъ-то разъ
Плодъ спѣлый приглянулся:
Кисть нѣжной ручки поднялась,
Рукавчикъ отвернулся;
—

А я всю тупость оказаль Ребенка — недоучки: Я Розъ вътку нагибаль, Не видя пышной ручки.

Природа, съ зеленью лѣсовъ, Дышала тайной южной; Цѣлуя бархатъ береговъ, Бѣжалъ ручей жемчужный.

Ей ножку вздумалось разуть — И въ воду понемножку.... А я — не думалъ и взглянуть На бъленькую ножку.

Идемъ. Я холоденъ, какъ ледъ. Глядь! Роза въ нъгъ томной То улыбнется, то вздохнетъ, А лъсъ кругомъ претёмный.

Потомъ изъ лесу Роза пла

И л съ ней; день быль свътелъ:
Лишь тутъ, что Роза такъ мила,
Впервые л замътилъ. —

«Зачёмъ объ этомъ думать? — Вздоръ!» — Вся вспыхнувъ алымъ цвётомъ Сказала Роза; я-жь съ тёхъ поръ Все думаю объ этомъ.

— 273 —

VIII.

къ фанни п.

Оградясь невинностью святою, Пой, играй и веселись, малютка! Будь цвъткомъ! Будь утренней зарёю! Жизнь твоя покуда — смъхъ и шутка.

О судьбѣ не погружайся въ думу! Даль темна. Среди земныхъ явленій Наша жизнь — увы — немиожко шуму. Въ грустномъ мірѣ, гдѣ такъ много тѣни.

Зла судьба: мы это видимъ лено; Наша скоро́ь ей инчего не значитъ. Ти пверканны этипин пра у на приминеть — пре п Глани, такъ богатые лучам И мезами наконенъ богаты.

Но пока закрыто все, что у Спыйскі ізявль всть пучний ченнинь, шта пое докута Надъ люон покровь чарова

Розанъ чой! Еще ты эксречт Не паметь, не пеныталь ден Озаренъ та тохимъ частъем Отраженьемъ мименьянна сма

Даръ небесь — поэта стантал При тебъ пако пость полож эсть та, что въ твой зрачекъ блестящій души невинной переходитъ.

прими мое благословенье!

> и разлукъ такъ идетъ молитва!

> едо мною — гробъ, успокоенье;

редъ тобою — жизненная битва.

отъ съ тобой, невинное созданье! Сребій твой сказался отъ пеленокъ: мнелъ ты, ведомый на страданье, Зъ женщины назначенный ребенокъ!

IX.

ОНА СКАЗАЛА.

Она сказала: «да, — и тъмъ я дорожу! Мечта о лучшемъ пусть въ соблазнъ меня не вводить! Въдь ты со мною адъсь; глазами я слъжу, Какъ мысль въ твоихъ глазахъ вращается и ходить.

И темъ довольна я — конечно, не вполив!... А все-же мой уделъ — уделъ благополучныхъ. Чего не любишь ты — пасквозь известно мив: Я двери стерегу отъ лицъ, тебе докучныхъ.

Твоя голубка — я. Ты пишень: близь тебя, $\mathbf{y}_{10\text{THO}}$ сжавшись, я на локотокь прилигу,

му перо, то вслушиваюсь я. , мой гордый левъ, ворочаешь бумагу.

сенье — хмъль, мечта — напитокъ, да. ! Я счастлива и не ропщу нисколько....

твивло-бъ мной заняться иногда,

ъдь цълый день все книги, книги только!

женые твоего склоненнаго чела насъ и грустно миж. Ни слова миж, ни взгляда! на тебя смотръть удобно я могла, меня тебъ взглянуть немножко надо.»

TO CAABA?

Что слава? — Нельпые крики. Свътъ жалокъ; куда ни взгляни — Въ немъ многіе тъмъ и велики, Что малы, ничтожны они.

Я знаю, что свътъ рукоплещетъ Героямъ — когтистымъ орламъ, Жельзу, которое блещетъ И многимъ несвътлымъ дъламъ.

Помиси вя тыймфученой крясе Дя; — Слястее земпи — колеснипа: Въ одномъ изъ келесъ ел врится, А Кесаръ — въ другомъ колесъ.

Все то-жь — въ Тразименъ, Фарсалъ. Любуйтесь сквозь пламя и дымъ Всъмъ тъмъ, что Нероны взорвали Палящимъ дыханьемъ своимъ!

Молитесь! Склоняйте кольна! Мир-жь крошкой глядить великанъ. Все вздоръ! Нотому что онъ — приа, Ужь будто-бъ онъ сталъ океанъ?

Да, — въруйте въ пражъ величавый, Въ громады пустыхъ пирамидъ, Во все, что прикинулось славой, Во все, что такъ бурно шумитъ!

Коснъя въ понятіяхъ дикихъ, Молюсь я, поверженный ницъ, Не богу героевъ великихъ, А Господу маленькихъ птицъ, —

Не богу воинственных становъ, Орудій, мечей и цитыковъ, Не богу такж злыхъ урагановъ, Что двигаютъ массы полковъ, —

Не идолу тёхъ, что тревогу Подъемлють, купалсь въ крови, Но мириому, доброму Богу — Источнику вѣчной любви, —

Тому, что въ поэмъ вселенной Зажегъ, въ мірозданья строфахъ, Стихъ первый — любовію въ сердцъ, Носльдній — звъздой въ небесахъ,

Что пищу даетъ своимъ птичкамъ, Даруетъ и мохъ, и тепло, Ихъ гнъздышку съ бълымъ личкомъ, Чтобъ пъвчее племя расло,

Что грѣя соломкого сельской Семейство Орфеевъ лѣсныхъ, Шлетъ въ лиственной почкѣ Апрѣльской Міръ новый, волшебный для пихъ;

Когда-жь это все оперится, Излучисто врознь полетить — Вкругъ каждаго гивздышка, мнится, Святое сіянье горитъ.

Исторію мы безъ препоны Творимъ себъ — всъмъ на показъ: Великіе есть Пантеоны, Огромные храмы у насъ.

У насъ есть мечи роковые, И мало-ль различныхъ чудесъ? У насъ — Вавилонъ, Пипевіл, Гробницы до самыхъ небесъ.

А что-бы осталось? — Лишь слёзы, — Когда-бы Зиждитель міровъ Отнять захотъль у насъ розы, Когда-бы онъ отняль дюбовь!

Д **БТ**С′

Ребснокъ пѣлъ, игралъ; вбли Едва, едва дыша. Реблческо: И бѣдной матери предсмерти

— 283 —

ть утру умерла, вздохнувъ о малольткъ, нъ — онъ принялся опять играть и пъть. наль есть зръдый плодъ: на слишкомъ слабой въткъ слому плоду Богъ не даетъ созръть.

утру умерла, вздохнувъ о малольткъ, ъ — онъ принялся опять играть и пъть. ль есть зрълый плодъ: на слишкомъ слабой въткъ лому плоду Богъ не даетъ созръть.

										40	198
Воспоминание о Кр	tint						*	-	-		3
Его не стало										4	4
Писъма			4.1								4
Благодарю васъ за	цв	br61				٠	4				1
Кипарисъ						*					4
Неотвазная мысль	4					4		_			8
Прежде и теперь											3
Н. Б. Вележеву	Q^{\prime}		L			4					5
Рашель											5
Вьющееся растень											6
Три власти Рима		•					•				6
Мелочи жизни .											7.
Что-то будетъ?											7
Исходъ											7
Лебедь											8
Грустная пѣсня.											8
Чувство											9
Я знаго								•			9
Смейтесь!											9
Воспоминаціе .								•	_		9
Сновидьніе				•					•		10
Послѣ похоронъ А.	Α.	К.				_			•	į	10
Прометей								•	Ī	٠	41
Насколько словъ о							•	•	•	•	11
Діонисій и Филоксе						•	•	•	•	•	45
Вечеръ въ саду.			•	•	•	•	•	•	•	•	46
Поэзія	•	•	٠.	•	`.	•	•	•	•	•	43
· · · ·	•	•	-	•	-	•	•	•	•	•	,,

•

•

`. .•

	•									(Страж
финое слово	•					•.	• .		•		136
цвъ на вызовъ										· .	137
мо Абдель-Ка								•.			139
- Гончарову	-					٠.		٠			143
птва											145
аніе силы .	•										146
ыку											149
одарю										٠.	151
ительницѣ спо											153
											155
										٠	157
этечеству и в	оага	мъ	er	0							159
и двъ ночи							:		•		167
умье	·		•	•	•	•	•		•	•	170
е слово о Вел	HRO	Мъ	•	•	•	•	•	•	•	•	172
тіанскія мысл							•	•	•	•	190
		-					•	•	•	•	192
							•	•	•	•	204
Б дній пиръ .									•	•	214
аніе о визитах							•			•	214
енскіе трофеи								•	•	•	
сы по случаю	MH	pa	•	•	•	•	•	•	•	•	229
	П	E P	EΒ	J, 0	ы.						
Наѣздникъ										•	236
Возвращені	e TA	ПТИ									246
Рыбка .								•			251

,

	Альманзоръ									
	Сонъ									
VI.	Женщина-по	MCC	B							
VII.	Старая пѣси	A I	OHE	tro	вре	eme	H31	٠	4	
VIII.	Къ Фании I	I.	é							
	Она сказала									
X.	Что слава?									
XI.	Дътство .					٠			,	

GENERAL BOOKBINDING CO.

QUALITY CONTROL MARK

DATE DUE

JAN 2/1 1984

S/U L.

PG 3321 .B435 1856 C.1
Stikhotvorenila.
Stanford University Libraries
3 6105 036 093 1440